

АЙВЕН
САНШЕРСОН

*Сокровища
животного мира*

АЙВЕН
САНДЕРСОН

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

АЙВЕН САНДЕРСОН

*Сокровища
животного мира*

*Перевод с английского
М. КОВАЛЕВОЙ*

Москва
АРМАДА
1996

ББК 84.7США
С 18

Ivan T. Sanderson
Animal Treasure
New York, 1966

Иллюстрации
А. Сичкаря

Рисунок на переплете
С. Цылова

С 4703010100-98 Без объявл.
9СЗ(03)-96

ISBN 5-7632-0187-6

© Художественное оформление,
АРМАДА, 1996
© Перевод, Ковалева М. Н., 1987
© Иллюстрации, Сичкарь А. Н.,
1996

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Множество зверюшек, которым удалось проскользнуть на страницы этой книги, жили, а может быть, живут и до сих пор в глухих девственных лесах Западной Африки, возле местечка под названием Мамфе, о котором знает лишь горсточка людей на всем земном шаре¹. Оно находится примерно в двухстах пятидесяти милях на северо-северо-восток от Калабара — города, забравшегося в юго-восточный уголок тогдашнего протектората Нигерия. Мне кажется, что большинство людей имеет довольно смутное понятие о том, где это место расположено. Во всяком случае, сам я, перед тем как отправиться в Африку, представлял себе это весьма неопределенно. Если же вам инте-

¹ М а м ф е — город в северо-западной части современного Камеруна.

ресно или нужно знать, где оно находится, предлагаю заглянуть в атлас, как сделал некогда и я.

От Калабара на север течет река, которую называют обычно Кросс-Ривер — Поперечная — имя, вполне подходящее для реки, которую то и дело приходится пересекать из-за многочисленных отмелей. Река внезапно поворачивает на восток и выходит за пределы Нигерии, на прилегающую территорию протектората Великобритании¹, и там, разбившись на целую сеть протоков, теряется в глубине непроходимых лесов. Вся территория к западу от реки изрезана вдоль и поперек автомобильными и железными дорогами, а к востоку простирается нетронутая, ничем не изуродованная Африка, такая, какой она была до того, как европейцы расплозились по ней во все стороны.

Но прежде чем продолжать, объясню вам, какими судьбами я вообще попал в Мамфе.

Некогда я был ребенком — очень маленьким ребенком, у которого было богатое — не знающее границ — детское воображение. Так уж случилось, что я появился на свет в Эдинбурге, а значит, свет этот был тусклый и серый, и кругом царила промозглая сырость. Потому-то я и рвался к солнцу с самого детства, так сказать, наперекор стихиям. А потом какой-то добрый дядя подарил мне книжку с картинками, где были пальмы и люди дремали на солнцепеке. Судьба моя была решена.

У меня была любимая няня — она со мной до сих пор, — вместе со мной она гонялась летом за бабочками и учила меня произносить нараспев названия диких зверей, переворачивая одну за другой страницы книги, где росли пальмы. Получилось, что

¹ Имеется в виду Западный Камерун, находившийся в период экспедиции под мандатным управлением Англии.

яркое солнце, зверье и пальмы как-то сплелись в моих детских мечтах и укоренились, как гибридное семя, упавшее на плодородную почву.

Должно быть, все мы можем докопаться до истоков собственной личности, если углубимся в воспоминания детства, и все же в каждой из наших маленьких личных биографий обязательно натыкаешься на «мертвую зону». После того как семя брошено, оно словно спит под землей, до тех пор пока ребенок не попадет в школу и не научится приводить свои фантазии в соответствие с реальностью. В школе я узнал, что пальмы вместе с жарким солнышком охватывают толстое пузо земли наподобие пояса. На горизонте замаячило слово «тропики». Оно росло на глазах. Я почти поднял бунт — забросил свои обычные занятия и принялся с лихорадочным увлечением составлять список африканских антилоп. В итоге меня то силой, то ласковой едва-едва «протащили» через обязательные экзамены. Наконец в один прекрасный день стараниями и страданиями ближних я оказался в завидном положении: перед тем как поступить в университет и вплотную заняться изучением своих зверюшек, я мог остаться на лишний год в школе или заняться чем-нибудь еще. Я выбрал «что-нибудь еще» и убежал из Европы, как кролик от выстрела. В то время мне было семнадцать лет — нежный, впечатлительный и увлекательный возраст, и мои чемоданы ломились от ловушек, сачков, инструментов для препарирования животных, — короче, от традиционного арсенала кол-лекционера.

Пересаживаясь с одного плавучего ковчега на другой, я наконец добрался до страны моей мечты. Вокруг, куда ни глянь, грустили пальмы, дремали коричневые люди, а белые люди обливались потом и бранились. И все было именно так, как я себе воображал, так что ни

одна самая безудержная мечта моего детства не была обманута. Я отправился в путь по фиолетовым волнам, омывающим Восточную Индию, к цели своих мечтаний — Макассару¹. Можно ли найти название более романтическое? Оттуда, увешанный ловушками, сачками и прочим снаряжением, я отправился в глубь страны, абсолютно убежденный, что труды великого Альфреда Рассела Уоллеса найдут наконец-то свое завершение.

Тут на мой юношеский энтузиазм обрушился первый удар. Я трудился в поте лица днем и ночью, ставил ловушки, скрадывал зверюшек, снимал с них шкурки, набивал тушки, упаковывал. Трудности преодолевал с восторгом. А результаты? Трезво оценить их я смог, лишь когда проделал обратный путь домой в тысячи миль и увидел все виды животных, добытых мной с таким трудом и мучениями, в сумрачном свете музейных зал. Чего я достиг? Не более чем повторения самых скромных достижений великого Альфреда Рассела Уоллеса.

Что-то явно было не так.

Мало-помалу до меня дошло, в чем тут дело. Научные методы коллекционирования животных безнадежно устарели.

Приобретая кое-какие знания, но не растеряв энтузиазма, я отправился в Кембридж. И то, что я там увидел и узнал, лишь подтвердило наполовину оформившиеся в моем мозгу теории. Один из профессоров сказал, что зоология прошла в своем развитии три стадии: «что, как и почему». Он объяснил, что благодаря усилиям несметной армии коллекционеров мы почти исчерпали ответы на вопрос «что». Весь живот-

¹ Макаassarский пролив отделяет остров Калимантан (бывший Борнео) от острова Сулавеси (Индонезия).

ный мир планеты более или менее изучен и классифицирован, хотя небольшие пробелы остались и возможны находки какого-то количества новых видов. Теперь зоология перешла в стадию «как». Исследователи стали задаваться вопросом, как природа создает формы: вот почему университеты поощряли экспериментальную биологию и физиологию, отдавая им предпочтение перед «систематикой». А наиболее передовые ученые уже начинали интересоваться не только как природа действует, но и почему она действует именно таким образом. Теперь-то я понял, почему мне не удалось ничего добавить к той работе, которую Уоллес проделал в 1860 году. Я понял, почему дорогостоящие экспедиции возвращались одна за другой, почти не оправдав затрат. Я понял, почему ничего не известно и не написано о подлинном поведении животных в природе, если не считать тех, которых можно увидеть или наблюдать в неволе в Европе и Америке, да и о них известно довольно мало. Я даже понял, по какой причине создается преемственная цепь пересказов выдумок и неверных сведений о большинстве животных.

Дело было в том, что никто не мог ответить на вопросы «как» или «почему» относительно поведения животных, исключая тех немногих, которые содержались в неволе. Только наиболее яркие отличия, подчеркнутые при сравнении высушенных или заспиртованных останков живых существ в музеях, были отражены в литературе.

Благодаря злключениям в Малайе¹ я узнал, как можно это исправить — надо только убедить кого-то,

¹ Территория бывшей английской колонии Малайя (на Малаккском полуострове), ныне в составе государства Малайзия.

что это практическая, очень нужная и сравнительно недорогая идея. Игра началась всерьез.

Организация экспедиции, если подумать,— дело довольно запутанное. Вас осаждают пугающие проблемы: куда ехать, что собирать, для кого собирать, где раздобыть денег, какое снаряжение закупить и где его достать. Эти задачи нелегко разрешить даже миллионеру. А для простого ученого они поначалу кажутся вообще неразрешимыми. Я довольно быстро понял, что, если хочешь доставить в непроходимый тропический лес настоящую портативную исследовательскую базу, придется обратиться к деловым методам, и, следовательно, прежде всего заняться проблемой капиталовложений.

Как раз в то время в мои руки случайно попал циркуляр, в котором говорилось, что некоему знаменитому ученому нужны внутренние органы определенного вида животных. Как ни забавно, эти животные водились только в том месте, которое я как раз и намечал для своей экспедиции. Выбрал я его потому, что климат там был самый скверный, а среди медиков о нем шла самая дурная слава — значит, его, вернее всего, обходили стороной. Даже ученым не чужда странная привычка оставлять самые неприятные места напоследок. Я пошел к знаменитому ученому и полностью покорился обаянию этой скромной и удивительной личности.

Потом — опять-таки совершенно случайно — меня познакомили еще с одним великим представителем ученого мира, который желал получить исчерпывающие сведения о небольшом дельфине, обитающем якобы в реках той же страны. От него я возвратился к ведущим ученым Кембриджа и сообщил им о своих планах; оказалось, что их интересует гигантская водяная землеройка из этих же мест,

а также коллекция всех видов животных, которые там водятся.

Пока тянулись все эти переговоры, я советовался с моими друзьями из Британского музея; они помогали мне еще с тех давних пор, когда я так самозабвенно собирал названия африканских антилоп. Выяснилось, что и им нужны многие животные, в частности необычная, похожая на клеща *Podogona* — в коллекциях было не больше полудюжины экземпляров этого рода. И все, как один, обещали помочь мне раздобыть средства для экспедиции в различных научных обществах.

Так половина проблем неожиданно решилаась сама собой — куда ехать, что и для кого собирать и как покрыть все расходы. А что купить и где купить — меня нисколько не волновало. Я все детально обдумал заранее, хотя, если бы ученые, финансировавшие экспедицию, увидели своими глазами, на какое оборудование я трачу деньги, с ними случилась бы повальная истерика.

Но теперь встала во весь рост очередная проблема: кого мне взять с собой? Попробуйте спросить у любого человека: «Кого бы мне взять с собой в экспедицию?» — и вам непременно ответят: «Боже ты мой, да тысячи молодых людей готовы душу прозакладывать, только бы попасть в экспедицию!» Но, поверьте мне, все далеко не так просто. Когда вы объявляете, что отправляетесь в Западную Африку, срок процентов желающих тут же отпадают; объясните, что вы едете работать, а не охотиться на крупную дичь, и вы избавитесь еще от тридцати процентов энтузиастов.

Примерно половина оставшихся, вероятнее всего, окажутся зоологами. От этих придется избавиться, и как можно скорее, потому что нет никого, кто мог бы

поспорить убожеством воображения и косностью взглядов со средним молодым зоологом.

На этой стадии прореживания претендентов пора вспомнить и о подходящем физическом облике. Здесь мои взгляды прямо противоположны общепринятым, в том числе взглядам медиков и людей, долго живших в тропиках. Тем не менее эти методы уже оправдали себя трижды, так что вот вам мой совет, и я отвечаю за каждое слово.

Для тяжелой работы в тропиках выбраковывайте всех атлетов, спортсменов и вообще всех верзил, культуристов и крепышей. Из оставшихся выберите тех, кто по крайней мере привык чувствовать себя как рыба в воде в ресторанах, где дым коромыслом, в кабаре, где не продохнешь, и в битком набитых вагонах метро. Из этих «червяков», которых наберется человек пять, не больше, надо выбрать с известной степенью риска того, кто не страдает какой-нибудь болезнью в скрытой форме: в тропиках она может расцвести пышным цветом. Риск, однако, не так уж велик: человек, который способен жить в настоящем прокуренном кабаре, выживет где угодно, если только он попал к вам не в предсмертной агонии! И в последнюю очередь решаются вопросы о совместимости характеров или сходстве вкусов.

Когда я уже совершенно потерял надежду найти себе спутника, мне вспомнился разговор за чашкой чая несколько лет назад, на кухне, в четыре часа утра. Потрясающее совпадение: не прошло и трех дней, как мой товарищ по ночному чаепитию явился из Парижа (где он жил) и буквально столкнулся со мной нос к носу.

Мы встретились с Джорджем Расселом, но на этот раз не болтали о тропиках за чашкой чая, как тог-

да, а довели до конца работу по организации экспедиции.

Джордж удовлетворял всем моим условиям, и, как ни странно, оказалось, что в нем таились необычайные возможности: он даст сто очков вперед любому атлетически сложенному джентльмену.

И вот в августе мы отплыли в Африку и вдвоем отправились осуществлять наши великие замыслы в девственные тропические леса района, лежащего в сотнях миль за Калабаром. Когда у Джорджа появилась невысокая, но упорно не снижавшаяся температура и ему сказали, что он умирает от чахотки, я срочно отправил его обратно на побережье, а тем временем слал домой панические телеграммы с требованием замены. Но когда Джордж, добравшись до побережья, пошел к другому доктору и узнал, что и легкие, и все остальное у него в полнейшем порядке, мне сообщили, что его «заместитель» уже отбыл к нам. Джордж дождался своего «заместителя» и вернулся ко мне вместе с ним. Состоялась торжественная встреча, и вскоре я понял, что по счастливой случайности судьба послала мне еще одного необычайного спутника.

Не могу представить себе на месте Герцога никого, кто так подошел бы к нашей компании и с такой тщательностью и блеском справлялся бы со своей работой, хотя наше приглашение застало его в Кембридже, где он учился на инженера, и ему пришлось, прервав учебу, в три дня собраться и вылететь из Англии. Беда была только в том, что он был полноват, и ему пришлось помучиться, как всегда в таких случаях, пока он не похудел. Для начала у него резко подскочила температура, и он весь пожелтел, а мы едва не спятили со страху. Потом ноги у него сплошь покрылись тропическими язвами, и ему пришлось вернуться в базовый

лагерь, пока мы бродили по городам на севере. В конце концов после второго приступа лихорадки он отошел, как и мы, и к концу путешествия прямо-таки расцвел и был полон энергии.

Прибытие Герцога было единственным значительным событием в нашей экспедиции. Это и есть главная причина того, что я буду изо всех сил стараться избегать традиционного рассказа о путешествии. Уже накопилось множество повестушек об экспедициях, изобилующих нападающими носорогами, поварами-острословами, высочайшими пиками, которые предстояло покорить, коварными вождями и непослушными «бóями». Позвольте мне, прошу вас, отвлечься от мелких бытовых неурядиц, которые забавляли или раздражали нас, и рассказать по мере возможности о стране и ее жизни, как она представлялась глазам зоологов, которые приехали туда и жили там ради своей определенной цели. Мы отправились не пострелять и не просто для сбора коллекций, а для того, чтобы изучать жизнь животных в естественных условиях, подмечать особенности их внешнего вида, поведения, привычек. При этом мы собирались применить методы, общепринятые в музеях и научных учреждениях, а не те, что уже были опробованы немногими походными или плавучими лабораториями, побывавшими в полевых условиях до нас. Я был намерен делать в точности то, что делает эксперт в музее, но моим объектом должны были быть живые или только что добытые животные, а не высушенные образцы и тем более не чужие описания или рисунки.

В Африке я вел очень подробный дневник и мог бы воспроизвести его день за днем, но тогда мой рассказ заполнили бы плохие повара, разгневанные вожди, портовые таможенники и все такое прочее. Животные прорывались бы через неравные интерва-

лы в самых неожиданных местах и в самых непостижимых сочетаниях — мартышки и клещи, гиппопотамы и блохи. Но мы видели страну не в такой неразберихе. По мере того как нам попадались животные, они занимали свои места, как и в природе, так что мы встречали сначала одно сообщество, а затем другое, проникая все глубже и глубже в истинную суть их жизни.

Первое, с чем сталкивается коллекционер по прибытии в новую страну, — это «мирские захребетники» в довольно широком смысле.

Пройдет немного времени, и любопытство увлечет коллекционера в окрестные леса. Там он встретится с совершенно иной жизнью, которая в свою очередь разделится на несколько более или менее изолированных миров. Наверху — «воздушный континент», а вдоль больших рек — совершенно своеобразное сообщество животных; на земле под пологом леса — еще одно, а под землей — другое. На травянистых склонах высоких гор и в густых, пропитанных влагой рощах, разбросанных по этим склонам, — снова мирки живых существ, непохожие друг на друга. А под конец мы встретимся с теми несчастными изгоями, которые, кажется, нигде не могут прижиться; их постоянно гонит с места на место и швыряет туда-сюда вторжение человека или прихоти природы.

Мне хочется попытаться дать вам живое описание всех этих существ в точном порядке, который отражает их места в природе, как их увидели глаза того, кто изучает одновременно и генеалогическую классификацию животных, и их естественную (или экологическую) классификацию. Зоологи не обратили внимания на то, что эти две классификации вовсе не одно и то же, хотя обе они очень важны. Мы отправились в Африку за несколькими определенными видами и при

этом проверяли теорию, согласно которой новые сведения о животных нужно добывать на месте, в полевых условиях.

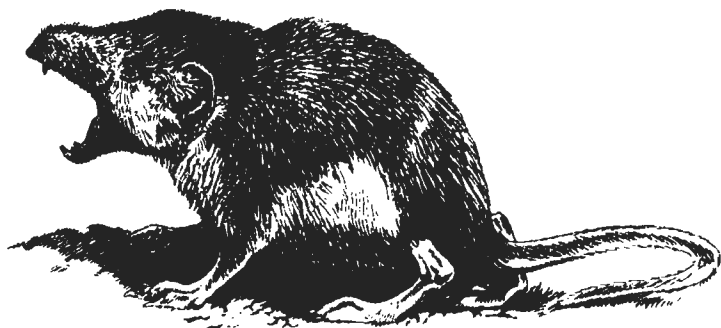
Пусть же эти животные сами расскажут о себе и ответят на те вопросы, которые, надеюсь, вы захотите задать.

Необычные вредители

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая
ПТИЦЫ.
ЗЕМЛЕРОЙКИ И ЗМЕИ В ТРАВЕ

Если посмотреть из нашего домика в Мамфе на запад, юго-запад или юг, перед нами откроется довольно привычный вид: лужайки, покрытые травой, небольшой ручеек, теннисный корт, несколько низких сарайчиков, крытых гофрированным железом, и все это объединяет извилистая, весьма посредственная дорога, покрытая утрамбованным щебнем. Даже деревья показались нам знакомыми. Мирно паслась лошадь, с серого неба моросил дождик, и белый мужчина в фланелевых брюках, попыхивая трубкой, проехал по дороге на велосипеде.

Однако эта иллюзия вскоре нарушилась: ослепительно белая птица, долговзая, с неловкими черными но-

гами, скорее свалилась, чем влетела в поле нашего зрения и сделала попытку сесть на спину лошади. Конечно, она промазала, как это свойственно белым цаплям. Врезавшись в забор, птица сложила крылья, не успев встать на ноги, и долго раскачивалась, как пьяная, взад-вперед, пронзительно вскрикивая и подозрительно оглядываясь, словно во всем был виноват еще кто-то, кроме нее самой.

Эти птицы — своего рода паразиты: точнее сказать, Африка кишит ими, как паразитами, — такую прекрасную птицу, как белая цапля, чей вид радует глаз, невозможно ставить на одну доску с крысами или блохами. В былые времена за ними охотились из-за плюмажных перьев, которые выглядят из оперения белоснежными облачками. Теперь, когда плюмажи дешевле и красивее получаются из целлофана, эти прелестные птицы предоставлены самим себе и заменяют жителям маленьких поселков Западной Африки наших лондонских голубей.

В то утро, когда мир, открывшийся перед окнами гостиницы в Мамфе, казался тускло-серым и темно-зеленым, эгреты¹, словно светильники, сверкали ослепительной белизной. Вдоль одной стены дома между двумя шестами была натянута веревка. На ней мы развесили маленькие марлевые мешочки с черепами отпрепарированных нами животных. Череп, с точки зрения зоолога, — самая ценная часть тела животного и требует особого внимания. Его очищают с превеликой тщательностью от остатков мышц, промывают в струе воды, обсушивают опилками и, наконец, подвешивают сушиться в отдельном мешочке, снабженном этикеткой. Мешочки нужны, чтобы сохранить зу-

¹ Эгретами автор называет малых белых цапель.

бы, которые могут выпасть при высыхании или разложении мягких тканей.

Мухи, однако, быстро разведали, что находится в мешочках, и принялись откладывать туда свои яички. Эгреты обнаружили мух, которые непрерывно жужжали, размножаясь среди отбросов почти на глазах. Белые цапли должны охотиться на болотах — если судить по их длинным,

стройным ногам и строению лап. Вылавливать мушинных личинок, болтающихся примерно в десяти сантиметрах под раскачивающейся веревкой, задача для них примерно такая же трудная, как для начинающего канатоходца съесть яблоко, подвешенное под канатом. Птицы то и дело срывались вниз, порой они все одновременно теряли равновесие и валились как подкошенные в облаке мух.

Мешочки, нанизанные на веревку, мы на закате снимали и уносили в дом, чтобы уберечь от нежелательных проявлений внимания со стороны множества ночных марадеров. Одна цапля довольно потрепанного вида проведала, что они перекочевывают под навес за домом. Незадачливая птица ухитрилась застрять между стеной и балками крыши, пытаясь туда пробраться. Я до сих пор не могу понять, как ей удалось протиснуться так далеко. Плотно заклинившись там, она резко вскрики-

вала, как капризный младенец, пока мы искали источник суматохи. Когда я ее нашел, оказалось, что она не так уж испугана, но зато явно не в духе и злится, как Утенок Уолта Диснея: в глазах у нее было то самое выражение непритворного удивления, с каким белая цапля глядит на мир после очередного просчета или дурацкой выходки, а без них у нее не обходится ни один день. Когда я, путаясь в перьях, попытался протолкнуть ее сзади в промежуток между балками, она икнула и, открыв клюв, отрыгнула три комка мушинных личинок, каждый величиной с яблоко. Цапля, казалось, удивилась еще больше, когда без всякого труда проскользнула между балками.

У малых белых цапель в Мамфе были враги, одного из которых внезапно постиг конец как раз в тот пасмурный день. Потрепанная цапля после своего неудачного набега на наш дом стала относиться к своим сородичам пренебрежительно и высокомерно. Не обращая внимания на раскачивающуюся гирлянду черепов, она стала систематически вторгаться в наши владения — к столам препаратов, и ее приходилось то и дело выдвирать за покушения на них. На этот раз ее выгнали с веранды в ту минуту, когда ее собратья поспешно отступали в укрытие — густой кустарник за нашей кухней.

Покачиваясь и сварливо бормоча себе под нос, она стояла среди распяленных на дощечках тушек животных, которые мы вынесли посушиться на солнце. Это был первый выход цапли за несколько недель. Она была так глубоко возмущена, что не заметила ни поспешного бегства других птиц, ни беззвучно скользящей по утоптанной земле таинственной крестообразной тени. Гонг-гонг, самый юный из наших помощников, стоявший весь день на страже в углу веранды и следивший за коршу-

нами, которые падали с неба на набитых нами крыс, принимая их за живых, поднял тревогу.

Коршун — за необычайные размеры его, наверное, в Англии называли бы орлом — на этот раз, однако, выбрал своей жертвой нашу подружку цаплю. Когда Гонг-гонг призвал к оружию, все кинулись к заряженным ружьям — они у нас всегда под рукой. Мы повыскакивали наружу и увидели, как тень разбойника пронеслась по земле — громадная птица пикировала на свою жертву. Маленькая эгрета, внезапно заметив грозящую ей опасность, попыталась взлететь.

Прогремели выстрелы сразу из двух стволов в тот миг, когда коршун завис над добычей, готовясь вцепиться в нее смертоносными когтями. Полетели перья, агрессор отпрянул в сторону, перекувырнулся в воздухе и упал, раскинув крылья. Все бросились толпой, чтобы прикончить коршуна. Но разъяренный хищник не собирался сдаваться. Шипя и сверкая желтыми глазищами, он набросился на ноги людей. Выстрел из револьвера прикончил его.

В упоении победой про эгрету как-то позабыли. Она спаслась бегством и, как видно, сильно поумнела после этого происшествия — во всяком случае к нам она больше не лезла, хотя мы видели ее иногда на песчаной отмели и узнавали по висящему левому крылу и скептическому виду.

В течение целого года мы вели непрестанную войну с коршунами и всего лишь один раз убили птицу уже знакомого вида. Бесчисленные разновидности этих пернатых шныряют по лесам весь день напролет. Их одинаково боятся и ненавидят и люди, и животные. Они бесшумно падают с неба, хватая цыпленка возле домика аборигена, зазевавшуюся обезьянку с дерева в лесу, птицу с песчаной отмели. Когда пойдете в зоопарк, обратите внимание, как мелкие обезьянки то и дело тре-

можно поглядывают на потолок своих вольеров. Это движение стало у них почти автоматическим, оно унаследовано от бесчисленных поколений предков, которые вечно следили за своими недругами — коршунами, безмолвно скользящими в небе.

Однажды, спешно возвращаясь из похода вниз по реке, мы вышли к деревушке, прижавшейся к подножию холма. Я рассчитывал быстрым маршем пройти за день сорок миль, и мои носильщики — человек пятнадцать — намного обогнали меня. Я шел следом за ними, а Бен, мой главный препаратор, нес за мной ружье двенадцатого калибра. Когда мы проходили деревней — в ней царила могильная тишина, а все дома были наглухо закрыты,— я почувствовал, что за нами наблюдает множество глаз, недоверчивых, даже враждебных. Ощущение не из приятных, и мы поспешили подняться на вершину холма, где примостился маленький домик джу-джу¹, в котором помещалась правильной формы земляная куча, утрамбованная до твердости камня и увенчанная глиняным горшком. Возле него я остановился и обернулся назад, к кучке хижин, от которых веяло чем-то недобрым.

В эту минуту из леса поднялся громадный коршун и принялся кружить над деревней, все увеличивая круги. Бен передал мне ружье.

Надо сказать, что ружье у меня совершенно особенное, сделанное по специальному заказу, с необычайно длинными стволами, причем левый ствол на выходе повышенной прочности и заужен. Дальнобойность ружья потрясающая, за что я ценил его превыше всего. С ним я всегда чувствовал себя в безопасности и не променял бы его ни на какую винтовку.

¹ Д ж у - д ж у у некоторых народов Западной Африки означает магический амулет, колдовство при помощи определенных предметов, а также табу, связанные с их использованием. (Примеч. пер.)

Коршун, чертя круги, снизился, и я решил попытаться счастья, хотя не ожидал, что выстрел его достанет. Птица затрепетала, перевернулась и камнем упала прямо на середину главной, и единственной, «улицы» деревни.

Я еще не успел опомниться от неожиданности, как внизу поднялось настоящее столпотворение.

С неистовыми воплями толпа африканцев, размахивающих маленькими копьями и громадными ножами, высыпала из хижин и устремилась вверх по склону, предводительствуемая страховидным старцем, который поднял мертвую птицу и водрузил ее на ухмыляющуюся маску джу-джу. Мое торжественное настроение мигом испарилось, как, впрочем, испарился и Бен. Жуткие, хотя, вероятно, выдуманные от начала до конца истории о страшной смерти белых, поднявших руку на священных животных или нарушивших африканские обычаи джу-джу, вихрем зароились в моей голове. Так как я прежде всего трус, как и все мы, я едва не бросился наутек следом за Беном, однако в опасности мысли тоже бегут резвее, и я решил, что одна острога в груди лучше, чем десяток в спине. Впрочем, времени у меня хватило только на одно — остаться на месте.

Моя особа, с заискивающей улыбкой на лице, была поглощена клубящейся толпой. Барабаны забили дробь, и все дружным хором затянули что-то вроде «Ну и славный же парень!»¹ на африканский манер, а старец церемонно вручил мне труп пернатого разбойника. Судя по всему, я избавил деревню от врага народа номер один, так как местные силы самообороны были не в силах ни обнаружить его убежище, ни сбить его камнем. Я почувствовал такое неслыханное облегчение, что

¹ Популярная в Англии «заздравная» песенка. (Примеч. пер.)

даже слегка обалдел и, выдернув все перья из хвоста птицы, возложил их на земляной обелиск джу-джу. Оказалось, что я снова, хотя и совершенно непреднамеренно, сделал именно то, что нужно. Все сборище взорвалось приветственными кликами, барабаны загудели еще неистовее, и все, как один, пустились в пляс. Юноша, надев маску джу-джу, в паре с девушкой исполнил танец в мою честь. Я поглядел на танец, и у меня глаза полезли на лоб: не только движения и ритм, но и мелодия совпадали с бегинном, танцем французских негров на Мартинике, в Вест-Индии.

Я долго пробыл в деревне и приятно провел время среди новых друзей. С вождем мы вели продолжительные беседы о местных ресурсах «мяса», то есть о животных. Он уговаривал меня остаться в деревне или поскорее вернуться, уверяя, что, раз я положил перья коршуна на джу-джу, теперь отсюда уйдут все хищники, а у меня не будет недостатка в курах и яйцах. Принять его приглашение я не мог, о чем потом сожалел, но, навестив вождя несколько месяцев спустя, я не мог отыскать ни единого коршуна. Вождь заверил меня, что они исчезли, и, судя по всему, не видел в этом ничего удивительного.

«Хозяин, человек неси мясо».

У меня всегда захватывало дух при этом известии, заставлявшем меня в любое время дня и ночи за одним и тем же занятием: я сидел над раскрытым определителем, измеряя лапки крыс и лягушьи брюшки, за-спиртовывая вшей и червей, занимаясь еще массой других побочных дел, которых так много в любой научной экспедиции.

Черное лицо с улыбкой до ушей появляется над полом веранды, на уровне моих ног.

— Ну, что там у тебя? — спрашиваю я.

— Мясо,— отвечает лицо.— Хозяин, бери-давай два шиллин! — И гость начинает копаться в своих одеждах. С воплем он отдергивает руку и принимается сосать палец, громогласно и виртуозно ругаясь на своем языке. Добровольные помощники налетают на него, обыскивают и обнаруживают два крохотных комочка шелковистого меха длиной не больше пяти сантиметров каждый. Их кладут на пол веранды; они немедленно поднимаются на задние лапки в боксерской стойке и начинают бороться и тузить друг друга, сопровождая этот «матч» почти неуловимым для слуха тоненьким пискom.

Из всех отвратительных, дурно пахнущих и коварных тварей на свете западноафриканская землеройка (*Crocidura*) — самая злобная. Мы приобрели визгливых маленьких фурий по пенни за штуку, поместили их в небольшую клетку, куда положили сильно пахнущее мясо трубкакуба, по окороку на брата. Зверюшки дрались и верещали весь вечер и почти всю ночь напролет. К утру мясо, превышавшее вес обеих землероек, вместе взятых, исчезло, а из землероек в живых осталась одна. В углу клетки валялась вторая, выпотрошенная своей товаркой, с отъеденной головой.

Землеройки-белозубки бросаются в бой с кем угодно, в том числе даже с человеком и с лесной кошкой. Крохотные челюсти, вооруженные двумя рядами острых, как иголки, зубов, и отвратительный запах — их защита от хищных зверей и птиц. Землероек относят к насекомоядным, но они всеяднее самого человека. Я своими глазами видел, как они поедали друг друга, насекомых, улиток, зерно, падаль и даже дохлую змею. Зверюшки обитают в высокой траве на лесных прога-

линах, где их чаще всего ловят, как поймали и эту пару, при расчистке земли от леса.

Пока день клонился к вечеру, наш укушенный приятель еще несколько раз возвращался, принося новых землероек и прочую живность, так что весь дом начал пропитываться зловонием. Эту неописуемую вонь невозможно себе представить, пока сам не испытаешь. В Британском музее я только прикоснулся к большой бутылке, где, плотно закупоренные, хранились в спирту землеройки, и то пришлось дважды мыть руки, чтобы меня не вывернуло наизнанку. Эту вонь ничем не перебьешь, а проникает она повсюду. И все же африканцы знают простой способ превращать неслыханное зловоние в самый изысканный, тонкий и устойчивый аромат из всех, какие я знаю,— он напоминает нечто среднее между запахом сандалового дерева и мандарина. Землероек варят целиком, добавив некоторые листья и пальмовое масло. Всплывающее на поверхность масло снимают, и его чудесный аромат ничем не напоминает отвратительное создание.

Человек, оставивший у нас этих бойцовых землероек, натаскал нам целую кучу разных трофеев, в том числе множество змей. После второго завтрака, в тот особенно тихий час, когда все зверье отдыхает и только человек продолжает выбиваться из сил, в знойном воздухе внезапно прозвучал громкий вопль. Люди, срезавшие траву, кинулись к старому пню. Мы тоже, выскочив из дома, помчались по свежескошенному травянистому склону вниз, к реке.

Перед нами предстало самое загадочное зрелище. Человек двадцать мощных африканцев, вооруженных длинными ножами (несомненно, бирмингемского происхождения: почти полметра длиной и в ладонь шириной, с деревянной рукоятью, как у меча), в полном безмолвии сгруппировались вокруг большого пня. Они встали на

почтительном расстоянии и замерли. Я попытался было пробраться в середину круга, но главный — верзила с плечами, на которых можно было танцевать, оттащил меня назад. Я задал вопрос обращенным ко мне спинам африканцев.

Вместо ответа я оказался сбитым с ног и погребенным под телами трех свалившихся на меня африканцев. С бешеной поспешностью выбравшись на свежий воздух, я ожидал увидеть по меньшей мере разъяренного леопарда, но ничего оправдывавшего подобное обращение с моей особой не обнаружил. Теперь все наперебой заговорили, и я повторил свой вопрос в повышенном тоне.

Из смешанного потока пиджин-инглиш и неведомых языков нам удалось уяснить, что в пне затаилась змея, которая следит за нами. А змея эта не только кусается, но и плюется ядом. Радиус «обстрела» — около трех метров, но, если вы замрете, она не отличит, что перед ней — живое существо или просто дерево. Она плюнула в человека, который резал траву возле пня, но промахнулась. Остальные подбежали, услышав крик и еще не зная, в чем дело. Они стояли в ожидании, когда змея обнаружит свои намерения и высунет голову, а тут и мы подоспели. Движение, которым предводитель меня остановил, выдало змее живую цель. Она выпалила в меня, а наученные опытом местные жители отскочили кто куда. Никто не пострадал, только на мои фланелевые брюки попало несколько капель коричневой жидкости.

Когда змея расстреляла свои боеприпасы, африканцы налетели на пень, принялись тыкать во все отверстия палками и вскоре выгнали его обитательницу, только не ту, которую ждали. Вместо длинного темно-коричневого тела мы увидели злобную, плоскую золотисто-зеленую голову с двумя рожками на носу. Под акком-

панемент громкого шипения на свет Божий появилось короткое толстое туловище. Это оказалась великолепная африканская шумящая гадюка, самая смертоносная из всех африканских змей. Необыкновенно красивое пресмыкающееся, обычно расписанное бежевым, темно-коричневым и зеленым узором, который частенько можно увидеть на дамских сумках; дальше к северу, в пустынях, окраска змей не такая яркая. Хвост составляет всего восьмую часть диаметра тела и смехотворно короток, так что почти не достает до земли и стоит торчком, когда змея ползет.

Довольные и радостные, рассматривали мы неожиданное прибавление к нашей коллекции, не замечая, что попалась и вторая змея. Когда же опомнились, было поздно: африканцы уже искрошили ее на куски, хотя могли бы продать нам за хорошую цену. Может быть, они, как и малайцы, среди которых я как-то жил на Целебесе¹, воображали, что по прибытии домой я оживляю животных, заспиртованных на месте, и с понятной осмотрительностью решили сделать это затруднительным, раз уж речь идет о столь смертоносной змее.

Трава в Мамфе даже после того, как ее срежут, таит в себе серьезную опасность именно из-за змей. На первом месте среди этих опасных тварей, обитающих возле нашей базы, была небольшая коричневая змейка с пурпурно-белым ошейником, которую называют ромбической жабьей гадюкой (*Causus rhombeatus*). Название очень подходящее, потому что живет она в узких норах и вылезает по ночам на охоту за своей единственной добычей — обычной жабой (*Bufo regularis*). Это интересное сочетание: и змея, и жаба встречаются исключительно на лесных прогалинах,

¹ Ныне остров Сулавеси.

и никогда не увидишь их в самом лесу, окружающем вырубку сплошной стеной буйной растительности. Как же они туда попадают, — может быть, мигрируют стаями в детском возрасте? Ни одного животного, кроме этого вида жабы, не нашлось в желудке ромбической жабьей гадюки, хотя в Африке это одна из самых распространенных змей.

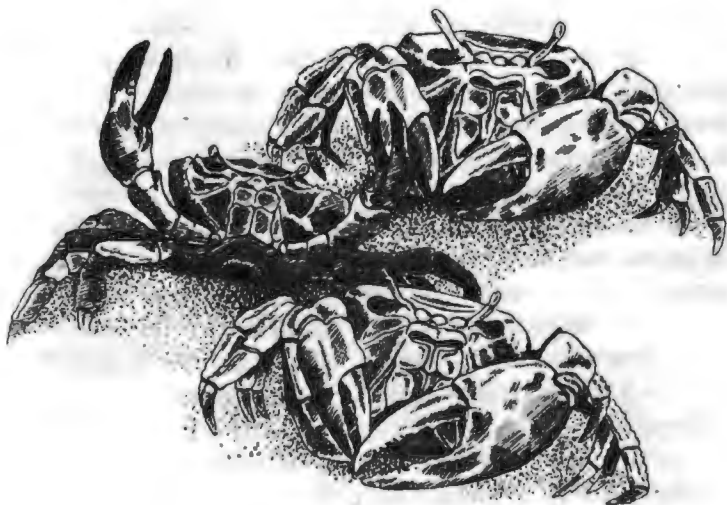
В Мамфе и жаб, и змей полным-полно. Как-то ночью мы поймали возле самого дома девять гадюк, и я до сих пор не могу понять, как мы ухитрились ни на одну не наступить — ведь камуфляж у них просто поразительный. Я наткнулся на одну из них среди бела дня у входа на веранду. Она попыталась было удрать, но я заметил ее нору и накрыл небольшим сачком. Я был начеку и отскочил в сторону. Змеи по природе придурковаты и вовсе не так молниеносно атакуют, как принято думать; стоит только не терять самообладание, и ни одна из них, кроме королевской кобры, не сможет одержать над вами верх, конечно, если не застанет врасплох. Гадюка страшно суежилась, шипела и бросалась во все стороны. Под конец она решила открыть своего рода встречный огонь и отпрыгнула одну целую жабу и одну полупереваренную. Затем она настолько обессилела, что я подцепил ее сачком, вбежал в дом и утопил в бутылки со спиртом.

Эту историю я рассказал некоему джентльмену, проездом посетившему Мамфе, что и привело к ее курьезному продолжению. Джентльмен считал подобную смерть завидной участью — по вполне очевидным причинам. В тот вечер все белые обитатели Мамфе собрались у одного немецкого коммерсанта. Всего было десять человек, считая нас и двух приезжих миссионеров. После обеда, когда слуга принес спиртные напитки, наш герой шутки ради снова помянул змеиную смерть. Си-

дел он спиной к открытому окну, за которым был крутой обрыв. А я сидел напротив него.

Откуда ни возьмись прямо передо мной возникла узкая черная головка — как раз между довольно толстой щекой джентльмена и его воротничком. Она зловеще раскачивалась из стороны в сторону, а глазки-бисеринки так и посверкивали, отражая свет лампы. Припомнив, что со мной было возле старого пня, я наклонился вперед и совершенно спокойно сообщил: «У вас за шиворотом змея». Подобной прыти от этого человека никто не ожидал — змея, которая каким-то образом зацепилась за оконную раму, слетела на пол, словно ее ветром сдуло. Змея оказалась совершенно безобидной, но славный джентльмен больше ни разу — даже в шутку — не поминал о том, как приятно умереть, захлебнувшись в спирте.

Глава вторая

КРАБЫ. ИХ ВРАГИ. МАНГУСТЫ. ЛЯГУШКИ И ЖАБЫ. КРЫСЫ. ЯЩЕРИЦЫ

По-видимому, всем людям случается рано или поздно столкнуться в жизни с чем-то таким, что им кажется не просто странным, а почти невероятным. Для тех, кто с этими явлениями уже сталкивался, они чаще всего становятся обыденными и привычными.

Для меня самые сильные переживания связаны с сухопутным крабом. Я не в силах даже самому себе объяснить, что со мной творится, когда я вижу это существо. С детства мне было известно, что на земле водятся сухопутные крабы, и все же, — может быть, потому, что я родился и прожил много лет в стране, где крабы

попадают только на берегу моря или на обеденном столе, — от одного взгляда на этих страшноватых сусликовых уродцев с их выпученными глазами на стебельках, шныряющих туда-сюда под кустами мимозы, с шуршанием ныряющих в норы в моей кухне или взбирающихся на пальмы, меня мороз подирает по коже.

В Камеруне крабы кишмя кишат повсюду, от топких морских побережий до вершин высочайших гор. В реках и ручьях их полно. Они копают норки среди корней засохших трав на вырубках, карабкаются на деревья и копошатся в земле в любом, сухом или влажном, лесу. Они бывают мелкие, круглые и розовые, а бывают громадные, мокрые, красно-лилового цвета. Есть еще коричневые с прозеленью, с плоским панцирем. Они пялят на вас глаза повсюду, куда бы вы ни пошли.

На расчищенном участке станции Мамфе они размножались массами в чаще сорняков, которые так и прут из земли, стоит только позабыть срезать траву. Они забираются — задним ходом — в норки под домами; каждый сток и канава забиты копошащейся массой крабов, которые бросаются врассыпную, как только вы заглянете в их убежище. Их заслуженно иногда называют «паразитами», но, как и прочие «мирские захребетники», для человека они полезнее, чем безобидные, красивые звери.

Как-то поздно вечером я возвращался из ближнего леса, и яркий луч моего мощного фонаря выхватил из тьмы довольно жуткую и тошнотворную сцену на краю поросшей травой вырубки. В одну из ловушек, расставленных где попало нашим охотником-африканцем, попалась гамбийская хомяковая крыса (*Cricetomys*) размерами побольше кролика — эти крысы часто поднимали несусветную возню в кустах по ночам. Крыса, должно быть, попалась на закате, всего час назад. Когда я внезапно наткнулся на нее, вокруг нее волнами ходил сплошной ковер копошащихся, лупоглазых, похожих на

призраки существ. Мне никак не избавиться от слова «копошащиеся» — ни одно слово так точно не подходит для описания вороватой, нервной и беспорядочной суеты крабов. Я никогда не видел ничего столь похожего на самый кошмарный и дикий вымысел, и меня до сих пор при одном воспоминании пробирает дрожь.

Я не мог заставить себя подойти ближе к полю битвы и бросил туда большой ком земли. Попад в середину скопища, ком раздавил нескольких мелких крабов и, подскочив, укатился в траву. Крабы разбежались и расселись широким кругом, злобно сверкая глазами и угрожающе растопырив клешни; многочисленные придатки возле ротового отверстия неприятно шевелились и подрагивали, как будто крабы облизывались. Затем они стали исподволь стягиваться к центру мелкими перебежками, враскачку, пока труп крысы снова не превратился в сплошную клубящуюся массу блестящих панцирей и копошащихся лап. Для начала они разорвали и сожрали своих раздавленных насмерть или раненых соплеменников, а потом уже всерьез занялись главным блюдом — крысой.

Эти крабы — главные уборщики отбросов в здешней местности. Тем же промышляют крысы, землеройки и муравьи. Примерно половина животного населения принимает в этом участие. Крабы как будто любят закусывать свежим мясом; муравьи приступают к трапезе еще до того, как жертву можно назвать мясом, — когда она еще жива. Землеройки предпочитают тухлятинку.

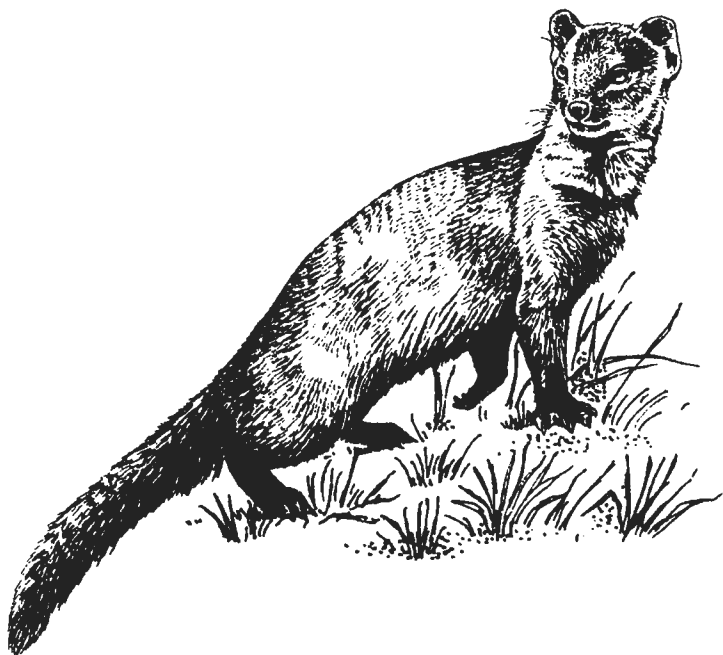
Как и у любого животного, кроме слона, у краба есть свои враги, точнее, множество врагов. Позже, когда я поведу вас в молчаливые леса, на открытые ветрам вершины гор и в поросшие камышом низины вдоль берегов больших рек, вы познакомитесь с некоторыми из них. На расчистке возле станции Мамфе крабы по большей части становились добычей двух видов животных.

Одно из них, странное маленькое создание, называется «кузиманзе», а зоологам известно под «именем и фамилией» *Crossarchus obscurus*¹, причем его «имя» (видовое название) выбрано вполне удачно: внешность у него действительно невзрачная, а поведение — скрытное. Это мангуст, который принадлежит к большому отряду хищников, или плотоядных животных, включающему и таких широко известных зверей, как львы, кошки, собаки, волки, медведи, лисы, скунсы, ласки и еноты. Кузиманзе описать очень трудно — разве что мордочка его вытянута в длинное рыльце, а так вид самый что ни на есть заурядный. У него четыре крепкие лапки, суживающийся к концу хвост, маленькие ушки, и одет он в грубую шерсть неопределенного оттенка. На острой мордочке — выражение живого любопытства. Главное его занятие — ловить как можно больше крабов и уплетать их с невероятной скоростью, под хруст панцирей и собственное похрюкивание. Мы часто следили за этими резвыми малышами, которые носились по травяным полянам между домами в ясные лунные ночи. Они смахивают на кроликов и размерами, и общим обликом. Одного такого зверька, принесенного нам местным охотником, мы некоторое время держали в неволе. Он всю ночь напролет трудился, пытаясь проскрести дно своей деревянной клетки.

Есть у него близкий родственник — водяной мангуст (*Atilax paludinosus*), у которого столь же скрытное поведение и неприметный вид, хотя спинка его пересечена элегантными полосками. Зверек тоже обожает крабов и охотится на них возле жилищ человека.

Другой враг крабов на открытых местах — лягушка *Rana occipitalis*, которая тысячами уничтожает крабью молодь.

¹ Скрытный, неприметный (лат.). (Примеч. пер.)

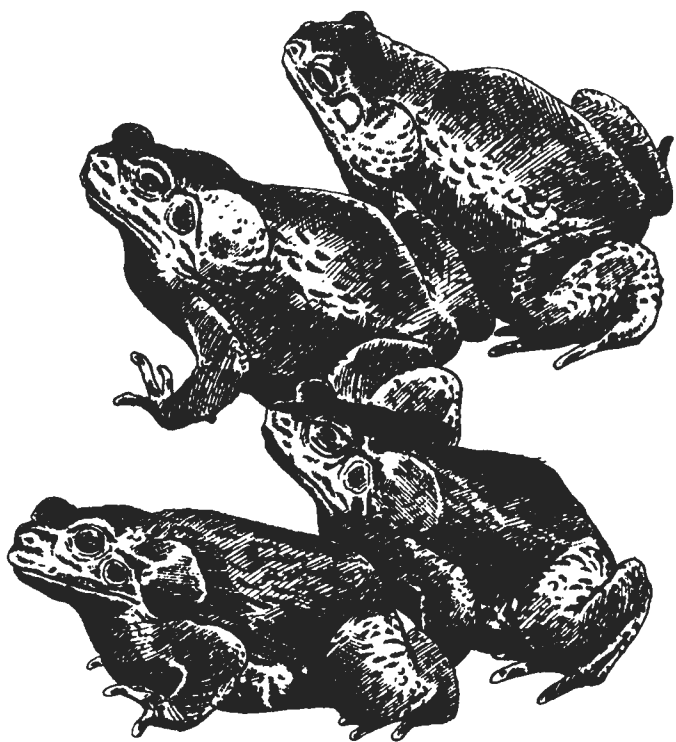
Мне пришлось дать научное название этой лягушки по уважительной причине — общепринятого названия у нее нет. Думаю, что сейчас самое время сделать небольшое отступление по поводу сложностей номенклатуры, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться.

Во время экспедиции мы собрали больше семи тысяч животных, относящихся к 450 видам. Цифры приблизительные, потому что некоторые группы до сих пор не определены и не имеют названия. В коллекции оказалось 92 вида млекопитающих, 64 вида различных рептилий (пресмыкающихся), включая змей, 46 видов лягушек и около 250 — разнообразных пауков, многоножек, паразитических червей, клещей, крабов, рачков, моллюсков, скорпионов и прочих. И только небольшая горсточка из

всего этого множества достаточно известна, чтобы заслужить собственные названия, а довольно большое число форм, совершенно новых даже для ученых, и латинские-то имена получили совсем недавно. Вот почему мне ничего не остается, как предоставлять живые существа, которых я описываю, под их пышными научными именами.

Кстати, это может послужить двум целям. Во-первых, даст ответ на неизменно возникающий вопрос: что заставляет ученых присваивать столь ослепительные титулы скромным и незаметным животным? Во-вторых, послужит как бы подтверждением тех голых фактов,

которые мне волей-неволей приходится включать в свой рассказ.

Если на то пошло, факты, сообщаемые о львах и носорогах, легко поддаются проверке или обсуждению, чего нельзя сказать о сведениях, касающихся волосатой лягушки, — здесь необходима полочка, на которую ее можно уверенно поместить. В этом и заключается роль научного названия — оно дает ключ к специальной зоологической литературе, надо признаться, чудовищно сложной.

Этот принцип точного и полного наименования животных проистекает из необходимости классификации животного мира всей земли, а не только какой-то отдельной

области. Только на островах Великобритании насчитывается больше двадцати тысяч различных жуков, а когда изучаешь такую страну, как Камерун, их число и разнообразие практически безграничны. В Англии у нас всего три вида лягушек, в Мамфе их по меньшей мере пятьдесят. Попробуйте-ка выдумать пять десятков разных наименований для лягушек и при этом не свихнуться или не насажать грамматических ляпсусов! Я тешу себя надеждой заинтересовать вас рассказом об этих животных именно потому, что о них так мало известно.

Вернемся к *R. occipitalis*. Имя этой лягушки буквально означает «затылочница звучащая». Римляне называли лягушку *Rana*, но это слово происходит от более древнего санскритского слова га или гау, которое значит «тот, кто производит звук». А *occipitalis* говорит об очень широкой голове, и в действительности она очень объемистая, так что латинское наименование во всех отношениях обоснованно.

Этих лягушек великое множество на всех открытых прогалинах в тропических лесах. Живут они в основном в воде, чаще всего неподвижно лежа у поверхности, а их глаза выглядывают из воды, как перископы. Лягушки достигают 15 сантиметров в длину и очень прожорливы: глотают насекомых, пауков, крабов, более мелких лягушек и почти все, что им попадается. Если бы на свете не было их и им подобных обитателей вод, человеку было бы гораздо хуже, чем сейчас, в тамошнем нелегком климате. Эти животные поглощают несметные полчища комариных личинок за год, и, если бы не они, переносчики смертельно опасной желтой лихорадки и малярии так расплодились бы, что человеку пришлось бы убираться из этих мест.

У *R. occipitalis* белое брюшко с кокетливыми черными пятнышками понизу. Нашим препараторам и коллегам эти лягушки доставили немало неприятностей. Несколько крупных особей, которых нам принесли живь-

ем, мы посадили в большой горшок, накрыли его крышкой и придавили камнями. Лягушки принялись дружно прыгать — в такт! — сшибли крышку и сбежали, пока мы занимались другими делами. К тому времени, как была обнаружена пропажа, они успели разбежаться во все стороны. Часть «ушла в кусты» — так здесь называют возвращение под кров родного леса, а часть повела себя странным и самым неподобающим образом. Они как-то ухитрились пробраться в спальню (точнее, в то помещение, где все мы спали) и нашли укрытие в сосудах, о которых не принято говорить во всеуслышание.

Сбежался весь дом, и началось великое столпотворение. В конце концов все лягушки были пойманы и опущены во всепоглощающий спирт. Меня прошиб пот — скорее от смеха, чем с перепугу, — и очередному приступу малярии, к счастью, пришел конец.

«Паразиты», о которых я рассказал, встречаются во всех обжитых человеком местах, но есть и другие виды, еще более многочисленные и еще более «паразитические» по существу. Рассказывая о смертельно опасной жабыей гадюке, я вскользь упомянул обычную жабу (*Bufo regularis*) — единственную добычу, подходящую для нее. Эта лягушка (все жабы — тоже лягушки, так же как все комары — комары, а все дромадеры — верблюды, что бы там ни говорили вам в детстве нянюшки или школьные учителя) — прелюбопытное животное, хотя она широко распространена и всем хорошо известна. Жабы — мирные существа, их можно без опаски брать в руки, и, как ни странно, они легко приручаются и очень умны, хотя выглядят довольно непривычно в роли домашних любимцев. *Bufo regularis* напоминает нашу обыкновенную серую жабу, но поведение ее во многом своеобразно.

В сентябре, когда мы прибыли в Африку, ночи звучали сотнями незнакомых голосов. И над всем царил ужасающий, безмерный, оглушительный шум, который

производили наши приятели *Bufo regularis*. Мне удалось в конце концов выследить ближайшую колонию в роднике неподалеку от дома, где они собирались в превеликом множестве для спаривания в сопровождении «концерта», — как видно, в лягушачьей этике эти два занятия неразрывно связаны.

Самцы были маленькие и желтые, самки — солидные и темно-коричневые. «Поют» только самцы, но мощь их легких, точнее, специальных мешков на горле с лихвой возмещает отсутствие голоса у самок. Колонии жаб разбросаны повсюду на таком расстоянии, что они слышат ближайших соседей. Некоторое время все тихо, слышно лишь стрекотание мириад ночных насекомых, но этот звук сродни тишине и не нарушает ее своим нескончаемым монотонным журчанием. Внезапно одна жаба вступает как запевала: «квир-ррр-ррр-вирр, квир-ррр-ррр-вирр», а вся колония подхватывает в унисон. В концерт вступают и соседние колонии, пока оглушительная какофония не затопит всю округу, сохраняя точнейший четкий ритм.

Умолкает этот ор в мгновение ока, как будто всех жаб одновременно поразило электрическим током. Случается, что какой-нибудь хор на периферии не успевает замолчать и несколько секунд звучит, как далекое эхо. Это производит неизгладимое впечатление. Всю ночь напролет оркестр сохраняет как эффект внезапности, так и способность действовать на нервы.

Спаривание в сопровождении хоровых концертов было как раз в самом разгаре к нашему приезду в Африку. Но по прошествии нескольких недель дожди прекратились, и жабы закончили икрометание. Они покинули свои сырые инкубаторы и рассеялись в более сухих местах. Забросили лягушки и свои терзающие слух спевки, ограничившись чем-то вроде «квяк-квяк», хотя непрерывно квакали всю ночь, с неравномерными интервалами и только соло.

Позднее, когда мы обитали посреди большой реки на плоскодонке, рядившейся под порядочное судно, деятельные маленькие создания массами скапливались на песчаных отмелях, явно поджидая начало дождей, которые поднимут уровень воды в реках футов на тридцать, тогда жабы точно определяют безопасные места для икрометания. Похоже, они прекрасно понимают, что, если икринки выметать слишком близко к бурно текущему потоку, их смоеет в реку и они погибнут.

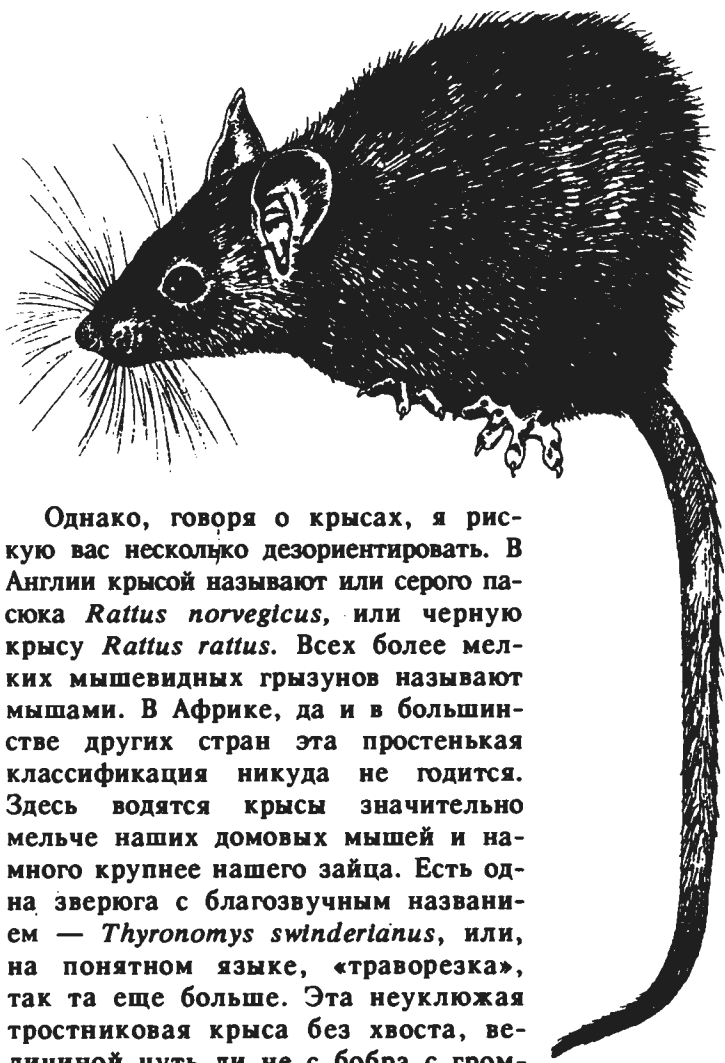
Как-то вечером мы пристали к узкой отмели у выхода из глубокой расщелины, заросшей девственным лесом. Гребцы сложили весла и отправились в ближайшую деревню. Настала ночь, и нас поглотило царство призрачной прелести, знакомое только тем, кто бывал в глубине тропических стран. Воздух насыщен сладостными ароматами и звуками. Нежное журчание маслянисто отсвечивающих вод потонуло в постепенно нарастающем хоровом реве. Этот звук набирал силу и мощь, как гигантская турбина; хотя и несколько приглушенный, он, казалось, шел отовсюду. В полной темноте мы зажгли факелы, и на освещенной отмели вспыхнули мириады спаренных рубиновых огоньков. То была сплошная масса рассеявшихся рядами маленьких жаб, с явным нетерпением обративших мордочки к истокам реки. Должно быть, сотни и сотни тысяч их покрывали землю, насколько хватал глаз; все они были бледного буровато-серого цвета, и каждое маленькое горлышко раздувалось и опадало, как крошечные мехи, неустанно накликаая дожди, которые смывают их с берегов и вознесут в затопленные леса. Мы вышли на берег, и, хотя сотни жаб попрыгали в черную воду, вокруг наших ног прыгали еще тысячи, посверкивая в свете факелов рубиновыми искорками глаз.

Это были те же самые жабы, которых мы видели желтыми с черным в Калабаре, красно-коричневыми — в районе станции Мамфе, пятнисто-бурыми — в других местах, а теперь все они были бледно-грязно-бурого цве-

та. Длительное изучение помогло нам разгадать загадку. Цвет жабьей кожи зависит от мелких пигментированных телец, называемых хроматофорами. Они накапливаются в продолговатых клетках, расположенных в глубоких слоях кожи. Когда жабы сидят в воде и мечут икру, их кожа увлажняется, становится прозрачной, и цветные пигменты просвечивают. Но этого мало: изменение окраски зависит и от колебаний температуры или освещенности, от раздражения или страха — точно так же, как мы с вами краснеем, и в этом отношении жаба оставляет далеко позади даже хамелеона. Позднее, когда они расстаются с водой, наружные слои кожи высыхают и теряют прозрачность, поэтому краски как бы выцветают и реже меняются. К концу года ороговевшая кожа отмирает, так что окраска пропадает. От цвета налипших сверху пылинок жабы кажутся пыльными, серовато-бурыми.

Одну жабу мы взяли живьем, и она сидела у меня в руке, пока у нее не лопнуло терпение. Она присела и стала заглатывать воздух, раздулась, как маленький футбольный мячик, а затем буквально лопнула! Кожа разошлась «по швам» от подбородка к брюшку и от «коленки» к «коленке» поперек брюшка. Медленно и старательно жаба снимала треснувшую кожу, сдирая ее задними лапками, тут же запихивала ее в рот передними и с аппетитом уплетала. Спустя полчаса она оказалась в новенькой шафраново-зеленой шкурке с зеленоватым проблеском и могла, рассердившись, вспыхнуть богатой гаммой коричневых оттенков, а ведь до того это было тусклое пыльно-бурое существо, совершенно неспособное выражать свои чувства.

Возле Мамфе любой клочок пространства, еще не забитый крабами, жабами и змеями, осваивается крысами и ящерицами. Пойманные нами крысы относились к двадцати одному виду, и десять из них обитало исключительно на прогалинах.

Однако, говоря о крысах, я рискую вас несколько дезориентировать. В Англии крысой называют или серого па-сюка *Rattus norvegicus*, или черную крысу *Rattus rattus*. Всех более мелких мышевидных грызунов называют мышами. В Африке, да и в большинстве других стран эта простенькая классификация никуда не годится. Здесь водятся крысы значительно мельче наших домашних мышей и намного крупнее нашего зайца. Есть одна зверюга с благозвучным названием — *Thyromys swinderianus*, или, на понятном языке, «траворезка», так та еще больше. Эта неуклюжая тростниковая крыса без хвоста, величиной чуть ли не с бобра с громким щелканьем и треском буквально срезает под корень и пожирает всю траву возле африканских домов.

Еще одна крыса, о которой я уже упоминал, *Cricetomys*, вместе с длиннющим хвостом достигает более двух футов (60 см). Этот род крыс широко распространен в Западной Африке и насчитывает множество видов. Одни из них великолепно расцвечены: терракотовые сверху и шафраново-желтые снизу, другие покрыты топорщащейся жесткой шерстью, а усы у них длиной сантиметров пятнадцать. Мы держали в неволе многих крыс — от них на моих руках остались следы глубоких ран, заработанных несмотря на толстые кожаные перчатки, надетые ради предосторожности. Это на редкость грязные, шелудивые животные, шкурка их кишит паразитами. Среди этих насекомых одно — *Hemimerus* — смахивает на уховертку и не уступает ей по размерам. Случается, что в короткой гладкой шерстке одной крысы скрывается больше сотни паразитов, и шныряют они так быстро, что за ними не уследишь.

Звуки, которые издает *Cricetomys*, приводят человека в бешенство, но имеют одно чрезвычайно полезное применение. Эти отдельные «клок-клок», издаваемые сериями от одного до десяти — они разделены неравными интервалами, — оказались необыкновенно удобными для угадывания количества щелчков на пари. Должен признаться, что по вечерам, закончив работу, мы следовали примеру нашего персонала и частенько делали ставки на количество щелчков *Cricetomys*. Надо сказать, что шансами на выигрыш тропические леса много богаче, чем ипподромный тотализатор.

Однажды я сказал белому чиновнику (он заправлял в Африке территорией, равной Уэльсу, и притом много лет), что изловил в его саду крысу со спирально завитым хвостом и мышь с желтыми пятнами. Он сочувственно поглядел на меня и спрятал подальше бутылку с виски. Весь этот вечер он пристально следил за мной: должно быть, ждал, когда я сообщу, что вижу розовых мышей, гоняющихся друг за

другом по стенам его бунгало. Однако подвержен влиянию алкоголя был скорее он, чем я, потому что он провел в этой стране чуть ли не всю жизнь и свел знакомство с тысячами бутылок виски — и ни с одной безобидной маленькой пестрой мышкой *Lemniscomys*.

Возле поселка Мамфе водится небольшая мышь поразительного облика. Посередине ее спинки сбегает черная полоса, окруженная рядами желтых пятнышек, вся остальная поверхность спинки и бока покрыты продольными рядами таких же пятнышек. Дальше, к северу и к западу от Мамфе, на смену этому зверьку приходит родственная форма, у которой пятна сливаются в полосы, а окраска меняется на черную с белым.

Мы часами пытались сфотографировать это животное, но оно при малейшем звуке ракетой взлетает в воздух, словно подброшенное мощной пружиной, и молниеносно исчезает. Скорость нервных процессов у этих существ превышает самые невероятные домыслы. Они реагируют на раздражители более чем мгновенно, если это только возможно: прыгают еще до того, как вы шевельнулись. Они прокладывали ходы среди стеблей травы, и мы ставили там свои ловушки, но они настолько чутки, что поймать за ночь пару мышей на сотню ловушек считалось приличным уловом.

На вырубке встречались крысы — почти бесконечно разнообразные по размерам, сложению, окраске. Серая и черная крысы, которые, покинув родные места — одна в Центральной Азии, а другая в лесах Восточной Индии, — увязываются за человеком повсюду, куда бы он ни проник, до сих пор, как полагали, до Мамфе еще не добрались. Однако, к моему большому удивлению, местная черная с синим отливом крыса на поверку оказалась *Rattus rattus*, нашей старой знакомой — черной крысой. Живет здесь и местный светло-бурый вид.

Вдруг ни с того ни с сего в нашем жилище распространилось чудовищное, неукоснительно нарастающее зловоние. Поначалу мы просто косились друг на друга, но с течением времени вонь достигла такой концентрации, что мы пришли к заключению: «Этого просто не может быть», да и расход мыла, если на то пошло, даже возрастал. Наконец я решил учинить тщательный обыск и обнаружил, что иссиня-черные крысы целыми когортами кончали самоубийством под кровлей нашего дома, насколько я понял, вследствие попыток полакомиться нашими коллекциями шкур и скелетов, пропитанных для сохранности мышьяком.

Несмотря на многочисленность, крысы никогда — или очень редко — попадают на глаза днем, кроме представителей одного вида, ведущего дневной образ жизни. Иногда я наблюдал, как эти крысы резвятся в траве, их ярко-зеленая и рыжая шерстка так и сверкает на солнце, словно лакированный металл, соперничая с ярким нарядом бабочек. Днем крысиными ходами пользуются несколько видов потрясающе красивых ящериц.

Ящерицы-агамы соперничают с расписным китайским фарфором и новейшей керамикой Парижа, вместе взятыми, особенно самцы. Самки скромно окрашены в оливково-зеленый цвет с кирпично-красными пятнами по бокам, зато самцы разряжены в ярчайшие красные, голубые, зеленые и желтые цвета, которые меняют насыщенность в зависимости от силы солнечного освещения. Ящерицы часто забираются в дома, носятся на своих длинных лапах за насекомыми или затаиваются в засаде где-нибудь в уголке, непрестанно кивая головками, словно соглашаются со всеми мнениями, высказанными в их присутствии.

Мне нужно было для изучения заполучить несколько таких ящериц, и я предложил небольшое вознаграждение тому из помощников, кто первый изловит агаму после стартового сигнала. Я выходил на веранду, засекал местонахождение ящерицы по кивающей на солнце головке

и давал сигнал участникам соревнования. Толпа охотников бросалась вперед. Ящерица — она обитала непременно в самом доме, вероятнее всего, под балками крыши — тотчас же замечала их; тут-то и начиналась потеха. Ящерица стремительно бросалась бежать, и самые рьяные охотники устремлялись за ней, но некоторые стратеги — Гонг-гонг и Фауги, наш второй преподаватель, — выжидали, прекрасно зная повадки животного. И точно, наткнувшись на преграду, ящерица мгновенно бросалась в противоположную сторону. Решив, что настал подходящий для него момент, Фауги попытался перехватить ее в броске, остальные шарахнулись назад на бешеной скорости, споткнулись о него и повалились в кучу малу. Разумеется, ящерице всегда удавалось удирать, но тут в игру вступал Гонг-гонг. Ему было лет двенадцать, и ловок он был необычайно. Ящерица не раз едва уносила от него ноги; два раза мальчик схватил летящую голубую молнию и был здорово укушен. Один раз он поймал ящерицу, упав на нее, даже укусил ее сам, но удержать так и не сумел. И только в одном случае охота завершилась успешно — когда в нее вмешался наш невозмутимый Джордж. Потягивая чай из стакана, он сидел в кресле на веранде, и, когда ящерица остановилась перевести дух, прежде чем взлететь по стене в свое убежище, он преспокойно наступил на нее.

Без упоминания крошки геккона — самого большого друга человека в тропиках — не обойдется ни одно повествование о «паразитах», обитающих в Мамфе, хотя геккона неловко ставить даже в хвосте подобного «черного списка».

Эта маленькая ящерка (их множество форм) встречается повсюду в жарких странах и каким-то таинственным образом возникает во всяком доме, как только в него вселяется человек. Это существо, избегающее по стенам или скрадывающее насекомых в своем опрокинутом или наклоненном на девяносто и больше градусов

мирке, произносящее звонкие шелкающие тирады, не раз становилось другом одинокого человека в забытой богом глуши. Каждую ночь, как только зажигается свет, являются гекконы, и вскоре каждый из них становится личным знакомцем — вот у этого только что сломался хвостик, а у того только недавно отрос свеженький.

Рассказывают, что гекконы так легко приручаются, что каждый вечер являются к обеду и влезают прямо на стол за подачками. Житель тропиков, возвратившийся после многих месяцев — и даже лет — отсутствия в прежний свой дом, уже на второй или третий вечер видит рядом со своей тарелкой маленького энергичного геккончика, оживленно поблескивающего большими лучистыми глазами и виляющего хрупким хвостиком, словно миниатюрная собачонка.

Один геккончик поселился у нас в ящике, где мы хранили хирургические инструменты. Мы беспокоили его каждое утро, вынимая свои препараторские орудия, но он оставался непреклонным даже после того, как расстался с хвостом, запутавшись в шнурке от компаса. Он попросту отбросил хвостик, отломив его у корня, как будто это ненужный зонтик, и хвостик упал на дно ящика, извиваясь и дергаясь, как маленькое животное. Хвостик он снова отрастил некоторое время спустя, но даже это бед-

ствие не могло помешать ему исполнять взятую на себя роль нашего сторожевого пса. Бродя по потолку, он поджидал, пока туда не усядется какое-нибудь насекомое, привлеченное светом лампы. Тогда, невзирая на размеры жертвы — а многие насекомые были не меньше его самого, — он подкрадывался к ней, как кошка к мышке. Подбирался все ближе и ближе, пока, позабыв о кошачьих хитростях, не бросался вперед, как терьер, очертя голову. Случалось ему и промахнуться, а бывало, что жук, бабочка или богомол улетали как раз в тот момент, когда он готовился к броску, но, если уж он впивался в добычу, начиналась великая битва. Сильные насекомые пытались вырваться, но маленький геккон трепал и тряс их с такой силой, что казалось, вот-вот присоски на его лапках не выдержат и отлепятся от потолка, где вся группа висела вопреки законам тяготения.

Он упал лишь один раз и приземлился по всем правилам. Когда он вцепился в богомола длиной чуть ли не в десять сантиметров, началась битва не на жизнь, а на смерть. Они подняли такой тарарам, что все мы положили ручки и стали наблюдать за ходом сражения. Богомол — существо поистине ужасное, всегда готовое ввязаться в драку, хотя бы и с самим человеком. Когда такое чудовище опускается перед вами на стол, оно становится на дыбы, поворачивает свою страшную головку на стебельке-шейке и пялится вам прямо в лицо своими злобными выпуклыми глазками. Он замирает в боксерской стойке, согнув мускулистые лапки, усаженные рядами острых, похожих на зубы шипов, — такими «объятиями» самка богомола встречает не только врага, но и собственного супруга.

Вот каков был противник, на которого напал наш маленький друг. Сражение затянулось — богомол не сдавался. Внезапно враги, не расцепляясь, упали с треском прямо в мою чашку с чаем, облив и забрызгав и меня, и мою работу.

Геккон не пострадал, хотя немного растерялся и сильно удивился. Если бы я его не выудил, он бы обязательно утонул. Я положил его под лампу обсушиться, и он грелся в свое удовольствие, богомола же я отправил на тот свет.

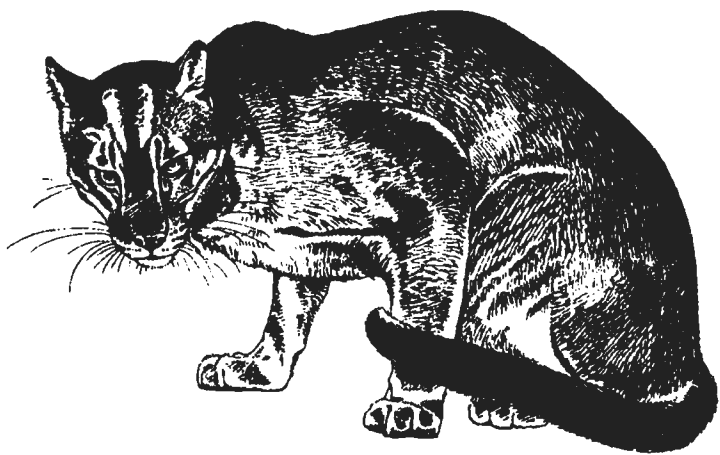
Когда геккон передохнул, я предложил ему еще шевелившееся брюшко насекомого, но он не пожелал к нему прикоснуться. Зато он позволил мне взять себя в руки, хотя раньше ни разу не допускал этого: как знать, может быть, он почувствовал во мне союзника и доброжелателя. Вскоре он отбежал трусцой, возвращаясь в свой высотный, опрокинутый мир.

Вешние леса

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава третья

**ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ
С ДИКОЙ ПРИРОДОЙ (ДРИЛЫ).
ВТОРОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ (СКОРПИОНЫ).
ДИКОБРАЗЫ В НОРАХ.
ВСТРЕЧИ С ЛЕОПАРДАМИ.
ЕЩЕ ОДНА КРУПНАЯ КОШКА (PROFELIS)**

Мы временно оккупировали земельный участок, который являлся законной пожизненной собственностью вождя и жителей деревни Эшоби и примыкал к «Большой северной дороге», ведущей из Мамфе в глухие чащобы необозримых лесов и еще дальше — к одетым травами горам и цветущим, как сад, равнинам на севере. На этом участке земли мы разбили лагерь среди гигантских колонн древесных стволов.

Дорога — единственная торговая артерия во всем округе — могла бы стать откровением для среднего пе-

пешхода и поразила бы даже бывалого путешественника. Шириной всего несколько футов, она извивалась немыслимым серпантинном. Этот отрезок дороги приводил к высшей точке. Здесь природа оказала любезность усталому путнику, приготовив для него трехфутовые ступеньки великанской лестницы.

Дорожное «покрытие» также служило громадным подспорьем для беззаботного путешественника. На острых как нож гребнях перевалов, на поворотах под сверхострым углом и в глубине расщелин поверхность дороги представляла собой крупноячеистую сеть из переплетенных корней, с которых была смыта почва, лежавшая теперь ровнехоньким слоем в сорока — шестидесяти сантиметрах под путаницей корней. На уклонах корни сменялись нагромождением валунов и камней всех размеров, покрытых мхом, голых или заляпанных грязью. В качестве небольшой передышки через каждые несколько сот метров предлагалось преодолеть скользкий, подгнивший, совершенно круглый ствол диаметром с полметра, а длиной не меньше тридцати футов, небрежно переброшенный через глубокий овраг, где внизу, среди острых камней, klokотала вода.

Я описал все так тщательно для того, чтобы у вас не создалось впечатление, что дорога, проходившая возле нашего лагеря, изменяла природную среду или привносила какие-либо признаки цивилизации. Вот уж этого не скажешь: даже местные охотники порой оказывались не в состоянии отличить дорогу от любого другого просвета между деревьями. Вдобавок деревья растут быстро, а африканцы не отличаются страстью к перемене мест.

Мы разбили лагерь возле дороги: ведь пока она не совсем заросла, мы могли пользоваться ею для проникновения в непроходимую чащу леса, куда почти невозможно было пробраться. Дорога была полезна и тем, что через эту узкую щель в пологе леса нам удавалось

рассмотреть небо, и мы могли узнать, пасмурный или ясный день, ветрено или тихо.

По этой «трассе» мы и путешествовали, вооруженные ружьями и биноклями, жаркими вечерами — время нам подсказывали часы, а не дневной свет, который всегда напоминал вечные сумерки.

На третий день после нашего прибытия все снаряжение уже было разложено по местам аккуратно, как на корабле, а вокруг центра, где располагались общий очаг и кухня, таинственным образом уже выросли домики из крытых листовой каркасов. Осторожно неся ружье, я перешагивал с корня на корень, с валуна на валун, в голове у меня вертелись воспоминания об осмотре четырехсот ловушек и опасения, что наша палатка рано или поздно свалится нам на голову.

Внезапно я остановился как вкопанный, услышав некий звук — готов был показать под присягой, что он означает бунт моего собственного желудка против той неопишуемой смеси, которую в него запихнули во время ленча. Слегка смущенный, я стоял, ожидая повторения неподобающего звука. И оно последовало незамедлительно, только откуда-то из зарослей слева от дороги. Небольшой концерт, разразившийся вокруг, пока я молча стоял среди зарослей, превзошел самые дикие фантазии. Но стоило мне шевельнуться, как многоголосая переключка таинственно оборвалась. И так повторялось несколько раз. Я уже стал сомневаться: может быть, меня просто обманывает слух — в лесу полно непонятных отзвуков и таинственных вздохов, с ними-то я прекрасно знаком. Но когда я в очередной раз остановился на дне оврага, где трубные сигналы из чрева почти оглушали, меня охватило сильнейшее желание увидеть виртуозов, достигших подобного совершенства исполнения. Каждый раз, когда я делал шаг, чтобы заглянуть под кусты, звук мгновенно обрывался, чтобы затем воз-

обновиться с еще большей силой. Я был заинтригован и раздосадован и кончил тем, что уселся на корточки среди корней в ожидании, пока мои мучители покажутся на глаза.

А так как показываться они не собирались, а только все теснее смыкали ряды по обе стороны тропы, я почувствовал себя неуютно, и у меня созрел план дальнейших действий. Пользуясь методом, которым я овладел еще в школе и применял с отменным успехом в самых труднодоступных уголках Востока, я присоединился к хору — неуверенно и негромко, но со всевозрастающим энтузиазмом. Это привело к результатам, превзошедшим мои самые смелые надежды, хотя в данном случае лучше сказать — опасения. Мои лесные незнакомцы, дружно аккомпанируя мне, придвинулись еще ближе, — как мне казалось, ближе некуда, иначе они уже рискуют вывалиться из-под прикрытия зарослей.

Положение становилось опасным: если судить по силе звука, сравнивая его с тем же звуком в человеческом исполнении, загадочные существа могли быть не просто крупными, а раза в два больше слона. Я принялся лихорадочно перебирать в уме весь животный мир Западной Африки, мысленно роясь в своих зоологических познаниях. Подходящих кандидатов не находилось, разве что шимпанзе или кабаны, но шимпанзе сейчас сидят на деревьях, а кабаны, несомненно, дали бы знать о своем присутствии более открыто и честно. Любопытство мое разгоралось, но росли и опасения.

Спустя несколько секунд любопытство начисто улетучилось, как ни стыдно признаваться в этом профессиональному зоологу. Откуда ни возьмись передо мной возникла грозная образаина: словно закутанная в серую шаль, она буравила меня злобными глазками из-под нависших нахмуренных надбровий. Она (или он) и я

одновременно прекратили утробные рулады, и оба сказали от неожиданности «ух», да так дружно, что меня разобрал неудержимый смех. Но и смех мгновенно замер на устах, как только я в своей зоологической викторине наткнулся на ответ. Я и не подозревал, что дрилы (*Papio leucophaeus*), хотя они и родственники павианов, разгуливают такими многочисленными рыгающими отрядами.

Я уже встречал павианов, и, хотя я очень интересовался их поведением и был не прочь вернуться в лагерь с отличным трофеем вроде того, что мирно восседал напротив меня, я все же помнил, что в их присутствии осторожность — высшее проявление мужества. Поэтому я встал и намеревался удалиться, воображая, что выхожу из-за чайного стола в каком-нибудь аббатстве — хотя в жизни не пил чаю ни в каких аббатствах. Однако это непритязательное движение вызвало явный взрыв возмущения — вокруг меня раздалось пренебрежительное сварливое фырканье. Старая леди (или джентльмен) напротив меня также поднялась, только на четвереньки, так что ее (или его) задняя половина оказалась на виду. В это время года обезьяний зад был ярко-розовым, и я ни к селу ни к городу вспомнил, что Гомер называл зарю «розоперстая Эос».

Эта демонстрация привела к потрясающим результатам. Кусты со всех сторон раздвинулись, и передо мной явился удивительный набор «братьев наших меньших», начиная с самца — тут уж сомневаться не приходилось — устрашающих размеров и до обезьяньих младенцев с бледными, плоскими личиками, нисколько не напоминающими черные, вытянутые, как у собак, морды их «предков» и повелителей. Двигались они неторопливо, словно рассаживаясь по местам перед боксерским матчем; они болтали и похрюкивали, точь-в-точь как любая толпа двуногих любителей развлечений, предвкушающая интересное зрелище.

Пока все рассаживались по местам, я потихоньку отступал, пятась по тропе, и пытался сообразить, какие у обезьян правила, когда дело доходит до драки. Джентльмен-тяжеловес, как видно, был назначен привратником. Он трусцой зашел мне в тыл и загородил тропу, утвердившись на трех валунах: по одному под каждой ногой, а на один он оперся узловатыми руками. Все

это было очень неприятно, и я с трепетом ожидал продолжения программы. Но обезьяны сидели и перехрюкивались — очевидно, следующий ход предоставлялся мне.

Не думаю, что вам случалось попадать в окружение предвкушающих развлечение павианов, а если и случилось, то вы, наверное, согласитесь, что в такой обстановке невероятно трудно изобретать развлекательные репризы. В голове было абсолютно пусто, а тут еще каждый раз, как я поворачивался, та часть зрителей, что оказывалась у меня за спиной, пользовалась случаем захватить местечко поближе, а поскольку быть лицом одновременно ко всем невозможно, круг начал катастрофически быстро сужаться. Вспоминаю, как я с надеждой думал, что дрилы питаются растительной пищей, а я все же не растение, хотя, конечно, некоторое сходство есть. Тут старый джентльмен зевнул. Увидев его клыки длиной чуть ли не в десять сантиметров, я сильно усомнился в мудрых советах изучать животных в естественной обстановке. Мне помнилось, что почти любое животное, даже потревоженный тигр, обращается в бегство, если вы наклонитесь за камнем и сделаете вид, что бросаете его. Я незамедлительно применил этот прием, причем впопыхах не только схватил камень, но и запустил им в громадного зевающего самца с силой, которой сам в себе не подозревал. Все мы были несказанно удивлены, когда камень угодил в цель. Этот удар, как и сам неожиданный выпад, заставил зрителей отскочить, и вокруг меня очистился просторный плацдарм. Мой противник здорово разозлился, чего и следовало ожидать. Когда я наклонился за боеприпасами, он сделал пируэт и оплатил мне сторицей: швыряя землю задними лапами, с завидной меткостью метнул в меня попавшийся «под ногу» небольшой валун.

Это произвело фурор. Наконец-то представление началось! Я вел круговой обстрел камнями, и, хотя одни восхищенные зрители отступали, другие — в тылу — переходили в наступление, особенно тот джентльмен, что так сладко зевал. К этому времени он разъярился не на шутку и отстреливался то градом камней, то обильными плевками, кружась, как в вальсе, так что передо мной оказывалась то оскаленная по-собачьи пасть, то вовсе не собачий зад.

Подобная тактика, подкрепленная ураганным каменным обстрелом в неумолимо сгущающихся сумерках, не только всерьез напугала, но и невероятно рассердила меня. Я едва не всадил в джентльмена порцию свинца, но сумел, к счастью, удержаться, так как знал, что этот козырь может понадобится мне, когда начнется общая свалка. Она могла начаться с минуты на минуту.

Во время недолгого затишья в обмене любезностями, когда воцарилась почти полная тишина, один из самых мелких несмышленишей в толпе зрителей с воинственным писком бросил в меня комком земли, как мальчишка, подкидывающий мяч под биту в лапте. Это выглядело настолько потешно, что я, и без того взвинченный до предела, просто покатился со смеху. Почему это меня так рассмешило, до сих пор не понимаю, может быть, вовсе ничего смешного и не было. Но как оказалось, лучше я ничего не мог придумать.

Мамаша схватила своего дрожащего и съежившегося от страха отпрыска, прижала к груди и бросилась бежать; за ней последовали остальные матери с детенышами. Оставшаяся «мужская компания» — с полдюжины самцов — принялась бегать туда-сюда с растерянным и сердитым видом. Я продолжал хохотать и орать, как на футбольном матче, и вскоре понес несусветную чепуху исключительно на нервной почве. Я наступал на старого самца, вопя: «Гол! Наша взяла! Беги, беги,

старый дурак! Бонжур, мадемуазель Кошон! Подавайте два кофе с молоком!» — при этом я исполнял, извиняясь змеей, отчаянную румбу вперемежку с другими экзотическими танцами из моего репертуара. Он застыл как вкопанный. Глаза его широко открылись, на морде появилось до смешного человеческое выражение. Он что-то пробормотал себе под нос. Можно сказать, что он был в шоке — не только озадачен и напуган увиденным, но и ошеломлен моим поведением. Несколько секунд он стоял, не отступая ни на шаг, с выражением неопишуемого удивления на лице, затем его нервы не выдержали, и он отскочил в сторону, как собака. Вслед ему понеслись самые изощренные ругательства на вульгарном лондонском диалекте. Он позорно бежал.

После его поспешного отступления «в кусты» путь передо мной был открыт. Не теряя времени, я помчался домой, продолжая ругаться и вопить во весь голос. Выбравшись на гребень, я раза два выстрелил вниз, в экстазе чисто человеческого чванства, охваченный чувством презрительного превосходства над жалкими лесными зверями, на которых мой дар речи произвел столь ошеломляющее впечатление.

После встречи с этими «уличными сорванцами» тропического леса наступившая ночь принесла свои неприятные сюрпризы.

Лагерь в лесу должен строиться вовсе не как попало. Его планировку нужно тщательно и серьезно обдумать, не обращая внимания на насмешки ветеранов и притворное непонимание ваших местных помощников. Тот, кто ставит свою палатку как бог на душу положит, горько пожалеет об этом в будущем — если останется жив. Не стану объяснять, почему я не люблю «линейное расположение». Достаточно сказать, что за палаткой

высилась пятнадцатифутовая стена из спутанных ветвей и стволов, которые мы вырубили на площадке перед палаткой, а поверх были нагромождены еще тонны увядшей листвы, срезанной с деревьев, чтобы хоть немного света проникало к нашему жилью. Вокруг площадки с другой стороны стояли навесы, прикрывающие столы препаратов.

В центре площади стояло диковинное сооружение, опиравшееся на каркас из длинных тонких шестов (на них пошли молодые деревца, которым в лесу приходится все время расти вверх, пока они не пробьются к свету футах в двухстах над землей), связанных веревками из лиан и покрытых противомоскитными сетками. Я всегда беру с собой эти противомоскитные «комнаты» с брезентовым полом, позволяющие сидеть на воздухе без толстых носков, газовых накомарников, жидкостей и порошков, отпугивающих комаров, и прочих приспособлений против кусающих насекомых. Такая «комната» вмещает стол, пару стульев, граммофон, нас самих и проворного африканца, который заводит граммофон, таскает каталоги, моет предметные стекла для микроскопов, вытирает пролитые напитки, заваривает чай, измеряет крыс и вообще расширяет пределы наших ограниченных физических возможностей.

Я дал распоряжение в тот вечер выдернуть опоры противомоскитной комнаты и перенести ее на противоположную сторону площадки — с деревьев на этом месте денно и нощно капала липкая зеленоватая жидкость, которая собиралась на брезентовой крыше, постепенно просачивалась через нее и плюхалась нам на голову еще более вязкими, хотя несколько профильтрованными каплями примерно по рюмке за раз.

Земля под этой конструкцией была отменно утрамбована непрерывной беготней по брезентовому полу. Каково же было наше удивление, когда, подняв все

сооружение с земли, словно это был гигантский кусок сахара, мы увидели копошащуюся массу черных, омерзительных на вид существ. Шестеро дюжих африканцев держали на весу палатку за шесты, выдернутые из земли. Услышав предостерегающий вопль, они увидели, что таилось под полом, разом бросили свои шесты и отскочили как можно дальше — ведь они, само собой, были босиком.

Брезентовый пол кое-где не доставал до земли — его держали опорные шесты, и под ним поднялась такая возня, что он зашевелился. Пока мы бегали за сачками и длинными деревянными пинцетами, началось великое бегство. Мерзкие черные твари покидали свое убежище не поодиночке и не попарно, а взводами и эскадронами, и все с невероятной скоростью мчались прямехонько в нашу палатку, где и исчезали, словно призраки, поглощенные тенями.

Должен сказать, что палатка была сделана по особому заказу. Пол был пришит к стенкам по всему периметру — операция, которая, по-моему, была знакома если не самому первому, то хотя бы второму в истории человечества конструктору палаток: ведь это единственный способ предохранить ее от проникновения сырости. Наша палатка типа «скваттер» состояла фактически из двух палаток, одна в другой, и «крылья» наружного тента были распялены на горизонтальных шестах таким образом, что по бокам образовалось нечто вроде крытых галерей, где можно было хранить в сухости разные припасы и оборудование. На этот раз галереи были забиты ящиками с провиантом, мешками с ловушками, ружьями и прочими нужными вещами.

Негодные твари забились под ящики, в ящики и во все свободные промежутки, прежде чем мы успели организовать на них облаву. Дело в том, что скорпион — существо почти без третьего измерения, настолько он

сплюснен. Я знаю только одно еще более плоское существо, но речь о нем пойдет позже. У него, кажется, есть только длина и ширина и нет никакой толщины вопреки всем законам физики и геометрии.

Нескольких скорпионов мы соскребли в сачки, да африканцы схватили несколько штук за хвосты, так что смертоносные хвостовые «шипы» не могли им повредить, а тяжелые клешни болтались, скованные собственным весом. Эти коварные плоскостные существа весело шныряли под полом противомоскитной комнаты, по которому мы ходили целыми днями, и вот теперь они преспокойно расквартировались у нас под кроватями, в ящиках с провизией и бог знает где еще, предоставляя нашим босоногим помощникам возможность в любой момент наступить на них.

Было поздно, тьма — хоть глаз выколи, пошел дождь, а у нас не было мощной керосиновой лампы, такой, что, как и примус, работает под давлением, — засорилась горелка. Наконец, нас окружали скорпионы, таящие потенциальную смерть.

Началась грандиозная охота. Ящики и тюки с предельной осторожностью поднимали и перерывали их содержимое при свете керосиновых ламп возле ближайших хижин. Скорпионы обнаруживались повсюду. Пол палатки подняли, и люди наклонялись, хватая прыткие черные силуэты. Вдруг на весь лес раздался душераздирающий вопль.

— Хозяин, злое мясо меня кусай!

Все скопом кинулись к Эмере, прыгавшему на одной ноге. Он с жалобным видом протянул ко мне ногу. Я осмотрел его большой палец. Крови нет, никаких ран не видать.

— Где тебя укусило? — спросил я.

— Там, — отвечал перепуганный Эмере, показывая на парусиновый мешок, лежавший в куче прочего сна-

ряжения. Я посмотрел раз, потом другой, повнимательнее — там красовался след плоской, грязной ступни Эмере, а отпечаток большого пальца приходился как раз на раздавленный окурок сигареты, который все еще тлел на опаленной парусине.

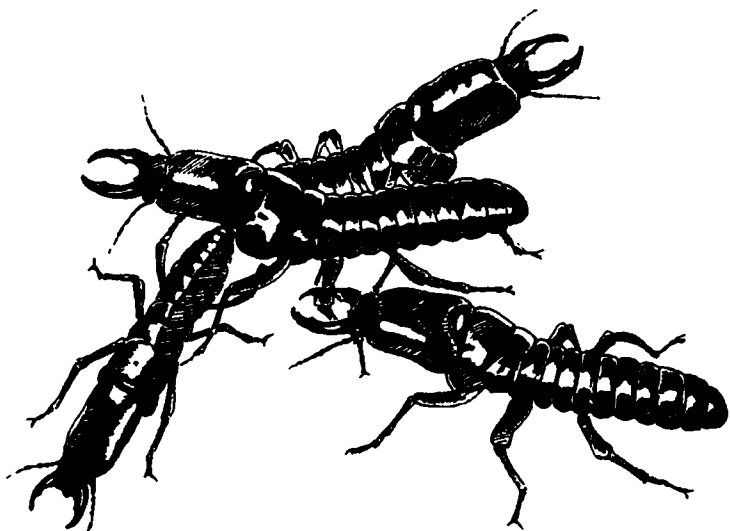
В Африке почти любое мелкое происшествие приносит какую-то пользу, а в лесной глухомани — вдвойне. Одно ведет к другому — если вы только умеете читать лесную книгу природы.

Для примера расскажу вам о приключении Этвонга, представителя намчи¹, который наткнулся на большие гнезда термитов в молодом лесу, окружавшем естественную травяную лужайку из тех, что разбросаны по лесу в местах, где почва слишком скудна для гигантских деревьев.

Меня очень интересовали монументальные жилища этих общественных насекомых — их часто называют «белыми муравьями», хотя они вовсе не муравьи по целому ряду признаков. Я тут же приказал собирать отряд, и мы выступили во главе с раздувшимся от гордости Этвонгом, за которым шли люди с лопатами, охапками сухой травы, ловушками и ружьями, а замыкали шествие мы сами, вооруженные камерами и странным инструментом под названием «друг траппера»² (изобрел его обладатель самой светлой головы во всем Девоншире, с которым я не имел чести быть лично знаком, но которого следует посвятить в рыцари или сделать пэром Англии за великое изобретение, незаметное для коллекционера).

¹ Автор нередко упоминает устаревшие названия народов, вошедшие в то время в терминологию на Западе. Они могут не отвечать этническим реалиям в современной Африке.

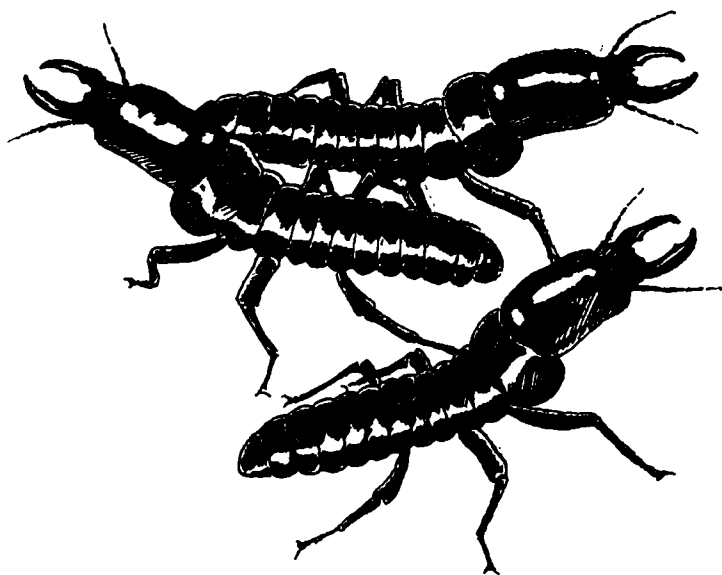
² Т р а п п е р (trapper — *англ.*) — охотник, пользующийся капканами. (*Примеч. пер.*)

Процессия вошла в лес, прорубая путь через заросли лиан.

Гнезда термитов — нечто непостижимое для человека, воспитанного в реалистическом духе. Позднее я посвящу вас в их самые глубокие тайны, но в данном случае наш интерес был, так сказать, поверхностным.

Гнезд оказалось много, высотой они были в среднем около трех метров — колоссальные терема, возведенные слаженными усилиями бесчисленных крохотных насекомых, которые пережевывают древесину в пасту и цементируют ею мелкие комочки полужидкой глины. В каждом таком здании — полный ассортимент широких туннелей, ведущих вниз, к основанию конуса. Мы рассредоточились и занялись каждым гнездом по очереди. Все ходы-туннели расчищали и возле ставили сеть, или ловушку, или человека с палкой в руках. Две дыры — на противоположных сторонах — оставляли свободны-

ми. У одной из них мы поджидали с камерами наготове, а во вторую наши помощники засовывали длинными шестами пучки тлеющей травы.

У первого гнезда нас ждал сюрприз. Не успела дымящаяся трава скрыться в дыре, как с другой стороны выскользнула тонкая зеленая змея, извиваясь и норовя как можно скорее удрать от дыма. Ее быстро загнали в небольшой сачок, хотя сантиметров шестьдесят змеино-го туловища осталось висеть снаружи, а потом один из нас, надев толстые кожаные перчатки, придушил ее в сачке. У следующего гнезда мы остались ни с чем: должно быть, по какой-то причине оно было покинуто.

Зато третье принесло нам желанный улов, а Фау-ги — неприятности. Пришлось много потрудиться, расчищая густую спутанную сеть растительности. Входные отверстия мы расширили, чтобы их было удобнее перегородить ловушками и сетями. Все это производилось

с помощью «друга траппера», представляющего собой одновременно топор, лопату и молоток, хитроумно соединенные вместе. Когда все было готово и камеры нацелены на выход, я дал сигнал пускать в ход дымящиеся жгуты.

Фауги выступил вперед, готовый выполнить приказ, но вдруг завопил как сумасшедший, прыгая с ноги на ногу. С обеих ног у него капала кровь, но все вокруг так и покатывались со смеху.

Чтобы расширить ход, куда ему предстояло засунуть тлеющую траву, он отколол топором кусок твердого, как цемент, термитника. И угораздило же его встать босой ногой как раз на вскрытое место!

Когда термитнику нанесена «рана», насекомые тут же приступают к делу. Солдаты — размером с небольшую осу, но с громадными квадратными красными головами — валом валят из внутренних помещений и занимают позиции на всех выдающихся пунктах, щелкая острыми как бритвы жалами и поворачивая головы во все стороны. Тем временем рабочие начинают много-много трудное дело — восстановление поврежденных мест.

За одну ночь усилиями небольшой части колонии может быть восстановлено до двадцати семи кубических футов материала благодаря величайшему трудолюбию и прекрасной организации труда у насекомых.

Ноги Фауги являли собой живую иллюстрацию их могущества — они были располосованы в десятках мест как бы ударами скальпеля. Такие ранки не просто щипки или уколы, а чистые разрезы длиной от восьмой до четверти дюйма, насквозь рассекавшие ороговевшие «подшвы» на его загрубелых ногах.

В суматохе все покинули свои посты, и тут-то молниеносно разыгрались события в большой норе под термитником, похожей на пещерку. Что-то пулей вылетело из норы, запуталось в сетях и скатилось обратно в чрево

земли — вместе с сетью. Мы бросились по местам, и в дело пошла тлеющая трава. Внизу поднялся настоящий бедлам, мы нацелили камеры и стали ждать.

Шлеп, бух! Длинный нож Этвонга скрылся в норе, а за ним нырнул и сам Этвонг, но тут же отпрянул как востропанный — на губах и ушах у него, как бульдоги, висели термиты-солдаты.

— Что там? — закричали все в один голос.

— Чук-чук, — выдохнул африканец, отплевываясь от земли и белых муравьев.

И вот наружу, как пули из нарезного ствола, вылетели папа, малыш и мама. Щелкнули затворы камер и курки ружей, над головой у меня засвистели длинные ножи. Животным надо было прорваться через двойное кольцо людей, и они заметались из стороны в сторону. Я прихлопнул малыша шляпой, а на папашу свалилась целая куча мала, но мама галопом умчалась в кусты, визжа как свинья. Меня поцарапал малыш, а повар, который присоединился к нам ради развлечения, заработал глубокий укус от пожилого папаши. Многие из нас оказались «чукнутыми», но все были очень довольны — мне давно были позарез нужны живые экземпляры этих интересных животных: я намеревался изучать их и собирать с них паразитов, как тех, которые кишат на них днем, так и «ночных», являющихся невесть откуда с наступлением ночи и сменяющих «дневных».

Чук-чук, или кистехвостый дикобраз (*Atherura africana*), — животное весьма замечательное во многих отношениях. Свое имя оно получило за крепкие прямые иглы, протыкающие кожу человека почти с такой же легкостью, как докторский «чук» (шприц), прекрасно известный африканцам в качестве единственного средства от местных болезней — сонной, крау-крау, йоус и других. Чук-чук — грызун и, как все его собратья, считает главным лакомством насекомых. По этой при-

чине, а также потому, что рыть в лесу, даже с помощью похожих на стамески зубов, перегрызающих корни, очень трудно, животные и поселяются под термитниками. Дикобразы — очень толстые существа на крепких коротких лапах; у них довольно длинный чешуйчатый хвост с пучком необычных белых иголок на конце. Иглы состоят из твердой цепочки полых, похожих на пузырьки, словно перевязанных, вздутый, разделенных жесткими перегородками. Вся кисточка напоминает высохший початок кукурузы, и, когда животное ею трясет — от злости или от страха, — она гремит примерно так же, как сухие зерна, даже громче. Я видел, как мать-дикобразиха призывает этим звуком своих малышей, разбежавшихся на значительное расстояние, и хвост вибрирует так быстро, что глазом не уследишь.

Несмотря на свое дородство и колючий панцирь, дикобраз отличный и выносливый бегун. В некоторых местностях Африки, где по открытым травянистым равнинам там и сям разбросаны купы кустов, за неимением лисиц охотятся на дикобраза. Рьяные английские спортсмены, знакомые, надо думать, с охотой на лисиц в английских графствах лишь понаслышке, несутся на искушенных мухам цеце горных лошаденках следом за сворой «гончих» — борзых, такс и прочих не поддающихся определению представителей собачьего рода, вопя во весь голос «ату его!», и продираются через колючие заросли, дымясь от пота. Чук-чук, как и его далекая пышнохвостая родня, тоже часто прячется в нору после долгого пробега по параболе, и его так же выкапывают оттуда немногословные местные земледельцы. Это славный спорт, особенно если принять во внимание полное отсутствие колючей проволоки, множество ручейков, в которых горные лошадки норовят искупаться, и, что самое важное, — пойманная дичь не только съедобна, а просто объедение.

Но дикобразы — далеко не единственные существа, которые выскакивают из нор, в чем я скоро и убедился.

Около нас одно время околачивался неотесанный и не слишком-то умный парень; откликался он на имя Деле. Он твердо решил работать у нас, ради чего прошел пешком чуть ли не сто миль и явился как раз кстати — у нас не хватало рабочих, а в такой глуши их взять негде. Вдобавок он был намчи, а я научился особенно ценить представителей этого народа. Поэтому он был принят на роль траппера, до тех пор пока я не найду подходящего повода, чтобы от него избавиться. Он включился в работу с горячим энтузиазмом, и я, видя, что он хорошо знает тропический лес и не болтлив, часто брал его с собой на вылазки в самые недоступные уголки леса. Мы наводили переправы через речушки, влезали на деревья, протискивались сквозь переплетения лиан,— короче говоря, ощущали живое биение пульса леса. Наши совместные усилия принесли разнообразные плоды, которые ныне покоятся в ящиках и банках на стеллажах музеев.

Как-то под вечер мы набрали на скалу высотой футов сорок, разумеется полностью скрытую и погребенную под периной лесной растительности. Сквозь непроницаемый полог листвы в сумрак леса пробивались немногие пятна света, и там, куда они падали, разрослись купы густейшей зелени. Нырнув в одну из таких куп, мы сразу же заметили широкие отверстия множества нор. Мы сунули в них носы, прислушиваясь и принюхиваясь, как собаки. Несомненно, внутри что-то шевелится!

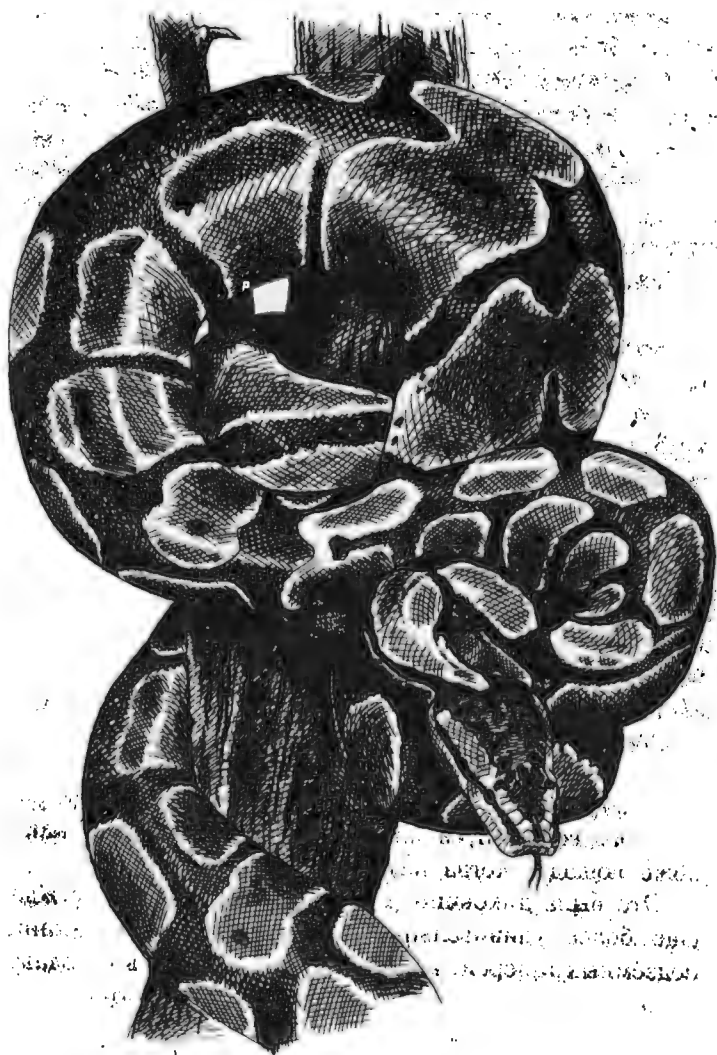
Мы принялись расчищать растительность вокруг, пока не образовалось нечто вроде пещеры под густым сплетением кустарника и все норы не оказались на виду. Затем стали копать и совать вглубь наши «друзья траппера». Немного спустя я заметил, как что-то заво-

рочалось в куче сбитой листвы за спиной у Деле, и, не долго думая, сделал выпад своим «дру-тра», как я его назвал.

Результат был сногшибательный. Казалось, сама земля встала дыбом, во все стороны полетели грязь и сучья, а Деле на четвереньках шустро ретировался к самой дальней норе, в которой и принялся деловито копать. Я остался один, более или менее бессмысленно преклонив колени на дыбящейся земле, пока не почувствовал, что она проваливается и пора уносить ноги. Я отскочил к Деле и спросил, что бы это такое значило?

Английских слов у него в запасе было немного, да и в лучшие времена произношение было гортанное, а сейчас и вовсе неразборчивое, так что я уловил только одно: «Плохое мясо». Постепенно кутерьма под нами улеглась, и Деле принялся энергично врубаться в нору. Все еще озадаченный, я смотрел, как он срезает верхний слой почвы и тычет свой «дру-тра» в подземелье. Я тоже принял оживленное участие в его кипучей деятельности, и вот он уцепился за что-то смахивающее на пропитанный кровью ком земли и начал тянуть. Мы вдвоем тянули несколько минут, пока наконец не извлекли на свет все десять футов и шесть с половиной дюймов (3,15 м) королевского питона (*Python regius*) — царя африканских змей; его туловище извивалось, изгибалось волнами, и по нему пробегала дрожь, как по коже лошади, когда на нее сядет овод.

Это была диковинная добыча, но впереди нас ждали еще более удивительные сюрпризы: там, в путанице подземных галерей, все еще что-то двигалось и издавало какие-то звуки. Мы копали без отдыха, пока пот не полил с нас градом, и подбирались все ближе к источнику шума. В конце концов мы раскопали трех громадных сухопутных черепах (*Trionyx triunguis*). Они ис-

пуганно сбились в кучу и моргали из-под своих панцирей короткими черными глазами, словно понимая, что их судьба в наших руках. В жизни я не видел у животных такого печального и умоляющего выражения, хотя при виде любого животного, оказавшегося в беспомощном состоянии, я едва не умираю от сострадания. Деле намеревался прихватить их в лагерь — для общего котла, но я непоколебимо встал на защиту своих протеже, может быть, в основном из-за того, что они боятся щекотки сзади под панцирем, а это еще больше связывало нас узами взаимопонимания и симпатии. Разумеется, победа осталась за мной, хотя мой авторитет не играл здесь главной роли: просто Деле, как истый африканец, вполне понимал мои чувства, вдобавок он не был голоден, а я еще и намекнул, что в моей стране убийство черепах считается очень плохим джу-джу.

Я понимаю, что нельзя не упомянуть о леопарде, и не только потому, что проделки этого животного — джу-джу и для черных, и для белых людей, а просто потому, что как раз в этих местах они водятся во множестве.

Первый случай, когда я наглядно убедился, что здесь и вправду водятся леопарды, произошел через несколько дней после того, как мы перенесли лагерь из-под защиты станции Мамфе, где изучали жизнь животных в искусственных, созданных цивилизацией условиях. Новый лагерь мы разбили в глубине девственного леса, в лощинке, под прикрытием кустарника и малорослых деревьев, посередине поляны, покрытой высокой травой. Это была одна из тех прогалин, которые образуются в глуши тропических лесов из-за почти полного отсутствия в этом месте почвы. Лес стоит вокруг таких полян сплошной зеленой стеной, и небольшие рощицы разбро-

саны лишь там, где в углублениях рельефа накопилась почва. Чтобы добраться до этого места, мы пошли по «Большой северной дороге» от «парома» (это был старый челнок), находившегося ниже по течению от Мамфе, и перевалили через холм за рекой. Здесь дорога идет то травянистыми пустошами, то лесом. В последней травянистой излучине, которую пересекает дорога, мы прорубили, выбирая участки «наименьшего сопротивления», ход влево — он извивался по полю среди травы и приводил в конце концов к нашему тенистому приюту.

Я возвращался из Мамфе, где нужно было прихватить какое-то снаряжение из базового лагеря и мою любимицу обезьянку, которая обычно путешествовала со мной, сидя на моем левом плече. Меня сопровождал Фауги. Дела задержали нас, и, когда мы гребли на переправе через реку, уже смеркалось. Пришлось одолжить фонарь у лодочника, старика-прокаженного, и мы углубились в лес. По причине, известной разве что самой судьбе или тайным силам африканских джу-джу, я не взял с собой свое любимое охотничье ружье, а нес только сучковатую палку да обезьянку, которая восседала у меня то на голове, то на плече.

Фауги шел впереди, неся неяркий фонарь; янтарные лучи света плясали среди колоссальных стволов деревьев. Ночь была тихая, хотя вокруг все звенело от мириад стрекочущих, жужжащих насекомых, а воздух был пропитан ароматами почти наркотической силы. Мы двигались неслышно, как духи, под ногами — мягкая глина, на мне были теннисные туфли, а Фауги бесшумно шел в своей природной, залубенелой обуви — босиком. Только монотонное поскрипывание ручки фонаря отмечало наше движение вперед.

Когда мы вступили в самую последнюю и самую длинную полосу леса перед нашей поляной, обезьянка

вдруг задрожала и стала жалобно причитать. Она слезла с моего плеча и удивительно ловко забралась за пазуху. В ту минуту это показалось мне причудой, но, как только мы достигли следующего поворота, я приказал Фауги остановиться и оглянулся. Зрение у меня неважное, может быть, в этом причина почти невероятной тонкости моего слуха, чему африканцы не переставали удивляться. Я услышал необычный звук и насторожился.

Звук возобновился, как только мы снова двинулись вперед. Он следовал за нами — легкий шорох в кустах. Фауги ни о чем не подозревал и шел впереди, что меня обрадовало больше всего: случись ему увидеть то, что увидел я, он бы непременно бросил фонарь и задал стрелача, оставив меня в полной тьме в самом неприятном положении. И без того мне стало жутко — по телу пробегали волны неудержимого озноба. Казалось, зверь вот-вот запустит свои когти мне в спину, и я поминутно оглядывался.

Я всегда втихомолку посмеивался над людьми, которые признавались, что их бросало в дрожь без видимой причины; теперь-то я знаю, что это такое. Мне приходилось встречаться носом к носу с тигром (правда, не очень большим), когда моим единственным оружием был сачок для бабочек, видел я и леопардов на свободе, но боялся их не больше, чем разъяренного быка на пастбище. Сейчас мной владело совершенно иное ощущение: казалось, страх накатывает на меня извне, помимо моей воли.

Тут я обернулся и увидел нечто такое, от чего кровь застыла в жилах.

Прямо поперек тропы вытянулось длинное, гибкое тело, не выше фута от земли ни в одной точке. Голова маленькая для размеров животного, но самое странное, что оно было чисто-белого цвета. Зверь замер на мгновение, затем передняя половина его изогнулась назад,

а задняя последовала за ней, как хвост поезда на крутом повороте. Чертов зверь просто-напросто скрадывался от нас при свете нашего же фонаря! Глаза у него были оранжевые, а не зеленые, как все уверяют; не оставалось ни малейшего сомнения — это леопард, притом в самом расцвете сил.

Он подобрался ко мне ярдов на тридцать. А так как Фауги быстро удалялся примерно на то же расстояние в противоположном направлении, не заметив, что я остановился, и свет фонаря неуклонно слабел, я решил, что пора выходить из игры.

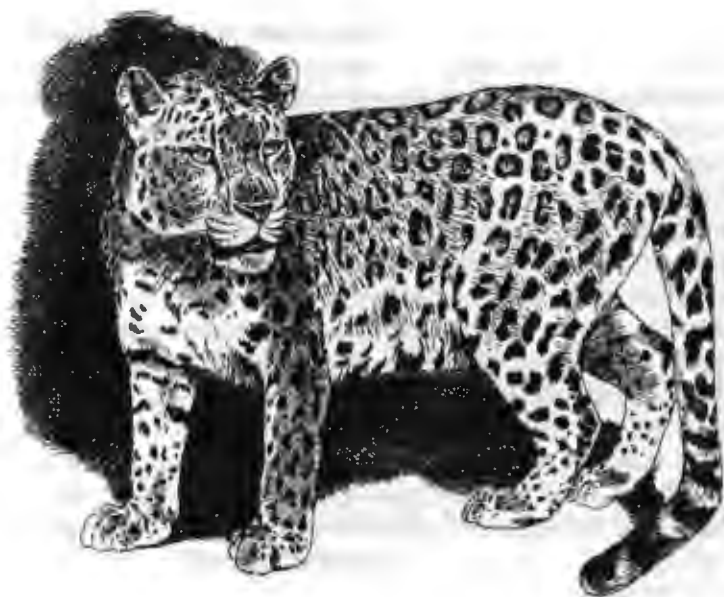
Когда я начал отступление, леопард сгорбил спину, подобрал под себя задние лапы и одним прыжком исчез из поля моего зрения, совершенно беззвучно приземлившись в густом кустарнике. Я поспешно догнал Фауги, и вскоре мы вышли на открытое место; как раз в тот момент на опушке поднялась шумная возня, фыркание, треск ветвей. Фауги решил, что этот шум поднял убегающий дукер, но я помалкивал, хотя был уверен, что я-то знаю, в чем дело.

После такого, как говорится, неофициального знакомства несколько месяцев кряду леопард попадался нам только «по кусочкам». Эти дразнящие фрагменты представляли собой главным образом шкуры или черепа без нижней челюсти, которыми очень дорожили деревенские вожди, а в качестве джу-джу для святилищ они не имели цены. Леопард считается необходимым при великом множестве ритуальных обрядов, да и вообще высоко ценится по многим причинам. Любую часть его тела старательно сохраняют и ревниво оберегают. Позже мы вошли в контакт с очень могущественным филиалом «Общества Леопарда» и, пройдя через обряды посвящения, получили право сделать определенные вложения в некий «Совет по джу-джу», что позволяло нам вступить в более тесный «контакт» с леопардами как

такowymi, а также давало драгоценное право приобретать останки убитых животных. Без этого права практически невозможно добыть и сохранить подобные трофеи, сколько бы вы ни прожили в стране; с ними случаются самые таинственные и необъяснимые происшествия, или они попросту исчезают, и никто не знает как и почему. Только чисто спортивная экспедиция с участием представителей «нездешнего» населения (то есть уроженцев других районов Африки) или чиновник высокого ранга в сопровождении местной полиции и солдат может добыть леопарда собственноручно, всадив в него пулю из ружья. Мы же для африканцев были «докторами», в местном смысле этого слова, и наши шансы даже на встречу с леопардом были, конечно, совершенно ничтожны.

Тем не менее еще трижды после того, как леопард крался за нами, и до того, как мы вступили в «Общество Леопарда», во время охоты с фонарем и ружьем в глубине леса я испытывал то же жуткое ощущение ледяного, пронизывающего страха. Один раз это случилось больше чем в сотне футов над землей: я пробирался следом за Деле по толстеному суку, широкому, как тропа, и, когда внезапно направил луч мощного фонаря в ту сторону, откуда шли ледяные волны, мне навстречу, как я и ожидал, вспыхнули два громадных оранжевых глаза. Ружье я бросил на земле, и мне оставалось только смотреть прямо в эти жуткие глаза: они были точно вровень с моими, в центре непроницаемой массы лиан и папоротников, опутывавших соседнее дерево. Деле тоже увидел их и, ахнув: «Тигра!» — кубарем скатился на землю по висячим лианам.

Я последовал за ним с максимальной ловкостью, на которую был способен, и побил собственные рекорды, но моя лиана метра на два не доходила до земли, и когда я внезапно почувствовал, что держусь за воздух,

то выпустил из рук фонарь и свалился прямо на спину голого африканца, которого я к тому же принял за леопарда. В крошечной тьме африканских джунглей какая только чертовщина не померещится! В конце концов мы нащупали ружье — хотя вряд ли оно могло пригодиться — и стали осторожно взбираться на дерево, где видели страшные глаза.

Это оказалось очень непросто, тем более с ружьем. Мы очень долго добивались до того уровня, где я видел столь драгоценную и столь желанную добычу. Разумеется, мы ничего не нашли, хотя обшарили дерево от верхушки до корней, несколько часов прочесывали чащобу вокруг, но тоже ничего не обнаружили. Все без исключения животные сбежали — и очень разумно поступили, спору нет. Когда я вспоминаю, как мы вели себя в ту ночь, меня охватывает ужас: что за неслы-

ханный идиотизм! Было совершенно очевидно, что «тигра» успеет уйти, пока мы вскарабкаемся наверх, а если бы зверь не ушел, воображаю себе, какие захватывающие, но малоприятные события нас ожидали.

Леопард был одним из тех животных, которых мы особенно хотели добыть и информация о которых была нам особенно интересна. Поэтому мы в полной мере использовали привилегии, дарованные нам членством в «Обществе Леопарда», и объявили, что покупаем леопардов в любом виде. И вот в руки моего коллеги Ситона попал матерый леопард, еще не успевший остыть. Ситон, которого я впредь буду называть Герцог — этот таинственный титул он получил без всякой видимой причины в первый же день, как только прибыл в Африку помогать нам с Джорджем, — в то время работал самостоятельно возле деревни Бахунтаи. Когда он получил леопарда, тот был целехонек.

Он взялся за работу и снял шкуру собственноручно, покончив с делом засветло. Ему помогал Омези, его личный препаратор, а кругом, как всегда, стояла толпа зевак. К тому времени, как шкура была снята, все усы исчезли. И они не были срезаны — их выдернули с корнем!

Герцог доложил мне об этом, когда все мы снова встретились несколько недель спустя. Сообщение показалось мне любопытным, но столь мелкая потеря не стоила того, чтобы ломать над ней голову. Однако прошло несколько дней, и весь наш персонал охватила смута. Наконец мне удалось докопаться до причины общей тревоги. Все обвиняли Омези — у него припасены усы леопарда, а отец его — слугитель джу-джу, и он вот-вот начнет, если уже не начал, использовать их против своих товарищей. Мне пришлось соревноваться с Омези — чье джу-джу сильнее, и я восторжествовал над ним с помощью магнита и других немудреных приемов.

Леопарды в Африке каким-то таинственным, но совершенно недвусмысленным образом связаны с миром сверхъестественного. «Тигра», как называют его африканцы, любит затаиваться в темноте, и вообще у него совершенно необычные привычки. Все это производит впечатление и на европейцев, которые не упускают случая поговорить о его деяниях. Леопард, словно водяной знак на бумаге, присутствует на страницах каждой книги об Африке, набивает оскомину, режет ухо, перемахивает через ограды деревень, и, хотя главная роль ему отводится не всегда, на заднем плане он уж непременно маячит.

Однако мы были подготовлены к подобным сценическим эффектам, поэтому вскоре нашли гораздо более загадочного любителя устраивать засады в темных местах.

Многочисленный кошачий народ возглавляется группой величавых зверей, которых мы прекрасно знаем: лев, тигр, леопард, пума, барс и так далее. Дальше следуют длинноногие гепарды, сервалы, каракалы, а за ними целый ряд все более мелких животных — циветты, пальмовые циветты, генетты и фоссы. Вдобавок между первой и второй из вышеупомянутых групп находится большая группа некрупных типичных кошек. Они мало кому известны, кроме специалистов, редко встречаются даже в больших музеях, но водятся на каждом континенте, хотя бы по нескольку видов. В Африке, разумеется, они есть тоже. Ведутся вечные споры о том, сколько же видов обитает в данном месте, и каждый обширный район девственного леса обязательно таит по крайней мере один, известный только по слухам, вид, никогда не попадавший под пулю или в коллекцию. Это поистине неизвестные и редкостные животные.

В Западной Африке к ним относится золотистая кошка (*Profelis aurata*). Это животное приобрело в нашей жизни совершенно необычайное значение. Сколько бы мы ни расспрашивали о ней охотников, они отделява-

лись уверениями, что в жизни о таком животном не слышали. Позднее я нашел кусочки шкуры золотистой кошки в парадном одеянии вождя, но, когда я на них указал, мне ответили, что они «из далекой-далекой страны». Мы пытались добиться своего подкупом и лестью, сами искали это животное повсюду — но безрезультатно.

Только после того, как нас посвятили в таинства местных религиозных и других обычаев, касающихся леопарда, я понял, что золотистая кошка почитается с ним наравне, если не больше. Благодаря влиянию некоего старого джентльмена, имеющего отношение к леопардам, мы в конце концов раздобыли две шкуры, но не видели ни одного черепа или другой части тела золотистой кошки. Одну из них убили в каких-нибудь трех милях от нашего лагеря, но охотники освежевали зверя на месте, скрылись в лесу и вернулись к нам только через четыре дня. Я отправился на поиски места происшествия, но так и не нашел его — по целому ряду причин, не последней из которых была твердая решимость заинтересованных лиц привести меня в любое другое место, только не туда, куда надо.

В музеях хранятся несколько шкур золотистой кошки и лишь горсточка черепов; причина все та же — культ джу-джу.

Глава четвертая

ВСТРЕЧА С КИСТЕУХИМИ СВИНЬЯМИ. ЗЕЛЕНАЯ МАМБА. МУРАВЬИ. ДРУГИЕ КУСАЮЩИЕ ТВАРИ (СЛЕПНИ И ОВОДЫ)

Мир великих лесов — истинный рай для тех, кто не боится взять на себя труд разгадывать его тайны. Среди обступающей со всех сторон сплошной массы зелени я всегда чувствовал себя как микроб в ворсе ковра, ощущая бесконечное спокойствие и благодушие в этом надежном укрытии от дешевого блеска цивилизованного мира.

Когда солнечный свет льется сверху на полог леса, внизу, как по волшебству, возникают перспективы несказанной красоты. Золотые лучи пронизывают тенистые туннели среди буйной зелени, подсвеченные туманными пятнами рассеянного света. Мы любили сидеть

возле кристально прозрачных ручьев, где пятна света ложились на одетые мхом скалы, и наслаждались полуденным безмолвием и покоем, покоренные и очарованные прелестью этого мира. Вон там к небу тянется пальма с перистыми листьями: корни — в вечном сумраке лесных глубин, а ладони-листья неподвижно простерлись к сияющему солнечному свету, распахнув бесчисленные тонкие пальцы бледно-нефритового оттенка; вон там сверкнуло пляшущим сапфиром пролетающее насекомое, и повсюду — вдали, внизу, вверх — застывшими водопадами клубятся массы разной листвы — золотисто-зеленой и нежной, бутылкочно-зеленой в ярких отблесках; местами возникает такая игра красок и форм, что не хватает слов.

Сонное молчание дней и вибрирующая тишина ночей могут быть нарушены ураганами или громоуханием грома в тучах, но ничто не в силах потревожить вечный покой лесов. Льет ливень, и буйствуют ветры, но они проносятся, и деревья перестают трепетать, стоят и не шелохнутся в своей извечной неподвижности, позволяя последним каплям стекать и падать, унося следы потревожившей их грозы.

Жить среди беспредельных зеленых лесов — все равно что жить среди древних божеств. Прошое, настоящее и будущее — пустые слова; вечность природы становится живой реальностью. Сидеть одному в полуденном безмолвии тропического леса и пытаться вспомнить сумятицу цивилизованного мира невозможно.

Многие жили в тропическом лесу дни, недели, месяцы, даже годы и никогда не видели ничего живого — разве что случайную мартышку или белочку. Интеллигентные люди, которые провели всю свою жизнь в лесах Западной Африки, признавались мне, с каким увлечением и изумлением смотрели они на неиссякаемый поток живых существ, который мы заставили струиться

из безжизненного на вид окружающего мира. Постепенно начинаешь постигать лесную социологию, не сразу, а день ото дня все больше включаешься в структуру окружающей тебя жизни, кусочек за кусочком срываешь маскирующий камуфляж. И тогда открывается мир, полный бесконечного разнообразия, безмерной красоты и неистощимо увлекательный.

Мы сделали совершенно неожиданный вывод: жизнь леса похожа на жизнь морского дна. Все потихоньку дрейфует в различных направлениях, словно подчиняясь течениям и встречным завихрениям. Остановиться — значит возбудить подозрение точно так же, как подводный пловец может буквально брать в руки рыбок и других морских животных при условии, что позволяет течению нести себя над морским дном, но стоит ему остановиться, как он превращается в предмет, которого боятся и избегают.

На охоте мы применяли два диаметрально противоположных метода. Джордж затаивался в каком-нибудь подходящем местечке и ждал, пока лесные существа не наплывут на него сами; я же дрейфовал и кружился в «водоворотах» с ними заодно. При этом я, как и Джордж, узнал много интересного. Скорость, с которой я дрейфовал, как оказалось, должна соотноситься с погодными условиями. В ясные погожие дни жизнь почти застывала на месте. Во время бури мне приходилось бежать, чтобы не отстать от «компании». Случалось, что наземные жители дрейфовали в одном направлении, а обитатели лесных крон двигались у меня над головой в другую сторону.

Мы заметили, что некоторые животные и определенные типы их передвигаются по строго установленным маршрутам, будь то на деревьях или на земле, и, более того, что их переходы туда и обратно происходят по точному графику, как по часам. Одни животные выдавали присутствие других, некоторые плоды отпугивали

животных, хотя должны были бы их привлекать, и так далее: законы и правила оказались бесконечно разнообразными.

Как-то раз, дрейфуя по лесному «дну», я вышел к небольшой лощинке, в которую впадал маленький ручеек. Земля была пропитана влагой и покрыта густой сочной растительностью; вода ручья растеклась во все стороны, и образовалось небольшое болотце. Я бесшумно двигался следом за маленькой белкой, и тут до моих ушей долетело какое-то ворчанье и похрюкивание, поначалу смутное и едва слышное — тень звука, а не звук. Мало-помалу он становился громче, а когда я остановился посреди болотца, мне показалось, что звук идет сразу со всех сторон. Я медленно двинулся вперед, зная, что иначе мне не удастся подсмотреть, что за животные ведут «разговор».

Внезапно я вышел прямо на них — целое стадо самых диковинных существ, каких мне только приходилось видеть. На темно-зеленом фоне водяных растений их ярко-оранжевая окраска и чудовищные головы резко бросались в глаза. Честное слово, на первый взгляд мне показалось, что они больше чем наполовину состоят из головы — коротенькие ножки совсем утонули в месиве, в которое они энергично превращали податливую землю. Головы их были украшены торчащей, как гребешок, белоснежной челкой, которая переходила в длинную белую гриву, падавшую налево или направо от холки. У них были длинные остроконечные уши, кончающиеся белыми султанчиками, которыми они непрерывно подергивали и трясли, взрывая землю длинными, ровными бороздами. Все это сопровождалось довольным похрюкиванием и воркотней.

Стадо кистеухих свиней (*Potamochoerus*) представляет собой необычайное зрелище. Они кажутся такими же благодушными и ленивыми, как самые обычные де-

ревенские свинки, но, когда видишь их ярчайшую окраску и нелепые силуэты, хочется проверить, не сыграло ли с тобой шутку твое собственное зрение. В естественной обстановке они вообще не похожи на свиней. Собственно говоря, они не похожи ни на какое другое животное — нигде не увидишь таких громадных голов, длинных, как вымпелы, ушей с белыми кисточками и высоких узких туловищ.

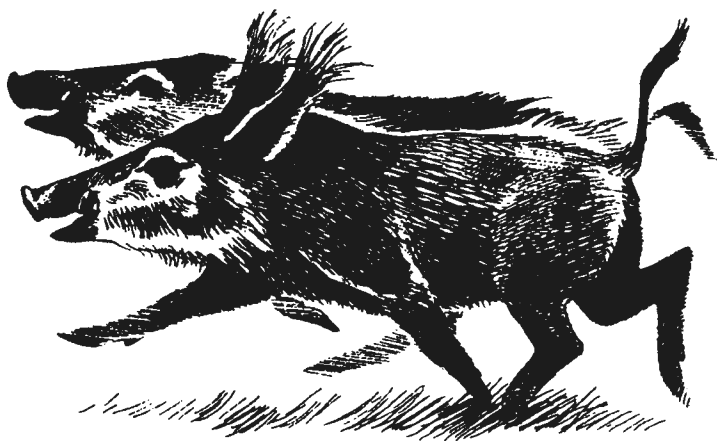
Меня занесло прямо в расположение стада. Внушительных размеров и грозного вида кабан рассмотрел меня и отнесся к моему вторжению благосклонно, поэтому я позволил себе осторожно двинуться дальше. Я читал о людях, которые в Восточной Африке подбирались на расстояние нескольких футов к совершенно диким львам во время полуденной сиесты (собственно говоря, мой отец один из первых продемонстрировал, что это вполне возможно, если двигаешься достаточно медленно), но я никак не ожидал, что этот прием сработает с такими коварными и заносчивыми существами, как рыжие кистеухие свиньи, в тропическом лесу. Тем не менее я оказался в самой середине стада — они меня видели, но не боялись. Может быть, они чувствовали себя спокойно, потому что у меня не было с собой ни одного странно пахнущего предмета — ни ружья, ни камеры, ни другого смазанного маслом металлического снаряжения. Они неспешно перемещались вокруг меня, и мы вместе дрейфовали в одном направлении; порой я видел разом четверых, а иногда все они исчезали среди густой зелени, давая знать о своем присутствии лишь несмолкаемым постанывающим хрюканьем.

Казалось, этот невероятный контакт тянулся, ничем не нарушаемый, целые века, и мне посчастливилось наблюдать, как редкие и загадочные животные проводят свои будни в полнейшей гармонии с окружающим миром. Они оказались необычайными охотниками. Я всег-

да думал, что свиньи — настоящие вегетарианцы, но теперь собственными глазами увидел, как одна крупная свинья, раскопав убежище громадных улиток, принялась хрустеть раковинами и уплетать сочных моллюсков. К ней пристроилось трое молодых поросят, которые толкали друг друга и кусались, только бы урвать кусочек лакомства. При этом они пользовались приемом молниеносных наскоков, с размаху толкая противника плечом, одного даже опрокинули в глубокую грязь. Дикое животное, барахтающееся вверх ногами, — уникальное зрелище: мне казалось, что я смотрю на группу расшалившихся школьников.

Старый кабан, который не спускал с меня глаз, будто понимая, что я могу оказаться опасным, угодил в самое потешное положение. Он рылся на окраине болотца, закапываясь длинным рылом глубоко в грязь и перегрызая невидимые корешки, как вдруг сунул рыло под непредвиденно крепкий корень соседнего дерева, укрепившийся в твердой почве. Очевидно, у него были небольшие клыки (в чем я позже и убедился), и он намертво зацепился ими за корень. Зверь поднял нево-

образимый шум, приплясывая на задних ногах и выделявая антраша, как балетный танцор; он дергался, упирался и вопил, как будто ему отгрызают пяточок. Я было подумал, что он дерется с кем-то на земле — его рыло заслонял от меня небольшой кустик, — и совершил непростительную глупость: подошел поближе посмотреть, в чем там дело!

Это встревожило всех остальных, и стадо стало поспешно уходить, зато я отлично видел яростные усилия кабана, пытавшегося освободиться или выдернуть корень. Но тут мое внимание привлекла одна из самых прелестных сцен, какие мне случалось видеть. Когда стадо пробегало мимо меня бойкой рысью, показались новые его члены, которых я еще не видел. Среди свиней оказалась стайка крохотных поросят, и каждый малыш был щегольски разукрашен золотыми полосками по темному фону. Они рысили развернутым строем, пронзительно, отрывисто повизгивая, а сзади взволнованная мамаша подталкивала их рылом под тоненькие задние ножки, словно приговаривая: «Вперед, поторапливайтесь, а то злой дядя вас слопаёт». Вся сцена была полна

такого совершенства, что я застыл на месте, не сводя с них глаз.

Тут мимо меня протрусил молодой кабанчик или свинка — не знаю, и я внезапно решил изловить его. Он подбежал настолько близко, что я представил себе, будто уже вижу это изумительное расписное существо в зоопарке, окруженное потрясенными толпами любопытных зрителей, и бросился его ловить. И хотя я совершил молниеносный бросок и даже коснулся его жесткого щетинистого крупа, он успел метнуться в сторону и забился в кусты, крича почти человеческим голосом. Старый кабан, сделав, как видно, именно в этот момент сверхсвинячье усилие, вырвался из плена — я слышал, как он на всех парах ломился сквозь подрост, быстро удаляясь.

Начинало смеркаться, и я побрел через болотце, перепаханное острыми свинными рылами. Уму непостижимо, как они умудряются перевернуть вверх тормашками такой большой участок земли!

Нам часто приходилось пускаться из своего лесного лагеря в утомительный переход на базу в Мамфе за недостающим снаряжением или припасами. В тот день, о котором я сейчас расскажу, со мной отправился исполнявший обязанности интенданта Нгва, — на этот раз неотложным делом оказалась закупка провианта.

К лагерю вплотную подступали поросшие травой пустоши, на которых встречались обнажения каменных пород. Дожидаясь, пока подойдет Нгва, чтобы вместе отправиться в путь, я улегся на солнышке позагорать. Джордж растянулся рядом, его шевелюра почти закрывала глаза, и мы, помнится, обсуждали относительную высоту африканских гор. Поджарив живот и бока, я перевернулся, подставляя солнцу спину и ноги, и закутал лучше голову и плечи, чтобы уберечься от его разящих лучей.

Каков же был мой ужас, когда, приоткрыв глаза, я увидел прямо перед собой стройную бурую змею, раскачивавшуюся как в трансе.

Мы оба заорали и метнулись в сторону, а с тропинки, ведущей от нашего лагеря, хлынул поток бегущих со всех ног африканцев. Последовала великая охота на голой скале: были принесены сачки, и вся толпа плясала вокруг, норовя заарканить противника, который отступил под куртинку травы и пытался отсидеться в трещине скалы. Его выдворили из укрытия при помощи длинных шестов и разделались с ним совершенно невиданным и удивительно практичным способом.

Как только змея подняла голову и переднюю часть туловища, готовая разить, один из африканцев подсек ее резким движением длинного гибкого прута. Судя по всему, он перебил змее позвоночник — она свалилась как подкошенная и больше не подавала признаков жизни.

Когда суматоха улеглась, мы с Нгва отправились в Мамфе, но по глупости решили сократить путь и пошли напрямик к большой дороге, которая шла ниже по склону холма. Трава доходила до пояса, хотя местами полегла, как рожь после бури. Мы молча пробивались сквозь эти травяные дебри.

Вдруг Нгва издал дикий вопль, подскочил вертикально вверх и с треском рухнул плашмя в стороне от тропинки, бесследно скрывшись в густой траве. Я подошел взглянуть, что его напугало, и встретился взглядом с разъяренной мамбой Джемсона (*Dendraspis jamesoni*) громадных размеров, а это одна из самых смертоносных змей Африки. Нырять в траву, чтобы вызволить Нгва, я был уверен, что змея его укусила, а сама скрылась в путанице трав.

Так как Нгва нес целую кучу разнообразных вещей, то выпутаться из-под них ему никак не удавалось, и

он все еще извивался в траве. Убедившись, что он избежал укуса, я попытался извлечь его из-под кучи предметов, но едва успел поднять несчастного на ноги, как он наступил на холодную полированную ручку сачка. Решив, что на этот раз угодил прямиком на змею, Нгва завопил еще пронзительнее, побледнел, отчего его блестящая коричневая кожа стала похожа на сыр, и со всех ног бросился в ближайшие кусты, сбрасывая с себя на бегу наше драгоценное имущество.

После этого на мою долю выпали очень неприятные четверть часа — я собирал катапультированные во все стороны предметы, ни на минуту не забывая, что где-то поблизости, почти под ногами, затаилась громадная, смертоносная, доведенная до бешенства змея. На мне были теннисные туфли на босу ногу и тонкие фланелевые брюки.

Тем не менее я подходил к ближнему лесу невредимый, хотя и увешанный наподобие новогодней елки самыми разнокалиберными сачками и ящичками. В конце концов я обнаружил Нгва на невысоком деревце папайи. Пришлось отчитать его за трусость, особенно распространяясь о том, что, ежели африканцы и вправду хотят стать властелинами мира, не мешало бы им поучиться спокойствию и невозмутимости у флегматичных северян. Как оказалось впоследствии, глупее этой нотации я ничего не мог выдумать: Нгва поступил в этих обстоятельствах весьма логично и разумно.

Завершив свои дела в Мамфе, мы спокойно возвращались в лагерь и попутно ловили древесных лягушек. Нгва снова вскарабкался — на этот раз за лягушками — на дерево папайи, а я лениво ковырялся в лесной подстилке.

Совершенно неожиданно ногу обожгла адская боль, будто кожу пронзил раскаленный дротик. Я словно одержимый схватился за больное место и тут же вновь

подскочил как ужаленный — в левое бедро впилося еще что-то. Через мгновение я извивался в неопи- сываемых мучениях — все тело язвили и жгли новые стрелы.

Срывая с себя одежду, развенчанный образчик стой- кости «белого» человека оказался в унижительном по- ложении: я взывал во весь голос к своему спутнику- африканцу, подобно грешной душе, из бездн чисти- лища призывающей на помощь ангелов. Помощь яви- лась в лице Нгва, который сначала немилосердно обшлепал всего меня своими залубенелыми ладонями, а потом стал отдирать ногтями бесчисленных осатанев- ших муравьев, намертво вцепившихся в мое бледное тело. Какое это, наверное, было жалкое зрелище — подставленное ярким лучам солнца тощее бесцветное тело, похожее на громадную белую личинку, неожи- данно выброшенную лопатой из-под земли.

Муравьи в тропических лесах — вездесущая на- пасть. Там пропасть разнообразнейших форм, от кро- хотных красненьких до колоссальных черных бестий размером с осу со светящимся, переливчатым брюшком цвета старого золота. Все они свирепо кусаются, а у крупных видов вдобавок есть еще и жало, как у шер- шней. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь из нас не наступил на муравейник, зазевавшись и задрав голову к кронам деревьев. Откуда ни возьмись в вас что-то впивается, и тут уж — всему конец. Вы обращаетесь в беспорядочное бегство, срывая одежду и лихорадочно сбивая с себя беспощадных мучителей. Они же безмолв- но идут на приступ, иногда успевая добраться до высоты груди. Мне случалось вытряхивать их из волос — на- столько молниеносны их атаки. Иногда мы часами ло- вили их, вывернув наизнанку одежду. Позже я расска- жу о самом ужасном столкновении с их ордами,— по-

жалуй, ни разу за все путешествие нам не приходилось так плохо.

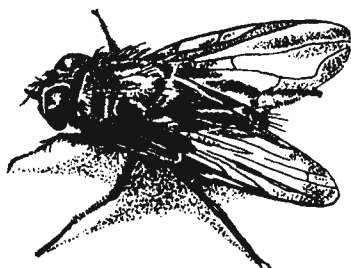
Как-то мы два дня проблуждали в лесу. Голодные и измученные, мы брели по ночному лесу, натываясь на деревья, увязая в болотах, карабкаясь на отвесные обрывы. Почти потеряв надежду когда-нибудь вырваться из этой зеленой могилы, я послал уже знакомого вам Нгва на дерево поискать сверху какие-нибудь ориентиры.

Он ловко взобрался по стволу и скрылся в листве, а мы, надеясь на лучшее, ждали внизу. Проходила минута за минутой — уж не вскарабкался ли он до самого неба? Вдруг, с нарастающим воем, он, скользя, падая, кувыряясь и отчаянно цепляясь за сучья, свалился вниз. Приземлился с гулким стуком, но, к нашему удивлению, тут же вскочил как встрепанный и принялся срывать с себя свое нехитрое одеяние. Оказывается, он уселся прямо в гнездо древесных муравьев, хотя, судя по его виду, можно было подумать, что на него набросился разъяренный леопард.

Эти древесные муравьи были громадные и черные, а есть еще маленькие, бурые. Однажды мы растянули палатку на небольшой полянке в лесу; наши койки были завешены противомоскитными сетками. Утром, пока я мирно спал, Джорджа разбудил непрерывный звук, похожий на весеннюю капель. Оказалось, что мелкие муравьи, муравьиные личинки и муравьиные яйца непрерывной струйкой стекают прямо на его противомоскитную сетку. Он выбрался из постели и стал громко звать на помощь, одновременно высматривая источник извержения. И тут же увидел, что это сухое дерево, нависшее над нашим лагерем. Один сук с прогнившей сердцевинкой тянулся как раз над палаткой: из него-то, как из рога изобилия, и сыпались муравьи со всем своим потомством — не иначе как целый муравьиный на-

род решил переселиться. Потрясенный наглостью насекомых, Джордж приказал рубить дерево, но земля уже была покрыта живым ковром из муравьев.

— Как быть, что делать? — спросил Джордж взбудораженных африканцев.

Среди них оказался человек, который нашел выход из положения. Принесли несколько кур, к их лапкам на длинных бечевках привязали по небольшому бревнышку, и к тому времени, как я проснулся, куры с деловитым кудактаньем уничтожили всех муравьев до последнего и даже пытались найти еще что-нибудь съедобное, причем вид у них был отсутствующий, как это вообще свойственно пернатым.

Очень многие говорили мне, что никогда не поедут в тропики, потому что терпеть не могут насекомых. И прекрасно, что они так решили, — иначе они бы непременно спятили. Муравьи — пытка, которой еще можно избежать, но есть и другие страсти, от которых спасения не найти.

В глубине леса водятся обычные мучители — комары, цеце, золотоглазники и прочие мухи, но в отличие от других мест не они главный источник неудобств. Здесь водится племя крылатых бесов, которые причиняют великие мучения, хотя и не вечные муки.

У нас в умеренных широтах есть мрачное буроватое существо, называемое, более или менее точно, слепнем. Случается, что насекомое садится на какого-нибудь резвящегося в воде пловца и здорово жалит его. Голый пловец может счесть это неоправданной вольностью, но

вскоре забывает обиду. В тропических лесах Африки родичи слепня летают целыми legionами. Рекорды по живому весу то и дело побивал новый гость — на полотнище палатки, нагретое солнцем, или на рукав каждое мгновение приземляется откуда ни возьмись какой-нибудь гигант!

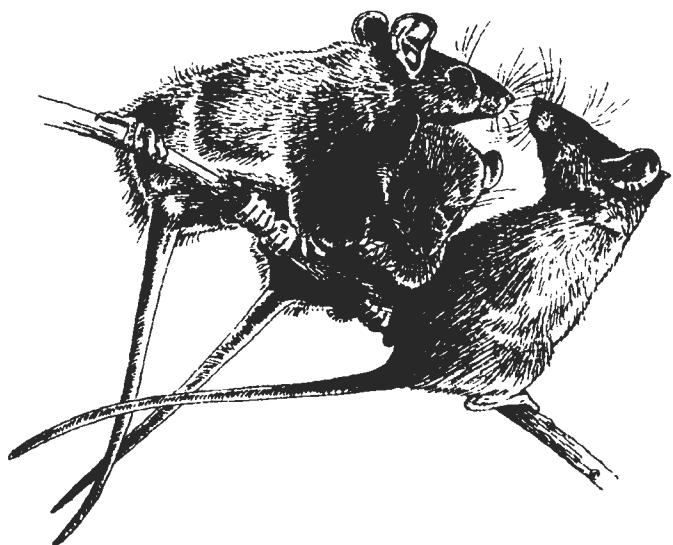
Но в конце концов появился обладатель абсолютного рекорда. Было это так. Как-то вечером Басси бегом влетел в лагерь именно тогда, когда мы потягивали из стаканов слабый чай, и возвестил, что он видел двух маленьких лемуров (*Galago demidovi*) — они влезли на стоящие возле лагеря невысокие деревья. Мы и в Африку приехали главным образом ради этих лемуров, поэтому схватили ружья и побежали за ним, преисполненные надежд. Ловкие существа размером с мелкую крысу забрались в густолистные кроны. Чтобы увидеть их, мы заняли позиции в нескольких ярдах друг от друга и замерли, ожидая, когда добычу выдаст шорох и движение листвы.

Несколько минут я не сводил глаз с дерева, потом, чтобы немного передохнуть, перевел взгляд на Джорджа и увидел, что он манит меня к себе. Я осторожно подкрался поближе, и тут на его брюках, пониже спины, возникло нечто сантиметров пяти длиной.

Прежде чем я успел рассмотреть, что это за зверь, и предупредить Джорджа, тот буквально взвился в воздух. Прогремел выстрел сразу из обоих стволов, и ружье полетело в одну сторону, а его обычно невозмутимый владелец — в другую. Дробь хлестнула по листве над нашими головами; ружье, описав параболу, воткнулось стволами глубоко в землю, а мой глубокоуважаемый коллега перелетел вперед и вверх на несколько футов. Он приземлился, держась обеими руками за «пораженное место», как принято писать на аптечных этикетках.

Когда же удалось наконец уговорить его убрать руки, мы рассмотрели останки супостата и определили, что это громаднейший слепень, вооруженный настоящим «копьем». Как оказалось, это оружие и пронзило брюки бедного Джорджа и то, что они прикрывали, причем с такой молниеносной точностью, о какой никто из нас даже не имел представления.

Глава пятая **КРЫСЫ И ЛЕСНЫЕ ЛЯГУШКИ**

Интересный факт, который трудно укладывается в голову: оказывается, что если весь род человеческий, населяющий землю, поставить плотно сомкнутым строем в затылок друг другу, то он займет всего половину острова Уайт¹. Как властелины земли, мы полагаем, что нам нет равных ни в качественном, ни в количественном отношении. И это в то время, когда рядом с нами, вокруг нас, среди нас и зачастую под нами существует подпольная армия иного, хотя и не столь уж непохожего на нас рода, которая неизмеримо превосходит человечество как по численности, так и по общей массе. Они тоже млекопитающие, как и мы.

¹ Принадлежащий Великобритании остров в проливе Ла-Манш.

Это скрытое «население» земли — неисчислимые орды крыс, которые расплодились и заполнили все уголки земного шара. Есть ли где-нибудь люди или нет — а уж крысы там непременно живут и процветают. Ни безлюдные просторы арктических широт, ни безводные пустыни тропиков не защищены от этого скребущего, подкапывающегося народца. Если подсчитать, сколько крыс займут место одного человека, учитывая, что человек длиннее по вертикали, а крыса — по горизонтали, и провести подсчет крыс на участках, заселенных человеком, а затем и на необитаемых (цифры получатся поистине астрономические), то окажется, что эти наши «сожители» не только займут оставшуюся половину острова Уайт, но и хлынут в Европу, заполнив ее на много миль вглубь.

Где же все эти крысы? Ответ простой — везде и повсюду. Газ и бомбы убивают и крыс, но не с такой легкостью, как людей, а там, где люди истреблены, крысы благоденствуют. Покиньте любое место — и крысы вступают во владение после вас. Если газовой бомбой погубить одного фермера вместе с чадами и домочадцами, то тут же на смену им явится некий крысиный патриарх с ежемесячным прибавлением семейства в дюжину здоровых потомков, которые уже через несколько недель готовы следовать примеру родителей, плодясь и размножаясь.

Может статься, что в одно прекрасное утро мы проснемся в мире, пораженном загадочной напастью, как это было с жителями Лаккадивских островов. Некогда они со свойственным нашему виду напыщенным самодовольством господствовали на своем маленьком архипелаге в Индийском океане. А ныне каждый житель острова мужского пола обязан являться дважды в неделю, бросая любые дела, на всеобщую облаву на крыс — иначе будут подчистую уничтожены и те ос-

татки быстро тающих пищевых припасов, на которые крысы уже точат зубы. Притом они плодятся и размножаются в невероятном количестве.

По лесам и полям, по долинам и болотам снуют неисчислимые орды крыс — жрущих, плодящихся, пожираемых. По крайней мере, таков был мир до пришествия высшего животного, называемого «человек», который воображает, что он в силах тягаться с природой, вырубая и выкорчевывая леса, осушая болота, распахиывая поля. Я уже говорил о результатах сведения лесов в тех местах, куда вторгнулся человек. Один из примеров — станция Мамфе, наводненная ордами желто-пятнистых крыс-аборигенов, где их черные собратья — пришельцы из других районов мира — подыхали под балками дома. Бесчисленные четвероногие обитатели сновали по окрестным плантациям, повизгивая, топая, вереща в своей неугомонной суете. Заглянуть в ничем не потревоженную жизнь крыс в лесах — гораздо более сложная задача.

Необозримые пространства нетронутых тропических лесов похожи на колоссальный собор, чьи своды опираются на мириады высочайших колонн. Среди гладких древесных стволов разросся второй ярус — висячий сад из широколиственных растений, который прикрывает сумрачный мир опавшей листвы и переплетенных ползучих лиан. Напоенный влагой воздух и горячее солнце непрерывно вызывают к жизни из колышущейся массы зелени все новые бутоны, цветы, плоды. Плоды падают в сумрак лесного дна нескончаемым каскадом, полным сладкого сока и благоухания. Кое-где вся земля круглый год устлана ковром сочных, ароматных плодов, словно манной небесной, их изобилие и разнообразие просто поразительны.

Каждую ночь всюду падалицу подбирает множество жадных маленьких ртов. Крысы стекаются отовсюду —

из зарослей подроста, из древесных крон, из малых и больших нор. Гигантские жирные крысы, тонкие долго-вязые, прыгающие на длинных лапах, как кенгуру, крысы обыкновенные, ничем не примечательные, и маленькие хрупкие создания. Можете каждую ночь ставить ловушки, наживленные самыми пахучими и лакомыми кусочками, на их тропинках, среди упавших плодов, возле нор или рядом с кучками помета, и за многие ночи лишь один какой-нибудь крысинный недотепа остановится понюхать тщательно приготовленную наживку и распрощаться с жизнью, оставив вам в награду свое брненное тело. Легионы же проходят мимо — как это делали с незапамятных времен их предки — и направляются к тем грудам пищи, которые приготовила сама природа.

Попадались иногда одна, иногда несколько крыс за всю ночь, а чаще всего ни одна не поддавалась соблазну отведать нашей приманки. Часто труп оказывался почти без остатка съеденным товарками, еще чаще — муравьями, но мало-помалу мы накопили материал, подтверждающий наши наблюдения.

Я лежал, затаившись в хаосе зелени, которую увлекло своим падением большое дерево, чтобы самому глазами увидеть в странном вечернем свете жизнь загадочного потаенного мира. Еще не успело стемнеть, как мое терпение было вознаграждено зрелищем, окончательно разбившим все прежние представления о гармонии жизни.

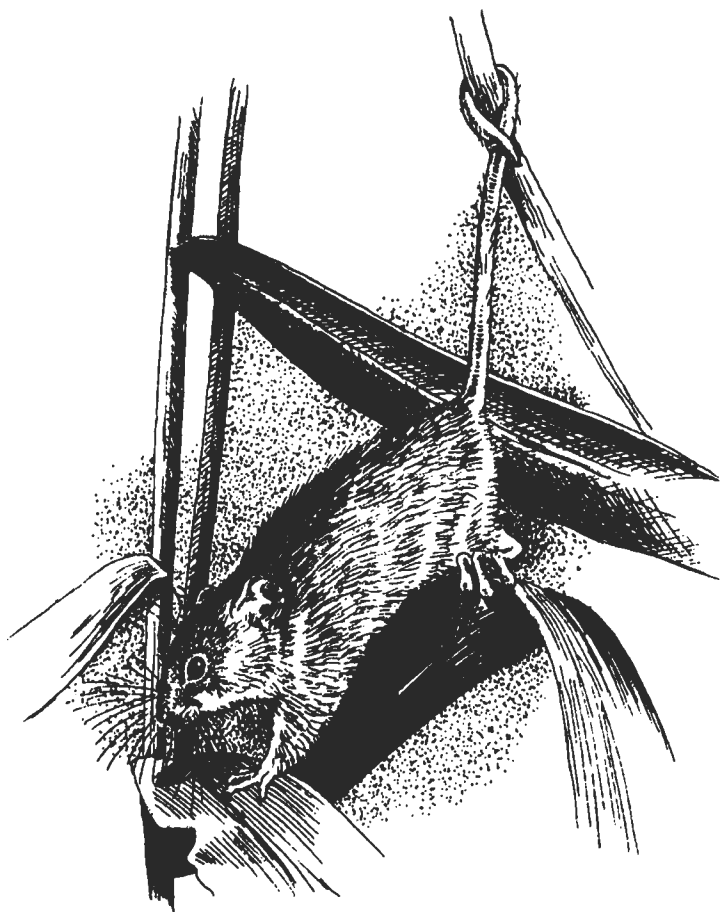
С наблюдательного пункта, где меня никто не видел и не чуял, открывалось широкое пространство обнаженного лесного дна, начинавшегося от ручейка, полузадушенного массой пышной растительности, и глиняного обрыва за ним до площадки, сплошь усыпанной недавно упавшими плодами. Я устроился в своей засаде после половины четвертого, приготовившись к тому, что мне

придется ждать часа два, и надеясь притерпеться к укусам муравьев и прочих насекомых, а заодно, может быть, мельком увидеть обезьян, диких кошек или живность покрупнее. Но я ошибся в расчетах. Как только я затих, полоски бурого и рыжего цвета замелькали среди листвы и корней.

Через полчаса лесная жизнь потекла по-прежнему, а обо мне окончательно забыли. Отовсюду стали выскакивать юркие коричневые существа — они носились туда-сюда, совали носы в ямки, привлечшие их внимание, садились столбиком и принимались терли рыльца маленькими кулачками и затевали возню, как ребяташки, подражающие взрослым борцам.

Лежа в своем убежище, которое уже кишело муравьями, я вдруг стал молиться — раньше я и понятия не имел о том, что это такое, а впоследствии мне ни разу не удалось вернуть это состояние. Я молился неведомо кому. Человек религиозный, без сомнения, адресовался бы к своему христианскому, буддистскому или магометанскому богу — всемогущему, прекрасному и преисполненному святости, но я, к счастью или к несчастью, правильно или по ошибке, создан как-то иначе. Моя молитва была обращена ко всем людям и причинам, которые дали мне возможность видеть то, что я вижу, ко всем бессмертным силам и стечениям обстоятельств, создавшим эту сиюминутную жизнь, которая разворачивалась перед моими глазами в торжественной, не поддающейся описанию красоте. Я горячо благодарил за то, что мне дарована возможность видеть своими глазами все это совершенство, прежде чем своекорыстная, склочная алчность нашего рода сотрет его с лица земли, норовя урвать побольше места для своего организованного, не знающего счастья убожества.

Передо мной возник мир столь совершенный, столь неподвластный времени, столь очаровательно изыскан-

ный, что все внутри у меня сжалось, словно готовясь разрешиться рыданиями, болью, радостным смехом. Никто, кроме вас, не знает, что вы чувствуете, когда видите маленькое, беспомощное существо, такое прелестное, нежное и трогательное, что вам хочется прижать его к себе, осыпать ласками и никогда не выпускать

из объятий. В этом чувстве — секрет очарования диснеевских зверюшек, основа материнской любви и глубинная суть симпатии и сострадания.

Надо мной громоздился во всей своей необъятности первобытный лес, сквозь который просачивался золотой солнечный свет, как и в ту пору, когда жизнь впервые затеплилась на Земле. Внизу простирался мир фантастически переплетенной листвы и корней, извитых как жилы ползучих лиан. А во чреве этого лесного колосса топотали шуршащие лапки крохотных крыс, пушистых белочек, чешуйчатых ящериц и бесчисленных пичуг. Свободных, привольно живущих в бесконечном изобилии своих маленьких жизней.

Все это я увидел, лежа в своем укрытии. Деомисы, длинноногие мыши, проскакивали мимо меня парами на длинных задних лапах, словно на пружинках — гладкая оранжевая шкурка так и светится в рассеянном свете, белое брюшко ослепительно, как снег. Комочки красноватого меха выныривали то там то сям из зарослей, а временами они появлялись на открытых песчано-илистых отмелях, опираясь на светлые ножки-ходули и голые хвостики. У болотной крысы (*Malacomys*) с наступлением сумерек полно дел: надо порыскать в поисках подходящих кормовых угодий, почистить густую мохнатую шерстку, распушить предлинные ушки, людей посмотреть да себя показать.

Никогда раньше, до тех пор пока перед моими глазами не заиграл калейдоскоп маленьких жизней, я не подозревал, что крысы так общительны и так любят поболтать. Представители каждого вида, встречаясь с себе подобными, нескончаемо перенюхивались и перефыркивались, гонялись друг за другом, играли, резвились и дружно принимались рыться среди корней. Представители разных видов при встрече или расходились сразу, или вставали столбиком, прижав крохотные ку-

лачки к груди в боксерской стойке; пригнувшись, они глядели на чужака сквозь веер трепещущих усиков. Подчас обе разом шлепались на растопыренные ладошки и, стоя на четвереньках, глядели исподлобья, как старый конторский писарь поверх очков. В этом миниатюрном мире, казалось, никто никого не обижал.

Четверка маленьких красновато-бурых мышей *Hylomyschus stella* собралась вокруг участка листовенного перегноя почти напротив моей засады. Две из них играли некоторое время около этого места, и уже почти стемнело, когда к ним присоединились товарки — одна, за ней другая. Я осторожно переместил свой бинокль, и вся сцена оказалась передо мной как на ладони. Они вели себя точно так же, как и все здешние крысы и мыши.

Вначале они скакали и носились, кувыркались, заглядывали под листья, внезапно прыгали в сторону и тут же усаживались, поводя ушками и энергично умывая рыльца. Потом, как видно посоветовавшись, приступили к систематическим раскопкам, углубляясь в листву у основания громадного корня-контрфорса. Работали они почти методически, расчищая залежи листвы и извлекая на свет несметное количество жуков и прочих насекомых, которых тут же с аппетитом поедали. Крупные копошащиеся жуки размером с нашего майского жука могут оказать серьезное сопротивление с помощью шестерки сильных шиповатых ножек, и крысы изобрели удивительно практичный способ обращения с ними. Усевшись столбиком, они начинали крутить жука передними лапками, точь-в-точь как цирковой клоун, который пытается удержать в руках хрупкий предмет, делая вид, что вот-вот его уронит. Насекомому никак не удастся зацепить своего супостата, а тот, не теряя времени, отхватывает между тем от него по кусочку.

Так мы открыли тайну происхождения многочисленных мелких кучек, состоящих из надкрылий, ножек и других останков насекомых.

Когда стало слишком темно и мне уже было трудно разглядеть моих маленьких друзей, я выбрался из засады одеревеневший и весь искусанный, но за свои мучения был вознагражден самым прекрасным из всех фильмов о природе, какие мне посчастливилось увидеть за всю жизнь.

Африка настолько не похожа на Европу или Северную Америку, а тропики так разительно отличаются от умеренной зоны, что даже в наши дни скоростных перелетов путешественнику надо прощать склонность к бесконечным сопоставлениям. Может быть, несколько менее простительно стремление подчеркнуть несходство маленькой вселенной, которую природа упрятала в глубину девственных лесов, с остальными частями тропического мира в целом.

С полудня лил проливной дождь, и все мы сгруппировались в палатке площадью девять на семь футов, куда были втиснуты большой стол, две раскладушки, ящики, лампы, каталоги и еще тысяча и одна вещь. После захода солнца (и скромного ужина) мы не покладая рук измеряли, рассматривали и заносили в каталоги нашу дневную добычу. Бесконечная дробь дождя по туго натянутому тенту только временами уступала оглушительным взрывам джаза из граммофона. Мы сидели в духоте и, храня полное молчание, целиком погрузились в работу.

Я положил перо, откинулся назад и потянулся, чтобы размять ноги. Потом резко выпрямился и воззрился на свое правое колено. На нем сидела оранжевая с зеленым лягушка, увенчанная парой громадных жемчужных шаров, и выдувала мне в лицо бледно-голубые пузыри. Мы долго пристально смотрели друг на друга, и

я почти совсем овладел собой, как вдруг нежданная гостья начала потихоньку переползать вперед, еще более энергично раздувая бледно-голубые пузыри.

Я протянул руку и схватил лягушку, но она по-прежнему цеплялась за брюки, хотя из моего кулака торчали только четыре растопыренные лапки. Пришлось слегка дернуть, чтобы отцепить ее, и, как только я протянул нашу желанную добычу Джорджу, она тут же сомкнула свои костлявые пальчики на его руке. Каждый палец заканчивался круглой подушечкой, поверхность которой была исчерчена бесчисленными мелкими ребрышками и действовала как сильная присоска. Рассмотрев эту необычную хватающую лягушку (*Cheiromantis rufescens*) во всех подробностях, мы обнаружили, что все ее косточки, а также полость рта и

желудка были ярко-синего, как павлинье перо, цвета, будто нарисованы несмываемыми чернилами. Синева просвечивала через тонкую белую кожицу брюшка и придавала бледно-голубой оттенок пузырям, выдуваемым лягушкой в ярком свете ламп.

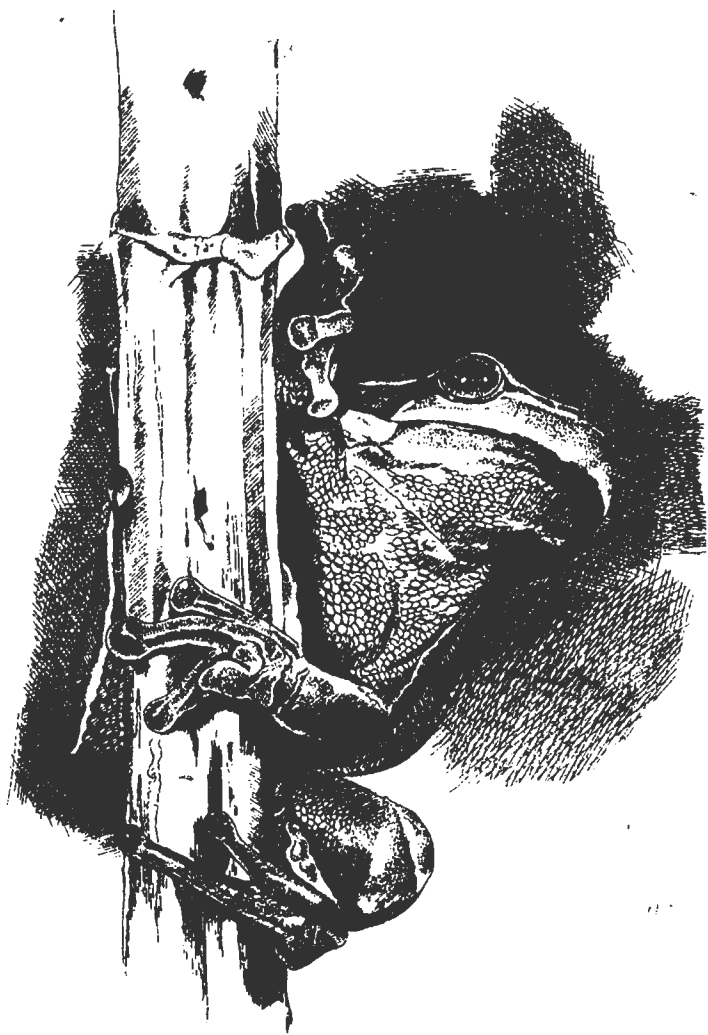
Мы незамедлительно потребовали сосуд для помещения нашей пленницы. Но не успели мы отдать приказ, как на нас посыпался целый зверинец из лягушек — всех размеров, форм и расцветок. Вместо обычного ответного крика с нашего «кубрика» (обители нашего персонала) в ночи прозвучал полнозвучный, подлинно африканский рев. Снаружи раздался топот, и явился Фауги с фонарем.

— Хозяин, хозяин! Там кругом одни лягушки!

И началось. Дождь перестал, а вся земля сплошь кишела лягушками. Расписные крепыши спустились с деревьев, медлительные толстяки вылезли из-под земли, стада разной прыгающей мелочи взялись неведомо откуда. Мы все принялись ловить их, кто сколько сможет. Всего изловили более девяноста штук, и число разных форм оказалось баснословным.

В лесу лягушки были повсюду. Некоторые обитали в листве на самых высоких вершинах, никогда не спускаясь на землю, — икринки они откладывали, строя из слепленных листьев искусственные бассейны, куда набиралась дождевая вода. Другие, как мы обнаружили, жили на невысоких деревьях и ежегодно совершали далекие переходы к местам размножения. Одни виды обитали исключительно под землей, другие жили в воде. Но основная масса бродила по земле под пологом леса, прячась в опавшей листве и после каждого дождя дружно вылезая на поверхность. Их разнообразию не было предела.

Обыскивая кустарник возле ручья, я наткнулся на прелестную рубиново-красную лягушку. Она прильнула

к тонкому прутику, не толще себя самой, прижав плотно к бокам все четыре лапки. Я взял ее в горсть левой рукой и поднял, но она не двигалась, словно мертвая. Сначала одна, потом другая лапка прилепилась к пруту. И только после того, как я пальцами правой руки отлепил каждую лапку по отдельности, лягушка проявила признаки жизни. Она начала отчаянно барахтаться, и я не без труда засунул ее в стеклянную банку. Оказавшись в банке, она, аккуратно сложив лапки, прилепилась к вертикальной стенке, да так крепко, что мне не удавалось ее стряхнуть. На задней поверхности каждого бедра у нее помещалась железа, похожая на подушечку, которая, очевидно, служила липким якорем. У лягушки нет обычного имени — настолько она редка. Она называется *Petropedetes newtoni*.

Продвигаясь среди зеленой массы, всего через несколько футов я безнадежно запутался в тонких лианах. Пока я оттуда вырубался, на меня сверху свалилась небольшая зеленая веточка. На листке, который опустился прямо на кончик моего носа, сидела, растопырив лапки, необыкновенно красивая крохотная лягушечка ярчайшего зеленого цвета, какой только можно себе представить. Все ее тельце блестело, как покрытый тончайшей глазурью фарфор, и только громадные глаза выделялись двумя перламутровыми полусферами. В тех местах, где я прикоснулся к животному, переправляя его в коллекторскую банку, непрочный зеленый цвет оказался стертым, как будто я содрал кожицу.

Оказывается, окраска этой лягушки (*Leptopeltis brevistrls*) всецело зависит от преломления света, отраженного сквозь слизистый верхний слой кожи более глубокими ее слоями. Когда лягушку трогают и кожа сжимается, коэффициент преломления меняется, и возникают уродливые бурые пятна. Попав в большую клетку с прочими своими собратьями, собранными в лесу, она

снова приобрела вид безукоризненно гладкой фарфоровой игрушки зеленого цвета, который настолько идеально маскировал ее среди набросанной в клетку листвы, что обнаружить ее там было совершенно невозможно. Когда мы стали обыскивать клетку, то потратили четверть часа на поиски полдюжины лягушек, хотя прятались они на пространстве всего в девять кубических футов.

Эти лягушки держались за колышущиеся листья при помощи присосок на кончиках пальцев, а вот *Rana albolabris*, пойманная в каком-нибудь метре от них, принадлежала к совершенно иному типу. Она умудрялась удерживаться на ненадежной тоненькой веточке при помощи диковинных Т-образных окончаний на пальцах лапок. Она была тоже зеленая, только более темного оттенка, и переливающаяся: при различном освещении отливала голубым и желтым. Эта поразительная лягушка всегда отдыхала, подвесившись кверху лапками и откинув головку, так что ее нос был направлен к земле.

Возвращаясь в тот же день обратно в лагерь, я открыл еще один метод, каким лягушка удерживается в самом, казалось бы, неудобном положении. На верхушке молодого деревца шевелилось какое-то мелкое существо, которое я принял было за жука. При ближайшем рассмотрении это оказалась малюсенькая лягушонка, беспомощно увязшая, как мне показалось, в чем-то вроде четырех небольших лужиц густого апельсинового желе. Так как она, казалось, не в силах была сама освободиться, я оторвал лист целиком и слез на землю, чтобы рассмотреть лягушку повнимательнее. Когда я спустился, лягушка вместе со своими четырьмя комками апельсинового желе сорвалась с места, небольшими резкими перебежками перебралась через край листа, по

его нижней стороне перелезла на мою руку и двинулась дальше, вверх по предплечью.

В жизни не видел ничего столь нелепого, как эта лягушонка в непомерно больших оранжевых бутсах, бегающая как насекомое. Она была очень мала — меньше двух сантиметров, а поскольку темно, я не успел разглядеть, как она выполняет этот трюк, сунул ее в бутылку и заспешил домой.

В тот вечер все обитатели лагеря развлекались уморительным зрелищем. Мы выпустили крохотную лягушку на ярко освещенный лампами стол и рассматривали ее движения через большую лупу. Все ее ужимки были невероятно смешны. Вначале она с препотешным выражением принялась подмигивать одним глазом, словно хвативший лишнего старый пройдоха. Походка у нее оказалась старательная, неровная, с запинкой, как будто ее оранжевые бутсы налиты свинцом, а маленькая головка при этом качалась взад-вперед, как у курицы-наседки. Ножки у нее были тоненькие, как булавки, и прыгать она ни за что не смогла бы. Но самыми замечательными были, конечно, лапки, обрамленные желеобразной бахромой кожицы и подбитые снизу полдюжиной подушечек из вздувшейся кожи, напоминающих миниатюрные сосиски. И каждый «ботинок» — больше ее собственной головки!

Эта лазающая ночная жаба Бейтса (*Nectophryne batesi*) обитает на деревьях. Ее первооткрыватель, английский ученый Г. Л. Бейтс, который открыл большую часть величайших тайн африканской природы, нашел самца лягушки, высиживавшего кладку икринок — они были отложены в небольшую чашу, образованную аккуратно сшитыми на весу двумя листками.

У этой жабы есть близкая родственница — *Nectophryne abra*, которую мы нашли среди высоких водяных растений только в одном недоступном уголке ле-

са. Она ярко-белой с черным расцветки, но лапки у нее тоже оранжевые и обрамлены «желе». Ведет она себя не менее смехотворно.

Так за один день мы собрали четырех лягушек, пользующихся совершенно разными методами, чтобы удержаться в древесных кронах. Мы нашли еще и сотни других, у которых было не меньше способов цепляться за жизнь в совершенно различных условиях местообитания.

В Англии лягушечье царство ограничивается прудами да канавами. Как не похож на нее мир африканских тропических лесов!

Глава шестая

КРУПНАЯ ДИЧЬ (БУЙВОЛЫ И АНТИЛОПЫ). СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА ПОД УПАВШИМИ СТВОЛАМИ. МАЛЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОШАЧЬЕГО РОДА

Сумеете ли вы провести трехтонный танк через любой лес так, чтобы ни одна веточка не хрустнула? Думаю, что это вам не удастся ни при каких обстоятельствах. Но всем нам хорошо знакомо животное, для которого это пара пустяков. Такое животное — слон, и весит он частенько куда больше трех тонн.

Как так получается, никто до сих пор толком не знает, но у слона должны быть особые приемы, потому что когда он нападает или убегает, не таясь, то поднимает такой несусветный тарарам, что его надо слышать собственными ушами, чтобы поверить. В охот-

ничьих угодах деревни Бакабе я наткнулся на след нескольких слонов. Они свалили и повывали с корнями почти все деревья на небольшой плантации и ушли, должно быть, в тот момент, когда мы выходили на вырубку, — вода все еще стекала струйками в громадные круглые следы их ног. И мы не слышали ни звука, хотя бегом бросились в лес следом за ними.

На фотографиях слоны чаще всего стоят среди высокой травы, возле рек или в более или менее открытой саванне. Эти фотографии сделаны в Восточной Африке и вводят в грубейшее заблуждение. В Западной Африке слонов редко увидишь в такой местности; собственно говоря, их вообще редко приходится видеть, хотя их там очень много, особенно в районе Мамфе. Гиганты обитают в глубине лесов нагорий и в густых вечнозеленых лесах. Взглянув на тот или другой лес, вы ни за что не подумаете, что там могут скрываться слоны; листва по большей части находится вне пределов досягаемости даже для слонов, а земля сплошь опутана лианами толщиной от бечевки до обхвата человеческого туловища.

В лесу скрываются многие другие животные, и большие и малые. До сих пор я упоминал только тех из них, на которых мы натыкались почти случайно, но были и другие, которых нам приходилось выслеживать. Одно из них — буйвол.

Я поддался уговорам сурового старого охотника и отправился на поиски этих коварных и опасных животных. Но без энтузиазма — по целому ряду причин, в том числе потому, что меня абсолютно не интересует так называемая крупная дичь. Мне пришлось глубоко раскаяться в своем слабоволии, но причины тому были иные.

Мы вышли из деревни на рассвете, и охотник (насколько мне удалось разобрать, его звали Эантдуду) нес невероятных размеров старинное ружье, абсолютно бес-

полезное при нападении буйвола, а я — винтовку, оружие, которого я опасаясь и недолюбливаю главным образом потому, что не очень-то уверенно с ним обращаюсь. Мы направились к северу сквозь невысокую густую поросль с неизменной скоростью — четыре мили в час. В полдень мы все еще шли, теперь уже на запад, и я начал подозревать, что со мной сыграли одну из самых обычных африканских шуточек. Африканцы прекрасно знают пристрастие англичанина к спорту и пешим походам и, объявив, что выведут спортсмена на дичь, просто таскают его по лесу день-деньской — посмотрим, дескать, на что ты способен, — отнюдь не собираясь даже близко подходить к местам, где водится дичь.

Тем не менее часа в два мы оказались в непосредственной близости от крупной дичи. Старик Эантдуду пришел в величайшее возбуждение — он то вытягивался в струнку, то нырял под кусты, вынюхивал что-то в воздухе, на земле и в зарослях, разыскал кучи навоза и целую сеть следов, ползал, извиваясь, на животе и бегал без устали кругами, а я — за ним.

Внезапно впереди раздался оглушительный треск, и было слышно, как множество тяжелых туш с шумом ломятся через чащу, убегая от нас. Потом все ненадолго затихло, как вдруг что-то с треском пронеслось мимо. Мы упали на колени, пытаясь заглянуть под кроны низеньких деревьев, но ничего не увидели. Тут за нашими спинами прогремел выстрел, и Эантдуду подскочил — я решил, что пуля угодила в него. Мы бросились вперед.

Выбежав на маленькую полянку, мы увидели четверку совершенно голых охотников, стоявших вокруг крохотной мертвой антилопы-дукера. Этого мой друг уже не выдержал. Его проклятия потрясли лесные дебри и, очевидно, голых охотников, так как они более или менее потеряли дар речи, что отнюдь не свойственно африканским охотникам. (Постепенно я сообразил, что

они браконьерствуют в охотничьих угодьях родной деревни Эантдуду.)

Все это только ухудшило положение, так как мой ветеран не желал сдаваться. Он заявил, что надо поискать дичь в другом месте,— как оказалось, примерно на таком же расстоянии от деревни, только уже не на северо-запад, а на юго-восток. К несчастью, я понял это слишком поздно. Когда мы вернулись в деревню,— естественно, без единого буйвола — мне уже ни до чего не было дела. Примерно неделю я приходил в себя после нашей прогулки, и как раз тогда мы добыли «буйвола» (по крайней мере мне кажется, что это можно назвать буйволом).

Несколько дней спустя, уже под вечер, мы спокойно работали, как вдруг где-то за домом поднялся чудовищный шум. Рев и треск двигались к дому с невероятной скоростью, и, прежде чем мы успели выйти и спросить, в чем дело, весь персонал ворвался в дом. Мы жили в большой мазанке из камыша с глиной, слегка приподнятой на земляной насыпи; позади нее рядом стояли небольшие домики, где помещалась кухня и жили наши помощники. И вот в комнату с диким воем ввалился повар Айюк, с головы до ног облепленный комками вареного риса и кусками цыпленка в соусе из красного перца.

— Помоги, помоги, хозяин! — вопил он.— Лесная корова (буйвол) ходи задом сквозь стенку кухни, гуляй по огонь, обед пропади совсем!

— Сам вижу! — заорал я в ответ.— Давай бери ружье, живо!..

Были принесены ружья и фонари, и мы осторожно стали обходить вокруг дома. Шум удалялся от кухни вниз по пологому склону, расчищенному от леса и засаженному небольшими кустиками перца. Луч фонаря, почти потерявшийся на расстоянии, выхватил из тем-

ноты двух крупных животных с опущенными к земле головами, бодающих друг друга.

— Ага! Большой мясо дерется, это мясо много сильный!

Я передал винтовку Джорджу.

— Бога ради, бей наповал,— сказал я,— пока они не бросились крушить наши владения.

Дрожащей рукой я направил фонарь, а Джордж тщательно прицелился и выстрелил. Раздался душераздирающий рев, и оба животных пропали из виду. В наступившей тишине мы услышали топот убежавшего в соседний лес буйвола.

— А, хозяин стреляй много хорошо!

«Хозяин стреляй хорошо» — что правда, то правда; со всех сторон несло «Хозяин» с присовокуплением похвал! Все это вполне заслуженно, ибо Джорджу никогда не изменяла твердость руки.

Мы собрались с духом, взяли фонари и целый арсенал оружия (раненая «лесная корова» — самое опасное животное) и осторожно двинулись вниз по склону. Туши нигде не было видно, и мы стали поминутно оглядываться, ожидая внезапного нападения. Затем вышли к обочине глубокой канавы и направили туда свет своих фонарей.

И что же предстало нашим глазам? Там лежала упитанная маленькая домашняя коровенка, воздев к небу все четыре коротенькие ножки, прямые и негнущиеся, как у чучела, выброшенного из стеклянной витрины.

Преднамеренное убийство любимой коровы местного жителя могло вызвать бесконечные осложнения: корова в Африке — то же самое, что у нас «роллс-ройс». Однако на сей раз обошлось без неприятностей, потому что владелец жил в другой деревне, а не в той, где мы квартировали, и не сумел убедительно объяснить, что именно его «мясо» делало на чужой территории. Я так

представил дело вождям обеих деревень: уж если человек пускает своих коров вытаптывать у соседей посадки перца и губить обед их гостей заодно со всей кухонной утварью, то пусть он и несет наказание.

Однако выпутаться нам все же не удалось. Оба вождя парировали мои аргументы, заметив, что, раз уж мы так умело прогоняем ночных мародеров, почему бы нам не помочь немного в охране других посевов. Как оказалось, значительную часть урожая каждую ночь уничтожают какие-то большие прожорливые животные. Вожди поставили вопрос таким образом, что нам ничего иного не оставалось, как согласиться оказать требуемую помощь. Мы пообещали засесть в засаду до темноты в том месте, где незванные гости выходили из близлежащего леса.

Однако мы не дождались ничего, кроме полчищ изголодавшихся комаров, а так как я сильно подозревал, что только ради этого деревенские жители и организовали нашу засаду, больше мы на эту тему не заговаривали. Но я все же чувствовал, что нет дыма без огня, поэтому взял на себя обязанность каждый вечер выходить в лес, примыкающий к полям. Не прошло и трех дней, как я наткнулся на нечто куда более весомое, чем комары.

На самом краю возделанной земли стояла маленькая африканская хижина. Крыша ее провалилась, трава одинаково неумно росла как снаружи, так и внутри. Когда я подошел к этой развалюхе, оттуда что-то выскочило. Я замер и прислушался. Ничего. Но я был твердо уверен — животное где-то недалеко. Тогда я несколько раз еле слышно щелкнул языком, и через несколько секунд высокая трава вокруг меня зашевелилась сразу в нескольких местах. Тут я понял, что смотрю во все глаза не на травянистую лужайку, а на целое стадо буш-боков (*Tragelaphus scriptus*).

Эти прелестные, грациозные маленькие антилопы носили на шкурке такой идеальный камуфляж, что в полосках света и тени от стеблей травы попросту растворялись, сливаясь с фоном, но, когда они сдвинулись с мест, я увидел их отчетливо. Был среди них один красавец, увенчанный великолепно завитыми рожками с белыми кончиками. Шкурка его была буквально расписана золотисто-оранжевым цветом и настоящей вязью тонких белых штрихов — словно гигантскими буквами, что и отражает научное название. Там был еще молодой самец, три самочки и несколько совсем молодых антилоп.

Я принялся потихоньку подкрадываться к ним, «дрейфуя» примерно в том же направлении. Но антилопы вели себя очень недоверчиво и упорно продвигались к лесу. Тут я споткнулся о сухую ветку, и они разом прыгнули в воздух, словно подброшенные одной пружиной; через секунду их не было и в помине.

Я поспешил за ними со всей скоростью, возможной в сумерках непроницаемого тропического леса, но все было напрасно. Мне оставалось только углубиться в нетронутые лесные глубины. Здесь, в лесу, практически не было подроста, и я шел вперед беспрепятственно, как по городскому асфальту, бесшумно ступая в туфлях на резиновой подошве; разве что веточка хрустнет под ногой.

Немного спустя я вышел к небольшой ложинке; деревья смыкались здесь таким тесным строем, что почти целиком заслоняли противоположный берег. Спускаясь, я услышал внизу негромкий шорох, но не придавал ему значения, как вдруг крупное животное двинулось с места и пошло впереди меня. Я мигом нырнул за ближайший ствол и стал подползать поближе. Когда наконец я выглянул из-за корня-контрфорса колоссального

дерева, то увидел противоположный берег, а на нем потрясающую антилопу.

Ростом она была примерно с осла, и это меня сразу поразило. Головка смехотворно маленькая, а круп непропорционально широкий. Общая окраска — красновато-каштановая, снизу — серая, но разительный контраст с ней представляла головка, увенчанная ярко-оранжевой шапочкой, которая переходила в такую же полосу посредине спины. Пара прямых коротеньких гладких рожек была направлена почти прямо назад.

Стоило мне чуть шевельнуться или нарушить тишину, как диковинное существо слегка подбрасывало задними ногами, оставаясь при этом на месте. Оно стояло слишком далеко, и не стоило пытаться достать его из единственного моего оружия — охотничьего ружья, поэтому я решил подобраться поближе и понаблюдать за его поведением. Сказано — сделано, но тут я увидел нечто поразительное: с боков и брюха антилопы на землю непрерывным дождем сыпались какие-то мелкие существа. Заинтригованный, я, как видно, сделал резкое движение — антилопа бросилась бежать. В охотничьем азарте я совершил глупый и жестокий поступок — выпалил ей вслед, хотя такой выстрел явно не мог убить животное. Это случилось как-то помимо моей воли. Не успел отзвучать выстрел, как я уже горько пожалел о содеянном и решил, что обязан пойти по следу животного.

Задержавшись, я осмотрел землю в том месте, где стояла антилопа, и нашел среди листвы множество громадных раздувшихся клещей. Они-то и сыпались со шкуры животного. Собирая клещей в бутылку, я обдумал сложившееся положение и решил, что разумнее будет поручить отслеживание подраненного животного опытному местному следопыту. Поэтому я поспешил в

деревню и разыскал старика Эантдуду, который охотно принял мое поручение.

Наутро он еще до завтрака явился с убитым животным. Это оказался старый самец желтоспинного дукера (*Cephalophus silvicultrix*), у которого круп был наспигован дробью, а шерсть кишела клещами.

— Ну, что там у тебя, Фауги?

— Только несколько сильно маленьких сороконожек, хозяин.

— Силы небесные! И это все, что ты принес, проболтавшись где-то целый день?

— Тц-це... Умм... У меня... Я нашел сильно забавное место, хозяин.

— Какое еще место?

— Там много большой дерево падал на землю. Лежал вот так.— Он скрестил руки.— Очень странно.

— Далеко? — спросил я.

— Нет, прямо там,— он указал на маленькую долинку позади нашего лагеря.

— Ладно,— сказал я.— Мы иди и смотри. Зови всех.

Вскоре целая толпа уже пробиралась по лесу во главе с Фауги, с лица которого не сходило выражение крайнего удивления. Через несколько минут мы пришли на место, действительно чрезвычайно странное. Несколько гигантских стволов лежали, перекрещиваясь под самыми разными углами, и каждое с одного конца несло громадный венец корней, забитых землей. Эти выворотни образовали естественную площадку, сравнительно чистую, но громоздившиеся вокруг сучья закрывали все окружающее сплошной стеной. И вот что удивительно: вокруг площадки лес смыкался так тесно, что кроны закрывали небо, и не верилось, что упавшие деревья

вообще могли там стоять — для них решительно не было места. Многие из лежащих на земле стволов были пустые, и в них и под ними виднелись отверстия нор.

Мы пытались заглянуть в норы, тыча туда палками. Почти в

каждой из них, представьте себе, обитало что-то живое, потому что до нас доносились то рычание, то целый набор самых разнообразных звуков. Покопавшись, мы выдворили из нор пару «чук-чуков» и хомяковую крысу (*Cricetomys*), но один колоссальный ствол задал нам работы. Он настолько прогнил за долгое время, что из него можно было выгребать труху с помощью «друга траппера» и длинных ножей. К этой работе мы и приступили с превеликим рвением, сменяя друг друга, потому что в глубине продольного дупла творилось что-то невероятное.

Покопав некоторое время, мы обнаружили, что ход поворачивает вниз и уходит под дерево, в землю. Тогда мы решили откатить дерево в сторону, если удастся. Вырубили шести из молодых деревьев и подкатали подходящие обрубки, чтобы иметь точку опоры. После нескольких неудачных попыток нам удалось перевернуть ствол. Громадные пласты отставшей коры остались на том месте, где он лежал, а по ним ползали во множе-

стве самые диковинные существа блестяще-черного цвета, длиной от пятнадцати до тридцати сантиметров.

Это были гигантские, больше иных колбас, тысяче-ножки — безобидные, робкие и беззлобные существа, наполненные в основном воздухом и абсолютно лишенные соображения. Когда одну из них кладешь на стол, она устремляется вперед парадным маршем, работая что есть силы всеми сотнями ножек и поводя усиками в надежде на что-то приятное. Добравшись до края стола, она ничего не замечает, и передняя часть тела вступает в пустоту, перебирая ножками, как на твердой земле. Когда под собственной тяжестью ее туловище изгибается, до этой тупицы наконец доходит, что тут что-то не так, и она замирает, уцепившись за край пропасти. Затем мало-помалу ее ножки — начиная с самой задней пары — дают задний ход, волны движения пробегают по ним вперед, а не назад, как это бывает, когда она мчится вперед на всех парах, и постепенно животное возвращается обратно на стол.

Самое смехотворное в тысяченожке — последняя пара ног. Если пригнуться и посмотреть сзади на уровне стола, сосредоточив внимание только на задней паре ног, то видишь, что они идут галопом, как у разыгравшегося жеребенка, и их кончики вскидываются назад и вверх самым уморительным образом.

Убрав слои сгнившей коры, мы открыли множество камер и уходящих в землю ходов, где обнаружили двух совершенно замечательных животных размером примерно с футбольный мяч, покрытых крупными бурыми роговыми чешуйками.

До сих пор прекрасно помню, как впервые, будучи еще подростком, наткнулся на изображение такого существа — панголина, или белобрюхого ящера, — в книге о диких животных и был глубоко поражен. Из подписи я ничего не понял, потому что текст был рас-

считан на людей, знакомых с зоологией. Многие годы ничего не зная о местообитании и образе жизни этих диковинных зверей, я стал даже сомневаться в их существовании. Чешуйчатые хвостатые твари обычно кажутся сродни пресмыкающимся, а вытянутое в трубочку рыло, маленькие черные бусинки глаз и когтистые лапы, как на первом виденном мной изображении, только усиливают эту иллюзию. Вдобавок оказалось почти невозможно раскопать какие-либо толковые сведения ни о самих панголинах, ни об их привычках.

Найти животных живьем, в природе — величайшая удача, хотя к тому времени я точно знал их систематическое положение среди других животных. Мы с громадной осторожностью вынули из уютных нор панголинов — теплые шары совершенно непомерной для их размеров тяжести. Главных частей тела животного не было видно — голова, лапы и вся передняя часть туловища свернуты и упрятаны под широкий чешуйчатый хвост, который закреплялся за чешуйки спины специальным гладким кончиком, похожим на пальчик, с нижней стороны хвоста. На всякую попытку его развернуть животное отвечало мощным и вполне эффективным сокращением мышц.

Мы отнесли эти живые футбольные мячи в лагерь. Будучи положены на пол в палатке, они по-прежнему хранили полную неподвижность. Прошло более получаса, пока один из них стал осторожно и неуверенно разворачиваться, но стоило кому-то из нас пошевелиться, и он мигом сжимался, как кулак. Когда мы уже кончали обедать, один из них раскрылся, словно лопнувшая почка. Его длинный хвост «отстегнулся» и хлестнул по полу, а сам он остался лежать на спине, выставив беззащитное голое брюшко, но тут же перевернулся и со всех ног бросился наутек с патетическим выражением целеустремленности на рыльце.

— Свернись! — заорал я ему
вслед, и он исполнил команду с
величайшим послушанием, оста-
ваясь в туго свернутом виде еще
с полчаса. Теперь-то я понял,
почему хауса зовут это животное
«скромником».

Хищные животные, то есть
кошки и прочие плотоядные,—
коренные обитатели леса, и их
приходится выслеживать самым
тщательным образом. В лесу
можно бродить целыми днями и
не встретить ни одного из этих

зверей — они от природы коварны и недоверчивы. Не считая леопарда и неуловимой, как бесплотный дух, золотистой кошки, здесь водились другие редкие и интересные животные, которых добывали для нас местные охотники. Они принесли нам двух сервалов — длинноногих кошек с желтоватым мехом, усыпанным черными пятнышками. Зверей добыли в глухом лесу, в нагорьях. Факт сам по себе замечательный — этих животных всегда считали обитателями открытых саванн.

Почти все меховщики станут уверять вас, что красивые пятнистые шкурки и шубки — подлинная генета. Советую вам отнестись скептически к этим заверениям, которые капризные женщины при подобных обстоятельствах охотно принимают на веру. Тем не менее такие животные существуют, и одеты они в красивые пятнистые шкурки, но вот выделять эти шкурки, как и большинство мехов тропических животных, чрезвычайно трудно. Генеты стали обычными обитателями нашего маленького частного зоопарка. У них короткие лапки и роскошный хвост, украшенный кольцами — черными вперемежку с белыми или желтыми. Они необычайно подвижны и удивительно легко приручаются.

Эти животные нас очень заинтересовали, но, как мы ни старались встретиться с ними в их родных девственных лесах, они оказались настолько чуткими, что нам каждый раз не везло. А вот Герцог каким-то загадочным образом умел встречаться с *Nandinia* — родственницей генеты. Нандинии — пальмовые циветты, как их называют, — носят густую каштаново-коричневую шкурку, испещренную расплывчатыми шоколадными пятнами, а между лопатками у них пара кремовых отметин. Такие отметины непременно украшают шкурку, а вот почему — современная наука пока еще не дает ответа. У животного аккуратная розовая мордочка и лапки с подушечками.

К группе так называемых плотоядных относились еще два местных животных. Это были крупные длинноногие мангусты. Один вид, черный, с редкой щетинистой шерстью, называется *Herpestes*. Судя по всему, он чрезвычайно редок. Другой мангуст, совершенно паразитического вида, впервые попался нам при довольно замечательных обстоятельствах.

Кроме белок, живущих в кронах деревьев, есть белки, обитающие исключительно на земле. Они совсем не похожи на древесных и, так как поймать их значительно труднее, представляют больший интерес для ученых. Нам удалось добыть несколько таких белок — они попались в ловушки, поставленные на крыс, но, когда мальчишка-африканец принес нам живой экземпляр, я понял, что нам наконец повезло. Белоносые белки (*Funisciurus leucostigma*) издают странный цокающий звук, как будто язычок щелкает о нижние зубы, и я подумал, что таким звуком они могут созывать своих сородичей к обеду или еще для чего-нибудь.

Поэтому мы взяли маленькую белочку и поместили в клетку, которая совсем не пахла человеком, так как раньше лежала закопанной в куче листьев из лесной подстилки. Стараясь не прикасаться к клеточке, мы отнесли ее в глубину леса и подвесили на кривой ветке. Сами же спрятались недалеко от приманки и стали ждать дальнейших событий.

Когда мы «окапывались», солнце светило вовсю, но примерно через час — маленький зверек все это время возбужденно «цокал» — небо застлало тучами. Потянуло жаром, как из горящей топки, а тучи быстро наливались чернотой. Несколько узких просветов в лиственной кровле, сквозь которые было видно небо, приобрели угрожающий багрово-графитный оттенок, как ночное небо над большим городом, а в толпе деревьев поднялся стонущий ропот. С каждой минутой тьма сгу-

щалась, и все звуки стихли, был слышен только жалобный призыв нашей белочки.

Внезапно до нас докатился раздавшийся далеко на востоке шум, похожий на грохот курьерского поезда. Самое странное и жуткое в этом грохоте было то, что внизу, в глубоком сумраке леса, слышно было только эхо, а сам звук во всей своей мощи прокатывался поверху, над пологом крон. Деревья раскачивались все сильнее, и вот уже лесные гиганты стали склоняться к востоку, покоряясь ревущему, рвущему воздух урагану, терзавшему их вершины. Мы оказались в ужасающем, грозном затишье, дневной свет сменился зловещим бледно-розовым полумраком; над нашими головами, казалось, неисчислимыми роями вьются с визгом и воем одичалые бесы, а лес, потеряв свою извечную устойчивость и непоколебимость, гнется под каким-то до жути непривычным углом.

И вот — началось. Раскаленный ветер внезапно наткнулся на невидимую преграду, по деревьям пробежал трепет от этого толчка, и без всякого предупреждения все лесное дно встало дыбом и взвилось к вершинам деревьев, словно взметенное взрывом. Листья, сучья, комья земли, даже обломки стволов, словно живые существа, неслись мимо нас, подхваченные смерчем, срывая наше прикрытие и унося его с собой в дикой гонке сквозь потрясаемый бурей лес, потом неожиданно и непостижимо они взлетели над землей и понеслись по воздуху, все быстрее, все выше, пока не скрылись из глаз, вознесенные к небу. Молнии ослепительными дрожжащими вспышками разили все в этой круговерти. Громкие сучья и каскады каких-то тяжелых обломков непрерывно сыпались вокруг нас, чтобы, едва коснувшись земли, снова унести вместе с лавиной обезумевших предметов вверх, к небу.

И хотя мы были погребены на самом дне стоящего стеной леса, нам пришлось цепляться за корни, едва

переводя дыхание в бешено крутящемся вихре пыли и листвы. Полузадохшиеся, избитые, мы со страхом и благоговением наблюдали разительную перемену. Вся летящая ветошь этого первозданного мира внезапно застыла, трепеща в назлектризованном воздухе, а затем, как по приказу, ринулась с воем обратно — туда, откуда только что вознеслась. Что-то твердое снова просвистело мимо нас, налетая на стволы деревьев и расшибаясь вдребезги со звуком пистолетных выстрелов. Новый ветер, ледяной и немилосердно режущий, набросился на лес, и гигантские деревья со стонами отшатнулись от нового ужаса; озаренный яркими вспышками электричества, на землю низвергся сплошной поток воды, бьющей с силой миниатюрных бомб.

За две секунды мы промокли до костей; вода лилась с нас, как будто мы стояли под душем. Я кое-как поднялся на ноги и стал пробиваться сквозь слепящий водопад к тому месту, где висела клетка с нашей драгоценной белочкой. Ливень бил сплошным каскадом, и я почти ничего не видел, но вскоре обнаружил, что клетка исчезла. Мы принялись шарить вокруг и наконец наткнулись на веревку, на которой она была подвешена. Мы с Беном снова двинулись к колоссальному дереву, подпертому громадными корнями-контрфорсами.

Когда мы вошли в одну из комнаток, образованных этими контрфорсами, нашим глазам предстало невероятное зрелище. В самом углу, там, где лопасти примыкали к стволу, серебристо-белый зверек с длинным пушистым хвостом и длинными стройными черными лапами трепал клетку с нашей верещащей от страха белочкой, точь-в-точь как терьер треплет пойманную крысу. Увидев нас, это паразитическое существо подпрыгнуло, повернулось к нам, бросило клетку да как рывкнет на нас!

Мы заняли позицию у устья созданного самой природой загона и стали потихоньку подбираться к зверьку.

Он угрожающе зарычал, как собака, и немедленно бросился на босые ноги Бена. Тот, вне себя от удивления, все же отбил атаку, но гибкий маленький зверь успел отскочить. Мы продолжали наступать на свою добычу, а зверек, не пытаясь бежать, присел за клеткой и оскалил клыки. Я приказал Бену снять майку и накинуть ее на голову зверька, чтобы его можно было схватить. Сам я немного отступил, готовый броситься на животное, если Бен промахнется.

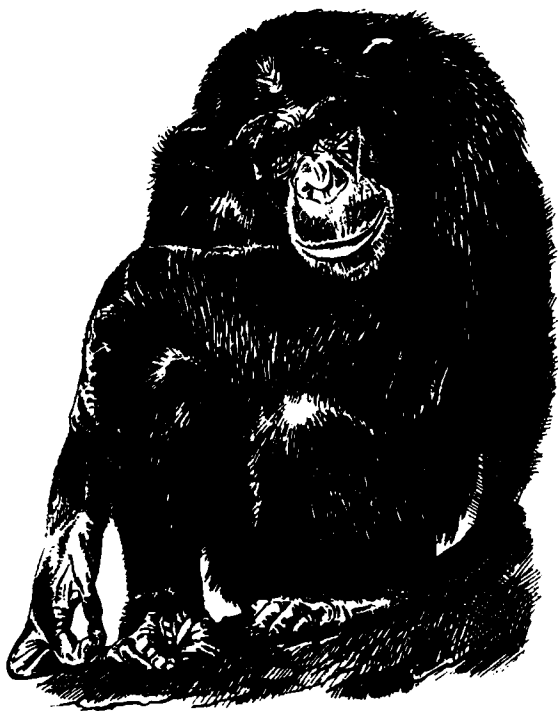
И он промахнулся, да еще как: в эту самую минуту подгнивший кусок ствола, застрявший в путанице сучьев много месяцев назад, сорвался с высоты, освобожденный смерчем, и упал между нами. С жутким стуком он грохнулся на землю в полуметре от нас, разлетевшись на тысячу мелких кусков. Ловкий мангуст скакнул вбок, обошел ошеломленного Бена и проскочил мимо меня, столь же обескураженного. Я вскинул ружье. Из обоих стволов хлынула вода, но я выстрелил дуплетом вдогонку убегающему зверьку. Через несколько шагов он упал мертвым.

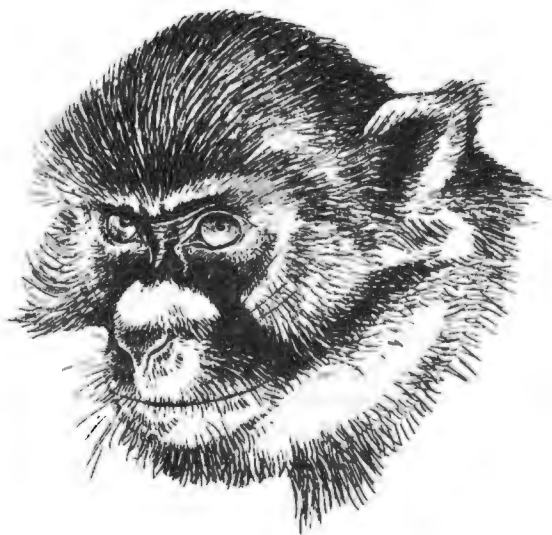
Это был самый первый из добытых нами белых мангустов (*Galertiscus nigripes*). Позже нам удалось заснять на кинолентку одного из этих таинственных зверей, скрадывающего добычу себе на ужин.

Воздушный Жонглинг

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава седьмая

**ЛЯГУШКИ «НА ВЕРХУШКЕ». ОБЕЗЬЯНЫ.
ЛЕТУЧАЯ БЕЛКА.
ГАЛАГО. ЕЩЕ ОДНА ОХОТА НА ГАЛАГО**

Вы уже познакомились с необычными «мирскими захребетниками», которые обитают рядом с человеком в африканских жилищах, заменяя на этом странном континенте голубей, воробьев, крыс и мышей наших широт. Вы заглянули в поражающий изобилием и разнообразием мир живых существ под пологом девственного леса, бросили взгляд на дремучие заросли, населенные множеством невиданных зверей, которых нигде больше не встретишь. Но есть еще более диковинные существа, обитающие в еще более удивительных условиях. О них я вам сейчас и расскажу.

Мир безбрежных лесов разделен на целый ряд горизонтальных прослоек, лежащих друг над другом наподобие шоколадного торта. В самом низу находится подземный слой, где множество животных, в основном довольно мелких, проводят всю свою жизнь безвыходно или изредка отваживаясь выйти не то что на божий свет, а даже и в ночную темень. За ним следует второй слой — тот самый, в котором мы только что побывали, — лесное дно.

Выше этого слоя все живое отрывается от земли и пребывает в воздушных сферах — сначала на широколиственных деревьях (высотой с обычные плодовые деревья), которые растут повсюду в таинственной полумраке, затем поднимается в следующий слой — кроны гигантских деревьев, сливающиеся в сплошную крышу, поддерживаемую бесчисленными колоннообразными стволами, — такая крыша простирается над целыми районами. Я хочу, чтобы вы вместе с нами поднялись на этот «воздушный континент» и своими глазами увидели удивительный животный мир, сохранившийся с незапамятных времен, когда человека не было еще и в помине.

Если взглянуть вверх, стоя посреди нашего лагеря, затерявшегося в глубине охотничьих угодий деревни Эшобе, да и в любом другом месте нашего района, по площади не уступающего Уэльсу, всюду увидишь одно и то же. Поверх всего громадного пространства раскинулся сплошной полог зелени, сквозь который лишь кое-где пятнышком проникает далекий луч и где царит лишь слабый отсвет пылающего в небе солнца.

Сверху густой лес похож на бесконечный плюшевый ковер, мягкими волнами уходящий к горизонту во все стороны, куда ни глянь. Цвета его со сменой сезонов непрерывно меняются. Дожди приносят бледно-зеленые тона, сухой сезон — тропическая осень — кроет все багрянцем, когда тысячи экзотических плодов, от малых

до больших, созревают и падают, унося свои яркие, сочные краски в сумрак нижнего мира. Небольшие дожди и горячее солнце приносят мириады цветов — розовых, голубых, зеленых, желтых, пурпурных, бурых и алых. Мне случалось видеть лесной полог, сплошь расцвеченный узором из золотых цветов мимозы и огненно-красных «лесных огоньков».

Неисчислимые полчища мелких существ проводят всю свою жизнь, как проводили ее и их предки в течение бесчисленных веков, в просторах таинственного воздушного континента, скрываясь в его недрах и никогда не ступая на землю. Только немногие из них — некоторые обезьяны, лягушки и крысы — иногда спускаются вниз в поисках воды. Чтобы добраться до этих животных и узнать, как они живут, приходится взбираться в их родной, вознесенный высоко над землей мир.

— Смотри шей его крепко, — наставлял я двух африканцев, стоя над ними. Они сидели, держа куски белого полотна в зубах и натягивая его большими пальцами ног; левой рукой каждый загибал край, а правой прошивал его. Постепенно куча разорванного на полосы постельного белья превращалась в гигантскую ленту, выползавшую за пределы лагеря и нырявшую в ванну, где Гонг-гонг и Эмере мылили и терли ее, передавая молчаливому Чукуле, который разглаживал и натягивал материю, а потом наматывал на шест. Как только вся лента была сшита, выстирана и скатана, наш отряд отправился на ближайший участок, поросший травой.

Когда мы пришли, было еще довольно рано, и солнце пока лишь собиралось с силами, готовясь к дневному жару. Громадную ленту развернули и растянули по верхушкам трав, и весь ближний лес загудел от стука наших топоров.

Вскоре на поляне выросла куча заготовленных дров, тут же подоспел большой тяжелый стол, прибывший вверх ножками на спине могучего африканца. Пока полотно сохло на солнце, мы разожгли костры, и Гонг-гонг поставил греться утюги. Я сел и сложил рядом дюжину длинных тонких и прямых палок, на которых делал зарубки. Затем великанский сачок был натянут на шестнадцатифутовую лиану, изогнутую гигантской петлей. К тому времени утюги накалились, полотно просохло. Вскоре его уже растягивали на столе и гладили. Покончив с этим, мы снова скатали полотно и со всем снаряжением вернулись в лагерь.

Там я подыскал тяжелый камень и привязал его к четырехсотфутовой веревке, которая с другой стороны раздваивалась и крепилась к концам пятифутового шеста. На шест был намотан и крепко пришит один из концов полотняной ленты. Наши приготовления на этом закончились, и мы занялись другими делами в ожидании захода солнца.

После обеда, когда лес ожил и наполнился стрекотанием, жужжанием, одиночными криками и жутковатым посвистом, весь наш штат в полном составе включился в эксперимент. Как раз за лагерем был участок леса почти без подроста. Здесь я принялся раскручивать камень на конце веревки, чтобы запустить его высоко вверх, в гущу крон. С третьей попытки мне удалось забросить его за невидимый сук, и я стал потравливать веревку, пока камень потихоньку не опустился к нам на землю. Он то и дело застревал, но в конце концов мы сумели до него дотянуться и начали втаскивать длинную полосу полотна в сгустившуюся наверху тьму. Когда верхний шест прочно застрял где-то в высоте, мы натянули и закрепили всю конструкцию внизу; таким образом она напоминала белое лезвие гигантского меча, нацеленного вертикально вверх, в чрево ночи.

Затем мы зажгли мощный фонарь и направили его слепящий луч на верхнюю часть полотнища, а сами, взявшись за палки с зарубками, постепенно подняли с их помощью громадный сачок до уровня ярко освещенного полотна. Нам оставалось только ждать, а тем временем бабочки, жуки и другие крылатые обитатели ночного леса тучами клубились, покрывая освещенную белую полосу, столь внезапно и необъяснимо материализовавшуюся в их недостижимых владениях.

Ждать пришлось недолго. Откуда ни возьмись какой-то темный предмет возник там, где до того была лишь ничем не запятнанная белизна,— снизу он казался нам просто черной точкой. Громоздкий сверхсачок двинулся вперед, и в него скатилась древесная лягушка.

Мы пришли в восторг оттого, что наша затея так быстро принесла результаты, и слишком долго спускали сачок. Мы еще не отработали технику и не учили, что тот, кто держит самый длинный шест, должен со всех ног бежать в сторону, как только попадается добыча, тогда сачок приземлится рядом с фонарем. Древесная лягушка воспользовалась недосмотром и выскочила из сачка обратно на полотнище полакомиться насекомыми, которые садились туда сотнями.

Бен и Фауги, главные деятели сачка, попытались сбить беглянку резким взмахом, и началось такое, что вряд ли можно связно передать. Помню пронзительный резкий свист, после чего фонарь потух, все погрузилось во мрак и дико перемешалось. Наверное, я потерял сознание от удара — на голове у меня на другой день обнаружилась очень болезненная шишка,— но пришел в себя, отбиваясь от массы каких-то движущихся предметов: одни были теплые и влажные, другие — сухие и холодные, жесткие, как сталь, норовившие опутать меня целиком. Все вопили в голос, а что-то еще и грозно рычало. Бен, который был где-то рядом со мной,

орал, едва перекрывая мой собственный голос, чтобы зажигали огонь. Мы все бились в темноте, как одержимые злым духом; избитый и исцарапанный, я был уверен, что на нас напала целая стая шимпанзе.

Наконец фонарь снова вспыхнул и озарил поистине сногшибательную сцену. Гигантская куча листвы, накрывшая с полдюжины человеческих тел, высилась на земле, переплетенная и опутанная петлями нескончаемой полотняной ленты. Из этого клубка торчали черные ноги и длинные плети лиан: ни дать ни взять — гигантский гриб-дождевик, из которого лезут извивающиеся червяки. Я был спутан только отчасти, и лишь Гонг-гонг, державший фонарь, оказался полностью на свободе. Перерубая самые крепкие сучья, мы наконец вытащили из тенет одного за другим всех людей, и только устрашающее басовитое рычание все еще раздавалось из-под кучи нагроможденных ветвей.

Я был в полной уверенности, что там затаился какой-то редкостный зверь, перевернул с помощью остальных всю кучу — и едва поверил собственным глазам! Там лежал Чукула, изогнув спину, как дикобраз, и зарывшись лицом в опавшую листву, при этом он рычал и фыркал что было силы! Услышав взрыв хохота, он поднял голову, усыпанную сухими листьями, и перевел дух.

Он уверял нас, что это нелепое поведение — прием, широко распространенный у него на родине (каковая была так далеко, что спорить с ним не приходилось) для защиты от больших змей, которые валяются на человека неведь откуда. Насколько я понял, он молился или по меньшей мере призывал духов — подданных змеиной богини. На мой взгляд, его прием больше напоминал поведение на редкость непрактичной птицы — страуса, который, как говорят, прячет голову в песок от надвигающейся опасности.

Наша первая высотная охота на лягушек окончилась неудачно: как оказалось, мы подвесили свое полотнище к насквозь прогнувшему суку, но следующие вылазки приносили хороший улов. Из этого и многих других случаев мы извлекли пользу, отработав методику, и нам удалось поймать множество интересных лягушек.

Я молча шел по лесу, скользя взглядом по узорной решетке листвы и ветвей, чернеющей на вечернем небе, как антрацитовое кружево, а в голове у меня вертелась одна и та же неприятная мысль. Мы пустились в путь очертя голову, как новички, даже как молокососы, пообещав изловить речного дельфина, гигантскую речную землеройку, раздобыть яйца червеподобных тритонов, *Podogona*, и достать лемура и шипохвоста в эмбриональном состоянии. Нам великодушно содействовали в организации экспедиции, с тем чтобы мы попытались привезти именно этот научный материал. Казалось, наша попытка непременно должна увенчаться успехом.

Между тем Джордж покинул наш лагерь и вернулся на базу передохнуть — у него постоянно держалась повышенная температура, и чувствовал он себя, по его собственным словам, «желтком, размазанным по тарелке». Меня тоже пробирал озноб, и я с часу на час ожидал очередного приступа малярии. Таким образом, проблема разрослась до чудовищных размеров. Можно было подумать, что малярийные «зверюшки» сознательно объединились со своими не столь микроскопическими лесными родичами, чтобы совместно отразить наше нашествие.

Через три месяца лихорадка стала нас одолевать и значительно ослабила наши ряды, а животные по-прежнему скрывались в глубокой зеленой неизвестности. Мы видели почти любых мыслимых животных, только не тех двух, из которых мы могли бы извлечь бесценные

эмбриологические монетки — единственную валюту, какой можно расплатиться с нашими покровителями.

Стайки обезьян с назойливой настойчивостью снова-ли над моей тропой, раскачивались и шуршали в кронах, осыпая нас лавинами блестящей листвы, каскадами льющейся у них из-под лап. Обмениваясь негромкими, напоминающими разговор звуками, они бегали вдоль колоссальных сучьев, загнув хвосты за спиной — живые, прихотливой формы кувшины с фантастическими ручками.

Как-то раз я стоял внизу, а прямо над моей головой возилась стая больших белоносых мартышек (*Cercopithecus nictitans*). Я смотрел, как они обдирают тонкую кору с молодых побегов, хотя вокруг деревья ломились от сочных плодов. Животные часто ведут себя непредсказуемо. Тогда я впервые задумался — и до сих пор раздумываю о том, понимают ли люди, для чего обезьяне хвост. Только в Южной Америке обезьяны пользуются хвостом как приспособлением для цепляния, хватаясь за сучья, когда у них заняты все руки и ноги. Стены залы в одном из самых больших лондонских отелей расписаны высокими лесными деревьями с целой стаей обезьян. Художник с усердием, достойным всяческих похвал, изобразил самую обычную африканскую зеленую мартышку (*Cercopithecus aethiops*). Этот вид легко узнать по белым бакенбардам и похожим на рожки кисточкам на ушах. Можно еще пренебречь тем, что зеленые мартышки никогда не живут на разбросанных поодиночке деревьях — такую ошибку можно простить художнику как артистическую вольность, — но найдется ли оправдание тому, что процентов тридцать этих неправдоподобных настенных обезьян изображены висящими на хвостах, будто рождественские индюшки в витринах: уж на это-то они не способны ни при каких обстоятельствах, ручаюсь!

И все же представление об обезьяньем хвосте как хватательном органе до сих пор бытует среди многих из нас. Многие зоологи полагают, что хвост африканских обезьян — орган для сохранения равновесия.

Я наблюдал, как стайка белоносых мартышек кормится, видел, как они двигаются, занимаясь своими обычными делами. Деревья стояли сомкнутыми рядами, и их листва кое-где смешивалась. Но все же на пути обезьян постоянно развешивались широкие пропасти, которые они преодолевали громадными прыжками. Перед таким прыжком обезьяна делает короткий разбег, прыгает вверх, раскинув руки, словно ныряя «ласточкой», и летит вниз головой. Тут-то и начинает работать хвост. Как длинный, тянущийся за туловищем противовес, он вскоре изменяет положение обезьянки в воздухе: нырнув вниз головой, она переворачивается в вертикальное положение — будто прямо стоящий человек. Затем обезьянка приземляется, но не на верхнюю сторону ветви, как все почему-то считают, а сбоку, в массу листвы и более тонких веток, широко растопырив руки и ноги. Она захватывает листву в широкие объятия, а потом уже карабкается в более безопасное место.

В тот вечер я впервые увидел, как мартышка упала. Маленькая самочка совершила головокружительный прыжок и благополучно перелетела на другое дерево, но листья, за которые она уцепилась руками, оторвались от веток, и она качнулась назад. Несколько секунд она висела вниз головой, цепляясь ногами, а кончик хвоста касался ее затылка, но вот, тихонько взвизгнув, она внезапно сорвалась и с глухим стуком, который больно было слышать, ударилась о мягкую землю. Когда я подбежал, она была еще жива, но в безнадежном состоянии. Гуманность требовала прекратить ее мучения, и я, исполнив свой долг, произвел посмертное вскрытие и обнаружил, что обе ноги и основание позвоночника пере-

ломаны во многих местах. Хвост сослужил ей службу в последний раз.

Один раз я видел, как мартышка, сорвавшись, свалилась в реку. Это было препотешное зрелище — еще одно доказательство того, что в природе много забавного, хотя хватает и скуки, и ужасов.

Я сидел в челноке, поджидая появления стада мартышек-мона (*Cercopithecus mona*) на обычном месте их вечерних встреч. Их приближение возвестила все нарастающая волна треска, но в тот момент, как они достигли речушки, поднялся несусветный гам. Не знаю, случалось ли вам слышать, как поезд лондонской подземки вылетает из-под земли у Баронского Двора. Колеса грохочут, шипят, скрежещут, и все сливается в дикий рев, нечто среднее между свистком паровоза, ревом автомобильного клаксона и пароходной сиреной. Это сочетание звуков обычно раздается в африканском лесу, стоит только потревожить стаю птиц-носорогов.

Обезьяны-мона совершили налет на дерево, облюбованное этими нескладными птицами, и те взлетели, хлопая громадными крыльями и издавая протяжные крики «фонк!», отдававшиеся эхом среди деревьев. Когда обезьяны спустились на ветки, нависшие над водой, птицы стали садиться обратно, «фонкая» еще громче, и обезьяны в панике бросились в укрытие, — может быть, от неожиданности приняли «носорогов» за коршунов? Но одна мартышка с перепугу впала в истерику и стала прыгать на сухой ветке, вереща во все горло.

Должно быть, у «носорога» где-то в этом сухом дереве было замуровано гнездо, потому что он тяжело опустился на ту самую ветку, где была обезьянка. Обезьянка как раз взвилась в воздух в очередном истерическом прыжке. Птица, садясь, толкнула ветку, но она качнулась в горизонтальной плоскости, а обезьяна скакала вверх-вниз, и получилось, что эти две серии

волновых колебаний не совпали. Обезьянка пронеслась мимо ветки, полетела вниз и с громким плеском врезалась в спокойную гладь воды, подняв целый фонтан брызг.

Я взялся за весла и поспешил на помощь, но прошло много времени, и я уже подумал, что обезьяна угодила в пасть

крокодилу, как вдруг она вынырнула довольно далеко от меня, отфыркиваясь и отплеываясь, дико вытаращив глаза и отчаянно озираясь. Она мужественно поплыла к берегу, временами уходя под воду, и головка у нее стала совсем маленькой и гладкой. Мартышка вылезла на берег,

вопя от ярости и обиды, и тут ее встретил «носорог», который спустился на нижние ветки, чтобы обхохотать и издевательски «обфонкать» врага.

Вот два случая, когда древесные животные падали вниз из своих высотных владений, и я наблюдал их в течение года на очень ограниченном участке леса. Похоже на то, что в естественных условиях дорожные происшествия случаются так же часто, как и в цивилизованной жизни.

Падение одного из членов стаи напугало мартышек, и они с громким треском и криками умчались прочь. Я бросился следом, напрасно и неразумно надеясь поспеть за ними и оказаться на расстоянии выстрела. Мои старания были вознаграждены только тем, что я окончательно запутался в лабиринте древесных колонн и широченных, полных тины канав; деревья сомкнулись вокруг меня, безмолвные, как смерть.

Все размышления мигом вылетели у меня из головы, и я стал пробираться сквозь чащу, притворяясь, что могу отличить одно дерево от другого, и вообще стараясь хоть как-нибудь сориентироваться. Стало быстро темнеть, раскидистые кроны затопило бездонным мраком. Я вышел на край обрыва, где образовался естественный просвет между деревьями, и стал высматривать в небе свечение восходящей луны, которая послужила бы мне маяком.

Внезапно я увидел нечто вроде громадной гусеницы, силуэтом выделявшейся на гладком отвесном стволе гигантского дерева. Я не видел, откуда оно взялось: возникло как-то сразу, и все. Я быстро прицелился и выстрелил. Видение исчезло, и я стал прислушиваться. Что-то с треском свалилось в овраг подо мной, и одновременно у меня за плечом раздалось громкое фыркание. От неожиданности я отскочил в сторону.

Передо мной стоял Бен — черное пятно в непроглядной черноте — и радостно ухмылялся.

— Откуда тебя черт принес? — спросил я.

— Я шел за хозяином.

— И давно ты идешь за мной? Как ты шел? — расспрашивал я: было что-то жуткое в том, что он выследил меня до этого места.

Бен отмалчивался, продолжая ухмыляться. Африканцы умеют по-своему показать, что совершенно излишне или неразумно объясняться с тем, кого они считают суматошным и в некотором роде безмозглым чужаком в своей стране.

— Ладно, раз уж ты здесь,— продолжал я.— Видел ты мясо? Что это такое?

— М-мм-ммм... я думаю...— промямлил он, как обычно, когда не был в чем-то уверен.

— Давай ищи быстро, очень быстро и еще быстрее,— сказал я, указывая в сторону оврага.

Бен принялся за розыски с помощью фонаря, который он предусмотрительно прихватил с собой. Шли минуты за минутами, а он все еще копался где-то внизу. Когда он окликнул меня, была уже непроглядная темень, и я стал на ощупь пробираться ему навстречу через сплетение ветвей подроста.

Он встретил меня радостной улыбкой и теми странными негромкими выкриками фальцетом с придыханиями, которыми африканцы всегда выражают удовольствие, удивление или неуверенность. У него в руках был растянут почти правильный квадрат — какое-то существо. Я протянул руки, не просто дрожащие, а трясущиеся от волнения, и принял трофей. Неужели одна из моих проблем решена?

Шипохвоста (*Anomalurus fraseri*) называют летающей белкой. Если не считать того, что он не летает и к белкам не имеет никакого отношения, то это еще не

самое неподходящее название. Пытаться найти слова, которые могли бы его описать, совершенно безнадежно, как утверждает его научное название: аномалия Фрезера! Тельце у него длинное и тонкое, как боевая ладья, передние и задние лапки согнуты, как у жареного цыпленка, и полностью окутаны тонким, мягчайшим «парусом». Животное можно сравнить с длинной тонкой белочкой, снабженной парашютом, но гораздо вернее будет представить себе квадратного воздушного змея, опирающегося на срединный киль (голова, тело и хвост) и четыре диагональные планки, заканчивающиеся коготками (конечности).

Хвост достигает почти такой же длины, как и все тело, у основания он практически оголен, а дальше пушистый, как у кошки. В местах соединения с парашютом на нижней стороне располагаются ряды чешуек, снабженных острыми твердыми шипами.

Шипохвост живет высоко среди деревьев и выходит только по вечерам на поиски пищи. Когда я стоял в лесу в ту ночь, мои знания об этих диких существах практически этим и ограничивались. Со временем я узнал гораздо больше и о тех особенностях, которые мне следовало бы знать из литературы, и о фактах, которые никто никогда не отмечал.

Мы с Беном вернулись в лагерь победителями. Спустя какое-то время я смог осмотреть животное при хорошем освещении и произвести вскрытие, чтобы узнать, не беременна ли эта самка. Нам была нужна беременная самка шипохвоста для эмбриологических исследований, а эмбрионы, если они не достигли значительного возраста, прощупать в брюшке зверька просто невозможно. На вопрос может дать ответ — увы! — лишь вскрытие.

Конечно, только зоологи могут понять, какое волнение охватило меня, когда я раздвинул шерстку, еще более шелковистую, чем у крота, и провел скальпелем

по коже. Они поймут и глубину моего разочарования, когда я обнаружил, что беременности нет и в помине.

На следующий вечер мы спустились в глубокий овраг, примыкавший к одной из лесных полян. Лес здесь был особенный — множество громадных деревьев разных пород с очень мелкими листьями. Их крона казалась необыкновенно прозрачной по сравнению с окружающей растительностью, и деревья отделялись друг от друга расстоянием, равным примерно диаметру кроны. С земли листья на самых высоких ветках казались величиной с булавочную головку.

Солнце только что зашло. Захватив ружья и фонари, мы отправились исследовать глухие уголки леса. Если посмотреть вверх, небо оставалось еще достаточно светлым, и на нем выделялись силуэты отдельных ветвей.

Прошлой ночью я, таким же образом осматривая листву над головой, заметил первого шипохвоста — а для зоолога там, где есть одно животное, найдутся и другие. Кстати, я сильно сомневаюсь, правомерно ли вообще такое понятие, как «редкое животное». Некоторые виды действительно редко встречаются, если иметь в виду коллекционирование. Но стоит найти подходящее место, и окажется, что их там полным-полно, хотя их ареал, возможно, будет очень ограниченным.

Прекрасно помню, как, размышляя об этом, я ощущал взглядом необъятные ажурные кроны в надежде, что в поле моего зрения вот-вот влетит нечто похожее на маленького воздушного змея. И все же оно появилось совершенно внезапно — прежде чем я успел что-либо осознать или увидеть (но в Африке к этому привыкаешь).

Маленькое существо, как по волшебству, возникло на самой верхушке одного из деревьев. Оно было совершенно недостижимо для выстрела, но я отлично знал, какой у него тонкий слух. Поэтому я не мог окликнуть Джорджа или африканцев — они ушли немного впе-

ред — и указать на добычу; мне пришлось ждать, пока зверек, тихонько двигаясь вдоль мощного сука, не оказался почти у самого его конца. Тут он внезапно подался назад, застыл на мгновение и помчался сломя голову к самому кончику сука. Я затаил дыхание и на какое-то время потерял его из виду.

Так я и глядел вверх, окаменев от напряжения, когда крошечное существо миниатюрной ракетой катапультировалось из кроны дерева и пронеслось футов сто пятьдесят через светлое окошко в кронах до следующего дерева. Оно приземлилось совершенно беззвучно, не потревожив ни листочка, и тут же исчезло.

Я был настолько поражен этим невероятным трюком, что, просмотрев момент старта следующего зверька, увидел его только тогда, когда он пролетел по воздуху и приземлился, очевидно, точно там же, где и первый. Однако второй не исчез, как бесплотный дух, а побежал вниз головой по вертикальной ветке, напоминая собачку, бегущую по доске, только его длинный хвост, как я отчетливо видел, свисал вдоль спины, почти доставая до головы.

Не теряя времени, я выстрелил в эту движущуюся мишень, хотя с такого расстояния стрелять было рискованно. Моя добыча исчезла вместе с веткой, по которой бежала вниз. Через несколько секунд я услышал, как что-то падает среди деревьев внизу, на склоне.

Вне себя от такой удачи, горя нетерпением узнать, что же это за животное, я выкрикивал указания Фауги, Бену и Басси, которые нырнули в заросли, как только услышали звук падения. Теперь они были ниже меня, на дне оврага. Направив луч фонаря отвесно вверх, на кроны деревьев, они по моим указаниям вышли на место прямо под тем суком, на котором я видел животное. Покопавшись внизу довольно долго, они крикнули, что ничего не могут найти. Я спустился по склону и присоединился к ним.

Искать что-нибудь на земле в лесу, да еще ночью — дело нелегкое: повсюду бесчисленные кучи опавшей листвы, корни, куртины трав, кусты, сухие ветки всех форм и оттенков, какие только можно вообразить, и их легко принять за любое древесное животное. Пробираясь сквозь эти завалы, медленно, но верно удаляешься от того единственного места, на которое могла упасть убитая дичь. Поэтому через некоторое время нам пришлось всем собраться и определить, какое же место находится прямо под тем суком. Для этого мы направили вверх яркий луч фонаря. И там, запутавшись в сетке тонких лиан, висел круглый пушистый шарик.

Дерево несколько раз встряхнули, животное свалилось прямехонько к нам в руки и тут же, встрепенувшись, вцепилось двумя рядами острых, словно иголки, зубов в мякоть моего большого пальца. Боль была адская, а крови — уйма, как выяснилось, когда подняли и зажгли фонарь, вылетевший у меня из рук. К моей руке прильнуло кошмарное видение. Пара громадных распахнутых оранжевых глаз с тоненькими щелочками зрачков уставилась прямо мне в лицо. Казалось, что голова состоит из одних глаз; сразу за ними начинались приплюснутое, плоское темя и огромные уши, которые складывались, сжимались, разворачивались и вертелись в разные стороны совершенно независимо друг от друга: если только что они были насторожены и стояли торчком, то в следующий момент уже оказывались повернутыми назад и сложенными гармошкой. Но что было самое жуткое — это крошечная розовая ручка, до мелочей похожая на человеческую, с отставленным большим пальчиком и аккуратными, как после маникюра, ноготками, которые поблескивали в свете фонаря, — даже белые луночки видно! Ручка высывалась из кокетливого серого мехового манжетика.

Это существо, в облике которого сочетались черты человека и кошки, попавшее мне в руки живым — и даже очень живым! — в первый раз, когда я представить себе не мог, что встречу что-либо подобное, привело меня в состояние полного обалдения. От возбуждения и любопытства я позабыл о боли и просто глазел на зверька, а он — в жизни не видел ни одного зверя, который бы так себя вел, — упорно не сводил с меня глаз, даже не сморгнул! Я стал поворачивать голову, и он следовал за мной взглядом, поворачиваясь в ту же сторону, пока ему не пришлось разжать зубы и повернуть голову назад, чтобы следить за мной своими дикими глазами. Его маленькие ручки были холодные и влажные, с железной хваткой.

Так он и сидел у меня на руке, шипя, как кошка, пока освобождали мешочек, чтобы его туда упрятать. Как раз в эту минуту фонарь нечаянно погасили, и я думал, что наша добыча одним прыжком исчезнет во тьме. Вместо этого зверек переместил свои руки, и я почувствовал, как о мой большой палец трется что-то горячее и шершавое. Когда фонарь опять зажегся, оказалось, что зверек жадно слизывает кровь, льющуюся с моей руки. Я думаю, он наслаждался соленым вкусом — питание у него чисто вегетарианское, разве что изредка попадется какое-нибудь насекомое.

Вернувшись в лагерь, я тщательно осмотрел зверька и обнаружил, что в него попала одна-единственная крошка — в правое ухо. Должно быть, выстрел сбил его с сука, а падение оглушило на время. Зверек оказался лемуром из группы длиннохвостых, называемых галаго (или *Galaginae*). У этого редкого зверька есть только научное название, *Eunoticus elegantulus*, и в отличие от остальных галаго он имеет на каждом ноготке срединные ребрышки. Благодаря им ногти у него кончаются острыми коготками.

Хотя животное оказалось самкой, опять это было не совсем то, что нужно. Нам были нужны беременные самки шипохвостов и галаго, но галаго другого вида — карликового лемура Демидова (*Galago demidovi*), который раза в два меньше того, что попал в нашу компанию.

Лемур прожил у нас долго и оказался необыкновенно забавным существом. Ручным он так и не стал — вечно смотрел жуткими глазищами, огрызался и шипел, — но я как-то ухитрился брать его в руки, соблюдая осторожность. Шерсть у него — оранжево-коричневая сверху и серая на брюшке — удивительно густая и пушистая, хотя

очень нежная. Лемур все время занимался партерной акробатикой с воздушными полетами, используя для этого и лагерь, и его окрестности. По земле он скакал на задних лапках, как кенгуру, потом вдруг вихрем взлетал вверх, на отвесную стенку палатки, отскакивал от нее, словно резиновый мячик, долетал до другой стенки и «отражался» от нее на опорный шест, где и повисал вниз головой.

У этого животного есть родич примерно таких же размеров. Он называется галаго Аллена (*Galago alleni*) и довольно многочислен в лесах Камеруна; его мы повстречали позднее. У этого зверька совершенно необычные задние лапы: кости плюсны равны по длине бедру и голени, так что получается третий сустав, как у птиц. Эта особенность отличает всех галаго, но у галаго Аллена она особенно ярко выражена.

На своих замечательных лапках зверек может совершать громадные прыжки в кронах, а по земле он скачет, как кенгуру. Когда мы жили в хижине неподалеку от большой деревни, у нас оказалось несколько живых зверьков, и мы решили снять фильм об их способе передвижения и образе жизни.

Операция началась в присутствии двухсот любопытных африканцев-акунакуна. Эта бесплатная «массовка» прошла еще хуже, чем с толпой на киносъемках в Европе или в Америке. Африканцы не могли терпеливо дожидаться своего выхода, а лезли прямо на съемочную площадку, целиком закрывая не только фон, но и почти весь свет. Ко всем доводам они оставались глухи, а вождь, как нам сказали, убыл в «далекую-далекую страну».

Для того чтобы поддерживать какой-то порядок, я нанял дюжину добродушных широкоплечих намчи. Этих силачей через заднюю дверь впустили в дом и расставили возле обеих дверей и единственного окна. Прозвучала команда, и они высыпали из дома во все стороны. Так как

они оказались в самом центре расположения акунакуна, началось центробежное бегство. Дом стоял посреди большой поляны, местные жители разбегались кто куда, преследуемые намчи, и расчищенный круг быстро ширился.

Эти гонки развеселили обе стороны, и я искренне потешался вместе со всеми, как вдруг увидел, что несколько маленьких серых фигурок мчатся на полной скорости следом за намчи. Моя веселость мгновенно сменилась самыми мрачными чувствами — каково мне было стоять и смотреть, как обе наши «кинозвезды» исчезают в мельтешении четырех сотен ног бегущих врассыпную африканцев! Я и не пытался понять, что вынудило робких, пугливых маленьких галаго вести себя так отчаянно, я просто стоял столбом, разинув рот. И это тоже оказалось на редкость некстати, потому что наш персонал, увидев, что творится, вылетел из домика и с воинственными воплями понесся в погоню.

Тут я пришел в себя. Выкрикивая план операции для Джорджа и Герцога, я подхватил несколько сачков. Мы выскочили на площадку, готовые бежать в трех разных направлениях. Но не пробежали и десяти шагов, как все переменялось. За нами по пятам мчалась пара визжащих шимпанзе и насмерть перепуганная белка.

Казалось, все живое взбесилось. Шестью концентрическими кругами представители высшего отряда приматов, если не считать несчастную белочку, разбегались от центра площадки со всевозрастающей скоростью. И как ни странно, круги чередовались: преследуемые акунакуна, галаго и мы были разделены мчавшимися по кругу яростными преследователями.

Мы сообразили, что большинство наших животных каким-то образом вырвалось на свободу, и я принял решение: лемуров оставить на милость персонала, нам самим срочно ловить шимпанзе и белку. Поэтому я завопил:

«Стой!» — и мы окружили наших возбужденных и ярых преследователей. К несчастью, этот крик донесся не только до персонала, который тоже остановился, но и еще дальше, до намчи. Акунакуна, убежавшие без особой поспешности, мгновенно это поняли. Они к тому времени образовали круг диаметром с четверть мили.

Вот ужас так ужас!

Мы гнались за обезьянами, те мчались спасаться в свои клетки, персонал несясь нам на помощь, намчи повернули вспять, и акунакуна стали снова стягивать кольцо. Хотите верьте, хотите нет, но эта живая модель вселенной разбегалась и сбегалась два с половиной раза, пока ее концентричность не нарушилась. А когда это случилось, настал конец света и вавилонское столпотворение.

И во всем была виновата чертова белка. Ей надоело кидаться то назад, то вперед, и она решила бежать напрямик. Нас она миновала без труда — нас было слишком мало, и в лице нашего персонала она не встретила серьезного препятствия, а вот свалка, которую устроили намчи с галаго, едва ее не погубила. Уворачиваясь от жадных рук, она в конце концов вырвалась на свободу и нырнула в толпу акунакуна. Поднялся адский переполох. На белку навалилась куча мала из голых человеческих тел, и я уже решил, что белка пропала, во всяком случае как коллекционный экземпляр, но она чудом проскочила свалку навывлет и бросилась в ближайший лес — только мы ее и видели.

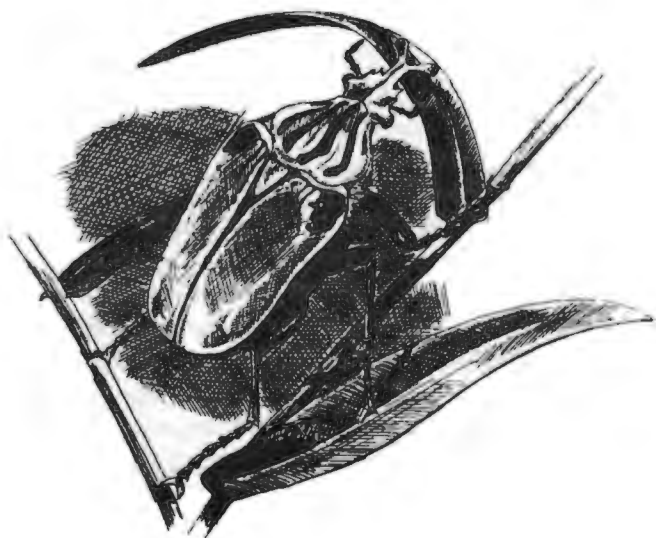
Теперь суматоха достигла высшего накала. Все металось и сновали вокруг, деревенская площадь превратилась в настоящий калейдоскоп. Нас учили, что молекулы газа, находясь в постоянном возбуждении, сталкиваются между собой миллиарды раз в секунду, — хотел бы я, чтобы физики оценили и наши скромные усилия. Вопили все, а громче всех — шимпанзе; кое-кто из молодежи,

вообразив, что это какой-то европейский танец джуджу, принялся бешено колотить в барабаны.

Но галаго не сдавались. Оказалось, что эти типично древесные животные чувствуют себя на земле как дома и прыгают так же, как лягушки и кенгуру. Если бы люди сразу остановились, галаго перестали бы метаться, отступив на несколько ярдов, но, чем быстрее за ними гонялись, тем шустрее зверьки уворачивались. Несколько из них даже пробежали через дом, а один промчался по столу, разметав во все стороны бумаги и стаканы с чаем.

Постепенно их переловили поодиночке и водворили в надежные клетки. Видимо, расшаталась передняя стенка общей клетки, хотя до сих пор остается тайной, как им удалось убежать сразу всем одновременно. Много часов спустя я узнал, что Герцог с завидным присутствием духа мирно сидел за небольшим кустиком у самой двери дома и деловито снимал каждого галаго, мелькавшего мимо него. Кадры оказались превосходными, и все детали, которые нам так хотелось видеть, получились как нельзя лучше.

Глава восьмая
НАСЕЛЕНИЕ ДУПЛИСТЫХ СТВОЛОВ

В лагере не оставалось ни души. В кои-то веки в полуденной тишине я устроился попить некрепкого чайку и поразмышлять о вечности. Это было исключительное событие, едва ли не один-единственный раз за все наше пребывание в Западной Африке мне представилась такая возможность. Из лагеря все разбрелись кто куда. Наши «снабжение» во главе с Джорджем — министром пищевой промышленности и общественного благосостояния — отправились в базовый лагерь, Деле расставлял новую линию ловушек подальше от лагеря, а препараторы, распростершись ничком на земле под деревьями, делали вид, что собирают пауков и многоножек, а сами явно наслаждались полуденной сиестой. Наконец водо-

нос убыл «хоронить бабушку», иными словами, на свидание к своей девушке. Вся наша живность притихла, дожидаясь сумерек, а животных в лесу вообще не было слышно, словно их там и нет.

На маленькую полянку лился неистощимый, почти осязаемый поток солнечных лучей. Громадные деревья безмолвно застыли вокруг. В нерушимой тишине мне едва ли не чудилось, что я слышу, как они дышат. Я пребывал в состоянии полного согласия с миром, насколько это вообще в человеческих возможностях, наслаждался ласкающим жаром солнца, красотой леса и полным одиночеством.

Так я пролежал, не двигаясь, больше часа, подставляя каждый кусочек своего тела солнечному теплу, отрешившись от всех мыслей, разве что иногда мысленно кивал головой в знак согласия с населением тропических зон: правильно, что они поселились именно тут. Когда приближаешься к состоянию райского блаженства на земле, все чувства, должно быть, начинают отключаться, поэтому в мой мозг с большим опозданием проникло сознание, что в неподвижном воздухе разносится какой-то приглушенный шум. Стоило приподнять голову, как он обрывался; собственно говоря, я и обратил на него внимание именно из-за того, что он прекращался.

Странное свойство звука меня озадачило — после того, как я убедился, что он мне не почудился. Я лениво пытался найти разгадку, перебирая в уме возможные источники подобного шума. Но в голову приходили только причины, никак не совместимые с природой тропического леса. То до меня доносился будто отдаленный бой барабанов, но слишком неровный для полной иллюзии, то глухое гудение, словно глубоко под землей шумела многолюдная толпа на политическом митинге.

Ага! Вот это точно: под землей. Я прижался ухом к мягкой земле — звук стал немного глуше. Меня все

больше разбирало нетерпение: надо же разгадать, что это за странное явление. Приложив к ушам ладони, сложенные чашечкой, я стал поворачиваться во все стороны, как живой звукоуловитель. Никаких динамиков здесь быть не могло, а звук, казалось, несся со всех сторон. Я даже вскочил и принялся ходить по полю — абсолютно безрезультатно.

Не знаю, сможете ли вы себе представить, до какого бессильного бешенства все это меня довело? В лесу полно загадочных звуков, но обычно все-таки удастся отыскать их источник. Правда, часто оказывается, что вы ошиблись, зато вас, по крайней мере до вечера, не мучает неразгаданный вопрос. А этот звук, назойливый, еле слышный, прерывистый, явно не поддавался определению. Выбившись из сил, я снова плюхнулся на свою подстилку, собираясь продолжить процедуру облучения ультрафиолетовыми лучами, и, поборов раздражение, устроился поудобнее, положив голову на толстый плоский корень, выпиравший из земли.

В тот же миг таинственный звук загремел в ушах, как целый оркестр. На смену неопределенному бормотанию пришли другие звуки: царапанье, шорохи, тонкое-претонкое потрескивание и совершенно непонятного происхождения шум — будто сажа валится вниз по трубе. Это было настолько неожиданно и необычно, что я сам не заметил, как оказался в сидячем положении.

Потом я распростерся на земле, лаская корень кончиками пальцев, прижимаясь к нему ушами и носом — частенько звук лучше осязаешь или вынюхиваешь, чем слышишь, — таковы уж свойства наших органов чувств. Убедившись, что нашел несомненный передатчик звука, я принялся ползать вокруг, пытаюсь обнаружить его источник, а это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Деревья высотой в две сотни футов, растущие в стране ураганов, должны крепко держаться за

землю, а там, где слой почвы тонок, корни могут простираться на громадные расстояния. Мой корень как раз уходил вертикально вниз. Пришлось полчаса копать, не жалея сил, пока я не дошел до его изгиба и не сообразил, в каком направлении двигаться дальше. Но и после этого предстояло отыскать нужное дерево примерно среди тридцати лесных гигантов, поэтому я решил приступить к систематическому обследованию всех деревьев при помощи «друга траппера».

Я стал подкрадываться к деревьям. Подобравшись как можно бесшумнее и с превеликой осторожностью к очередному стволу, я выслушивал дерево, прижавшись ухом к коре. Убедившись, что внутри все тихо, делал легкую зарубку на коре и крался дальше. Я уже отметил восемнадцать деревьев, как вдруг меня осенило: а что, если звуки доносятся из каких-то подземных переходов, которые пересекаются с корнями? Раздираемый сомнениями, я стоял в нерешительности как раз позади нашей палатки.

Без всякого вступления прямо возле меня раздалось сочное «плюх!». Я резко обернулся и успел заметить ржаво-рыжее облачко пыли, поднявшееся у подножия громадного дерева. Нырнув в окружавшие его кусты, я увидел, что внизу, в стволе, темнеет дупло, и стал вглядываться в густую тьму. Оттуда слышалось разноголосое попискивание и взвизгивания, кто-то шебаршил и возился внутри, гнилая древесина вместе с пылью непрерывным каскадом падала сверху и высыпалась из дупла. Таинственные звуки разом стали понятны. Должно быть, какие-то животные копошились в глубинах гигантского дуплистого дерева. Эта возня наверху обрушивала вниз нескончаемый поток трухи, кусков прогнившего дерева, комков мха и небольших сучьев, которые скапливались внизу аккуратной конической горкой внушительных размеров. Шум напоминал шурша-

ние многих тонн сажи, падающей вниз по колоссальной трубе. Совсем близко от меня были слышны тоненькие попискивания.

Я пришел в восторг от своего открытия и совсем позабыл поздравить себя с тем, что интуиция меня не обманула, но стоило разгадать одну загадку, как рождались другие. Какие животные поднимали там возню?

Тут в лагерь явился Фауги — он уже набил все пробирки пауками и прочей мелочью. Я посвятил его в свою тайну и послал в лес вызывать всех при помощи диковинного телеграфа, изобретенного охотниками. То ли из-за густоты леса, то ли из-за прихотливого расположения деревьев, но вы можете видеть человека в просвет между стволами и звать его, пока не надорветесь, а он не услышит ни звука. Единственный звук человеческого голоса, который может разнестись по лесу, — пронзительный, протяжный, вибрирующий вопль высоким фальцетом. Этот клич и взмыл теперь ввысь среди деревьев, сразу же вызвав отклики с разных сторон. Через несколько минут нас оказалось уже семеро, и я поведал всему отряду о своем открытии.

Фауги и Басси были откомандированы на ближайшую поляну за охапками сухой травы, а остальные принялись дружно расчищать пространство вокруг пустотелого колосса не только от подроста, но и от многочисленных деревьев. Это был титанический труд — при помощи длинных ножей и «друзей траппера» нам нужно было свалить множество деревьев толщиной не меньше среднего дуба в английском парке, чтобы они не заслоняли нам крону гиганта. Вдобавок приходилось опасаться, что какое-нибудь дерево обнаружит склонность свалиться и обрести покой на месте нашего лагеря. Мало того, листва наверху сплелась в такой плотный и густой полог, что приходилось посылать наверх тех, кто полегче, срезать лианы, чтобы дерево вообще могло

упасть. Подчас дерево, подрубленное под корень, оставалось стоять, держась лишь на петлях лиан.

Когда Фауги и Басси вернулись с громадными охапками сена, у нас уже была расчищена широкая площадка, посередине которой в печальном одиночестве возвышался лесной колосс.

— Неси много зеленый листья, — крикнул я, и все бросились резать охапками зеленые ветки, нагромождая их у подножия дерева. Я же тем временем доставил ружья, боеприпасы, банки с керосином и приготовил сети.

В разгаре нашей бурной деятельности явился довольный Джордж, замыкавший небольшую цепочку носильщиков, нагруженных самыми разнообразными товарами, кудахтающей птицей и прочими съестными припасами. Я радостно сообщил ему о своем открытии, о всех приготовлениях и планах действий. Джордж включился в дело со свойственной ему готовностью, и вот работа снова закипела у подножия громадного дерева.

Прежде чем описывать дальше все, что тогда происходило, хочу разъяснить одно обстоятельство. Мне не раз случалось и в прошлом слышать суровые обвинения в жестокости. Я прекрасно понимаю, почему защитники животных впали в такую ошибку, ведь они привыкли (а может, и не привыкли) к европейским лесам и деревьям. Но в том-то и дело — и я все время это подчеркиваю, — что тропические леса на наши абсолютно не похожи. Громадное дерево, в котором затаились животные, поднималось в такую высь и было увенчано такой чудовищной кроной, что не меньше трети его было недосыгаемо для выстрела с земли, а большая часть ствола и сучьев вообще была не видна. Ствол тянулся гладкой ровной колонной на высоту примерно в двести футов, и все дыры или щели, через которые можно было выбраться из дупла, похожего на трубу,

располагались либо у подножия, либо у основания гигантских сучьев на громадной высоте. Кроме того, у нас было всего два ружья, поэтому приходилось стоять прямо под деревом — иного выбора просто не было. Так что шансов на спасение здешние животные, несомненно, имели намного больше, чем какой-нибудь фазан в «спортивной» Англии.

Подножия деревьев в африканских лесах часто представляют собой звезду, состоящую из громадных, нередко превышающих толщину тонкой кирпичной стенки лопастей, которые тянутся вверх футов на двадцать, где сливаются со стволом, оттуда они спускаются к земле, расходясь на много ярдов друг от друга. Эти структурные элементы несут такие же функции, что и контрфорсы соборов или центральный брус Т-образной балки. Основания самых больших деревьев сплошь состоят из лопастей, расходящихся по радиусам во все стороны. В образованную двумя лопастями треугольную камеру можно свободно загнать грузовик. И большинство деревьев внутри выкрошились настолько, что от них остались одни оболочки, гораздо более тонкие, чем стенки фабричных труб.

Но наше дерево скрывало свою пустотелость — ее выдавала только дыра у самой земли диаметром чуть больше полуметра. Поэтому, прежде чем начинать операцию по выкуриванию, нам предстояло увеличить отверстие, а это не пустяк, если учесть, что древесина едва ли уступает по прочности алюминию. То, что для гигантского дерева всего лишь скорлупа, может оказаться крепостной стеной для жалкого человечка с ножом и топориком, — и дерево нам это наглядно доказало. Наконец мы пробили достаточно большую брешь, положили аккуратную кучку сухих палочек на верхушку пирамидальной горки сухого древесного сора, насыпавшегося сверху, из громадного дупла. Щедро полили все

это керосином и прикрыли сверху слоем влажной зеленой листвы. Затем был дан сигнал отходить всем подальше. Мы разошлись по своим местам и встали вокруг дерева, но на таком расстоянии, чтобы видеть как можно большую часть кроны над головой.

Облитые керосином щепки подождли. Убогий огонек задрожал и угас еще до того, как появился первый дым: лесное дерево загорается неохотно. Но все же удалось разжечь настоящий огонь, густые клубы дыма повалили от зеленых ветвей и за клубились вверх. Тут все и началось.

Наша операция сильно смахивала на вскрытие гробницы египетского фараона. Вас не покидает чувство, что вы совершаете святотатство — попираете священную землю, нарушая покой владыки, и вас слегка трясет — то ли от страха, то ли от неудержимого любопытства.

За столбом горячего воздуха, поднимавшегося по гигантской трубе, вверх устремились и клубящиеся облака дыма, а мы стояли в напряженном ожидании, положив большие пальцы на предохранители ружей. Только один Бен, наш главный «хранитель огня», приплясывал возле дерева, пытаясь справиться с куском проволоочной сетки, которую необходимо было держать над огнем — зачем, вы очень скоро поймете. В эти минуты полного молчания, нарушаемого только треском огня, все мы, должно быть, ощущали одно и то же. Никто не пошевелился. Минуты шли. То здесь то там сквозь листву стали пробиваться струйки голубоватого дыма. Мы ждали.

Внезапно дерево словно прорвалось с обоих концов. Из дупла вылетел целый заряд пыли и сухой древесины, и я мельком увидел, как Бен нырнул прямо в струящийся вверх столб дыма. В ту же секунду кто-то с другой стороны дерева завопил, что видит «мясо». Я метался, спотыкаясь о пни, пытаясь рассмотреть, что

там такое, но мне мешали и громадная высота, и густая листва, и мое слабое зрение. Затем прозвучал выстрел Джорджа.

Он послужил сигналом к общему исходу. Что-то возникло сбоку от меня и помчалось по громадному стволу, как по футбольному полю. Я выпалил, но животное было вне выстрела и тут же нырнуло в какую-то подвернувшуюся щель. Затем выскочила тройка животных. Я снова выстрелил. На этот раз одно из них сорвалось и поплыло по воздуху, плавно снижаясь прямо в лес. Я выпалил вслепую и, как водится, промазал. Теперь вокруг нас разнообразная живность буквально сыпалась дождем. Ружье Джорджа гремело не умолкая, Басси, Фауги и прочие носились вокруг, хватая животных, которые сбегали вниз по стволу и спрыгивали на землю. Бен работал не за страх, а за совесть, окунаясь с головой в дым, выхватывая животных, упавших на проволочную сетку, и засовывая их в мешок.

Что-то маленькое, серенькое вынырнуло из дупла с моей стороны и начало носиться зигзагами. Я сбил его верным выстрелом, и оно свалилось к моим ногам. Но не успел я разобрать, что это такое, как откуда ни возьмись вылетела целая куча каких-то крылатых бес-тий и принялась кружиться над вершиной дерева. Дым добрался до самого верха и выкурил колонию летучих мышей. Мы палили вовсю, но лишь несколько из них оказались в пределах досягаемости выстрела. А дерево все продолжало изрыгать своих таинственных обитателей, хотя огонь давно погас, пожрав и зеленые ветки, и нашу растопку.

Вдруг совсем невысоко появился шипохвост. Выглянул из-за ствола и стал пробираться ко мне. Он был достаточно близко для верного выстрела, и я решил посмотреть, что он будет делать. Я был щедро вознагражден за терпение. Сначала зверек стал карабкаться

вверх по стволу совершенно замечательным образом: вместо того чтобы переставлять лапки по очереди, в четыре темпа: раз-два, три-четыре, как все другие

зверюшки, он заносил обе задние лапки вперед разом, так что спинка у него горбилась, как у гусеницы-пяденицы, а затем сразу отпускал обе передние лапки и перехватывал ими выше. Задние лапы снова одновременно подтягивались, и так далее.

Наконец-то я нашел разгадку удивительных шипиков у основания хвоста шипохвоста, напоминающих зубы! Если бы животное не загоняло их в кору синхронно с коготками задних лап, то оно непременно свалилось бы с дерева назад, как только отпустило бы сразу обе передние лапки. Хвост вместе с задними лапками образует треногу, отличный кронштейн, с помощью кото-

рого зверек прочно удерживается на вертикальной плоскости. И этот трюк ему совершенно необходим, ведь покрытые шерсткой перепонки, протянутые от его шеи к запястьям, а оттуда к задним лапкам и, наконец, к основанию хвоста, настолько туго натянуты, что, если бы зверек попробовал ходить, как остальные звери, его уникальная, но непрочная летательная конструкция очень скоро превратилась бы в лохмотья.

Забравшись вверх на несколько ярдов своим пяденичным способом, зверек внезапно, словно вальсируя, перевернулся головой вниз. Он подобрал задние лапки, я было подумал, что он собирается спускаться по стволу, но нет — он оттолкнулся от дерева и поплыл по воздуху над расчищенной нами поляной напрямик к другому дереву. Выгнувшись, как зонтик, он летел стремглав на гладкий, жесткий ствол. Я затаил дыхание, не сомневаясь, что стал свидетелем подлинного самоубийства. Однако в самый последний момент, когда голова была уже намного ниже, чем хвост, зверек внезапно весь извернулся, мягко приземлился на все четыре лапы на отвесный ствол дерева и тут же снова шустро полез вверх, как гусеница-переросток.

Когда извержение «мяса» более или менее резко оборвалось, мы воспользовались передышкой, чтобы вновь развести огонь. Такой перерыв в огненном штурме — в тот раз непреднамеренный — мы потом ввели в наш распорядок действий как специальный маневр; при вторичном поджоге дерево покидали существа совсем иного рода. Это были мелкие живые существа, которые обитают в непроглядной тьме в самых дальних закоулках гнилых сучьев, откуда выбраться можно только через главное дупло, превратившее ствол в пустую трубу. Если бы огонь горел непрерывно, вся эта злосчастная мелочь, не выходя наружу, как их пушистые сожители, забивалась бы все дальше и дальше в

глухие тупики и в конце концов погибала бы там. Нужно только сразу напустить дыму в дупло, а потом ждать, пока животные сами не выйдут из него, очевидно полагая, что их дерево охвачено мировым пожаром. Те деревья, которые падали на землю после того, как мы их подрубали и поджигали, всегда были совершенно лишены обитателей — разве что дым куда-то не добрался.

Мелкие существа выбирались ползком по стенкам дупла и вылезали прямо нам под ноги. Это были змеи, гигантские улитки, несколько ящериц-гекконов, украшенных броскими черными и темно-серыми полосами вперемежку с кремовыми линиями, и множество самых диковинных существ на земле, которых ученые называют *Amblypygi*, или жгутоногие пауки.

Раньше я говорил, что из всех дурно пахнущих, злобных тварей, обитающих в Западной Африке, землеройка самая свирепая. Теперь я добавлю, что все остальные подобные эпитеты следует отнести на долю ползучего паучьего отродья. Тем, кто питает личную неприязнь или отвращение к паукам, лучше вовсе не видеть этих амблипиг. Они совершенно плоские, размером со среднюю монету и круглые, как лепешки. Четыре пары ног, всегда загнутых вперед, у крупных экземпляров покрывают площадь чайного блюдца. Кроме истинных ног у них есть еще пальпы, или ногочелюсти, невероятной длины. Они усажены по всей передней (или внутренней) стороне двойным рядом острейших шипов и зубьев, всегда согнуты под углом и действуют как пара страшных ножницеобразных челюстей. Мало того, первая пара истинных ног вытянута в тонкие «жгуты», более чем вдвое превосходящие длиной все остальные конечности. Эти существа ползком подкрадываются в темноте, размахивая перед собой «жгутами», и стоит им наткнуться на какое-нибудь злосчастное насекомое, как они молниеносно бросаются и хва-

тают его своими пальпами, как зубьями капкана. И бедняге уже не освободиться от этих объятий, пока из него не высосут все соки, а с ними и жизнь. Для нас маленькие чудовища стали легкой добычей — они вываливались наружу, ослепленные непривычно ярким светом и подравленные дымом.

Когда мы еще раз разожгли огонь, животных внутри ствола уже не оставалось, и выкуривать было некого. Немного подождав, мы глупейшим образом удалились, унося с собой добычу, чтобы рассмотреть ее на площадке посреди лагеря. Эта импровизированная выставка была так богата, что у любого зоолога потекли бы слюнки. Для начала там набралось штук двадцать амблипиг, среди них самка, набитая яйцами, и мамаша с потомством — крошками размером с мелкую монетку. Далее пара змей, совершенно новых в нашей коллекции, полдюжины гигантских улиток конической формы и полная бутыль полосатых гекконов. Затем четыре летучих мыши и целая стайка небольших серых зверьков размером с домашнюю крысу, от которой их отличали широкая голова и длинный пушистый хвост. Это оказались два вида гигантских древесных сонь (*Graphiura*).

Сони — представители самой необычной группы животных. В систематике она располагается где-то между белками и крысами. Большинство сонь обитает в тропических лесах; у них пушистые хвосты, и сами они намного крупнее европейских. Те два вида, которые попались нам, были ровного серого цвета, одна побольше и с голубоватым оттенком, другая отливала розоватым. Это поразительно красивые зверюшки и всегда ослепительно чистые.

Рядом с сонями (графиуридами) на столе лежала белочка, которую мы тут же окрестили «расписной». Мордочка и брюшко были у нее огненно-оранжевые, а спинка переливалась ярким зеленым блеском. Пуши-

стый хвост, похожий на плюмаж, распадался на две стороны по горизонтали, как птичье перо, и шерсть была наполовину оранжевая (ближе к коже), наполовину коричневая. Впоследствии мы узнали, что эта полосатая белка (*Funtsciurus auriculatus*) ведет ночной образ жизни, а днем прячется в дупле.

Наконец, у нас были три шипохвоста Фрезера и тот зверек, который у меня на глазах улетел с дерева. Это

был тоже шипохвост, но совершенно другой разновидности: по окраске он почти не отличался от настоящей белки. Серебристый шипохвост (*A. beecrofti*) — един-

ственный из шипохвостов, ведущий дневной образ жизни. Его шелковистая шкурка была ярко-зеленой сверху и самого насыщенного золотого цвета, какой только можно вообразить, — понизу. Немного спустя мы поймали живьем еще одного такого шипохвоста и были вознаграждены удивительным и необъяснимым открытием: каждый вечер, как только стемнеет, его ярко-зеленая шерстка становилась пестровато-серой, а золото превращалось в красновато-оранжевый цвет. Мы было подумали, что все дело в оптической иллюзии, порожденной светом ламп, а потом решили, что это два разных вида, сильно отличающиеся по окраске. И только после того, как зеленое с золотом животное, убитое ночью, наутро при дневном свете оказалось серо-оранжевым, мы разгадали загадку.

Кроме разложенных по столам охотничьих трофеев у нас имелся улов живых пленников. Среди них были не только вышеперечисленные животные, не считая летучих мышей, но и еще два вида белок: одна длиной больше шестидесяти сантиметров, бурая с пестринкой и с почти голым брюшком, а вторая, поменьше, — зеленовато-бурая с серым оттенком сверху и серовато-желтая снизу — масличная белка (*Protoxerus stangeri*) и гамбийская солнечная белка (*Heliosclurus gambianus*).

Мы очень увлеклись и были в полном упоении от своей удачи, поэтому заметили грозящую нам опасность слишком поздно. Впопыхах, да и просто по невежеству, мы оставили огонь у корней дерева. Услышав оглушительный рев, мы бросились назад — посмотреть, в чем дело. Все дерево изнутри занялось пламенем; раздутое тягой, образовавшейся в стволе, как в гигантской трубе, пламя факелом рвалось из вершины дерева. Мы быстро прикинули, куда оно может упасть, и поспешили перенести подальше самые непрочные постройки нашего лагеря.

Два дня и две ночи пламя гудело и ревело в пустом стволе, хотя с самого начала он казался тонким, как скорлупка. И когда в глухую полночь наступила развязка, мы уцелели только по Божьей милости. Дерево грянулось оземь, сбив ряд других деревьев, словно строй кеглей. Упало оно в нашу сторону, от нас бы и мокрого места не осталось.

Когда мы узнали, что в деревьях таятся самые ценные для нас животные, мы принялись систематически обследовать лес. Наш траппер, расставлявший ловушки, получил указание отмечать зарубками дуплистые деревья, которые попадутся ему при ежедневных обходах; коллекторов, прочесывавших лес в поисках мелких животных, снабдили ножами, чтобы вырезать кресты на коре деревьев. Все эти деревья мы нанесли на самодельную топографическую карту нашего района и обрабатывали их по очереди. Каждое дерево занимает в моей памяти особое место; каждое задавало нам новые задачи и было само по себе целым открытием.

Множество деревьев, которые мы подвергали операции выкуривания, оказались необитаемыми, а другие вознаграждали за труды одной-единственной белочкой. Но у каждого дерева нам приходилось терять часы драгоценного времени на вырубку и расчистку окружающей растительности.

Одно дерево запечатлелось в моей памяти особенно ярко. Подобно многим нашим самым удачным находкам, оно было совсем рядом с лагерем. Утро выдалось суматошное. Накануне я не спал до полчетвертого утра, разбирая богатый улов, собранный с ловушек, поэтому мне было решительно не до африканских шуточек. С самого рассвета я работал в противомоскитной палатке. Вокруг кипела обычная хозяйственная жизнь, но часам к десяти я все чаще стал обращать внимание на Гонг-гонга, слонявшегося без дела. Я безжалостно прогнал

его и снова с головой зарылся в бумаги. Через несколько минут он был опять тут как тут.

— Какого черта тебе надо? — зарычал я на него.

— Я найди дерево, хозяин, — последовал неожиданный ответ.

Надо сказать, что Гонг-гонгу было не больше двенадцати. Несколько недель назад я обнаружил его у нас на кухне и не сразу понял, что это прирожденный лидер и будущий ангел-хранитель нашего очага. Ждать пришлось недолго, пока он потихоньку не утвердился в этом качестве. А в то время я еще считал его всего-навсего ловким мальчишкой на побегушках и поэтому пренебрег ценной информацией, коротко отрезав:

— Ладно, потом поглядим.

Тем дело и кончилось.

Однако в положенный час нам не был подан ленч. Выяснилось, что повар не может оставить уже готовый омлет ни на минуту в силу разнообразных и, по понятию африканца, уважительных причин. Гонг-гонг, добившийся не без расчета привилегии подавать нам на стол, куда-то исчез. После этой небольшой забастовки мы получили долгожданную пищу, и я разослал нашу малочисленную армию на поиски дезертира. Не успели прозвучать первые призывные крики, как совсем рядом раздался ответ. Но тон его вывел меня из себя. Маленький бесенок звонким голосом требовал из-за деревьев, чтобы к нему немедленно бежали! Я смотрел на это иначе и послал Фауги притащить зарвавшегося юнца. Но когда и сей достойный джентльмен словно сквозь землю провалился, хотя я звал его во весь голос, я решил расследовать дело лично и вышел, переполненный чувствами самого непечатного характера.

Я наткнулся на них — они препирались о чем-то у подножия лесного великана, склонившегося над маленькой долиной под углом сорок пять градусов.

— Ах вы!.. Не слышите, что вас зовут! — заорал я на них.

— Хозяин! — захныкал Гонг-гонг, обливаясь слезами.— Это мое дерево!

Должен признаться, что его нежный возраст и безысходное горе, написанное на плутовской физиономии, немного меня смягчили.

— Там что, есть мясо? — спросил я у Фауги.

— Да так... Я-то никого не слышишь...— Фауги начинал мяться, как всякий житель Западной Африки, когда он слегка озадачен. Он сунул голову в небольшое дупло у основания дерева и прислушался.— Нет,— еще раз уверил он меня,— ничего не слышно.

Я обрушился на Гонг-гонга, но тот рассыпался в слезных, прерываемых икотой уверениях, что «мясо» внутри обязательно есть.

В конце концов я заключил с ним соглашение: мы подкурим дерево, но, если «мяса» там не окажется, я его выгоню, а если там будут ценные животные, то разрешу остаться, но причитающийся каждому нашедшему «выигрышное дерево» подарок («даш») он не получит. Договор имел поразительный эффект. Гонг-гонг едва не лопнул от восхищения и лично возглавил отряд по снабжению сухой травой.

Пока мы стояли вокруг дерева, дожидаясь, когда дым заполнит дупло, нам казалось маловероятным, что оттуда хоть что-нибудь покажется, но мы глубоко ошибались. Зато Гонг-гонг делал вид, что знал все заранее.

Как только дым добрался до дыр на верхушке дерева, отовсюду стройными рядами стали выходить армии маленьких существ. Они расползались по стволу и крупным сучьям, и я сначала принял их за мышей или мелких древесных крыс. Они выскакивали из щелей и ныряли обратно. Как вдруг, словно по сигналу, все они бросились прочь от дерева. Целая куча мала нападала

на проволочную сетку над огнем, остальные же полетели по воздуху.

Дым поднимался клубами из кроны дерева, и оттуда вылетали маленькие черные существа, которые неторопливо плыли по воздуху прочь, как хлопья сажки или клочки сгоревшей бумаги. В их спокойном парении не было ничего похожего на головокружительные прыжки перепуганных шипохвостов. Они просто плыли по воздуху, скользя в сторону ближайших деревьев.

И тут вдруг я понял, что это зрелище до нас, быть может, не видел никто, кроме африканцев, да и то немногих. На наших глазах колония планирующих мышей (*Idiurus*), редчайших животных, совершала среди бела дня маневры, которые испокон веков выполняла только глубокой ночью; такой способ ускользать от опасности отточен до совершенства, и именно поэтому зверек оставался неизвестным до недавнего времени.

Крохотные грызуны в систематике занимают место рядом с шипохвостами, но близких родичей у них нет. По размеру они не больше домово́й мыши и одеты в шелковистую шерстку. От передних лапок к задним и дальше, к основанию хвоста, протянута тонкая перепонка, как у летяг, а от локтя оттопыривается тонкий хрящевой стерженек, по длине равный предплечью, — все вместе увеличивает площадь «крыла». Когда животное находится на твердой, точнее, на нетвердой опоре — ведь кроны деревьев ненадежны, — распорка парашюта складывается вдоль заднего края предплечья, в воздухе она слегка отклонена назад.

Хвост планирующей мыши, наверное, самая паразитальная из структур, которые встречаются у млекопитающих, если не во всем животном мире. Хвостик длинный и похож на мышинный, но снизу от основания до самого кончика идут два параллельных ряда очень коротких жестких волосков. Эти ряды разделены узким

продольным пробормом и слегка распадаются на обе стороны — как носовые буруны корабля. По остальной поверхности хвоста, то есть сверху и с боков, в некотором беспорядке разбросаны необычайно длинные и удивительно тонкие волнистые волосики. Они несут две функции, которые, насколько мне известно, еще никогда ранее не описывались.

Жесткие щетинки на нижней стороне хвоста направлены слегка назад и работают точно таким же образом, как шипы-чешуйки на хвосте шипохвоста. Длинные волоски верхней части служат для рулевого управления в полете. Теперь стало понятно, почему на наших глазах зверьки не только скользили прочь от дымящегося дерева, но и вертелись и поворачивались в воздухе в любую сторону, будто в настоящем полете, как у птиц. Объяснилось и то, как они ухитряются садиться на стволы деревьев вниз головой — такой трюк для шипохвоста совершенно невыполним. Я еще не уверен, что и усики не служат дополнительным средством управления полетом.

Улов с этого дерева подтвердил, что два совершенно определенных вида — *I. macrotis* и *II. zenkeri* — могут обитать вместе в полном согласии. Один вид чуть крупнее. В отличие от шипохвоста *Idiurus* бегают обыкновенным образом, как показал фильм, который мы сняли впоследствии.

Это был счастливый день: он подарил нам не только самые драгоценные трофеи, но и незаменимого Гонг-гонга.

Глава девятая
**НА САМОМ ВЕРХУ. ПОТТО И АНГВАНТИБО.
ГАЛАГО ДЕМИДОВА.
ОКРАСКА ОБИТАТЕЛЕЙ КРОН**

Бывают же чудеса на свете! Однажды, холодным туманным утром, я проснулся совершенно самостоятельно, честное слово! Взглянул сквозь противомоскитную сетку и за откинутым полотнищем палатки увидел мир, в котором дневной свет все еще силился одолеть царство ночи. Еще не проснувшись хорошенько и не переставая удивляться самому себе, я выполз на свет Божий, как бескровная бледная личинка из-под ствола дерева. Джордж мирно почивал, окруженный туманным ореолом своей противомоскитной сетки.

Мир казался совсем иным — он только возникал в серости и шорохе капель из быстро рассеивающегося

тумана. В такой ранний час царила глубочайшая тишина, похожая на полуденное затишье. Все застыло в неподвижности, каждый звук рождал приглушенное эхо, от которого мороз подирал по коже. Прихватив ружье и горсть патронов, я вошел в этот туманный мир, как в воду, ощупью продвигаясь среди едва различимых стволов деревьев.

Какие-то мелкие существа просыпались вокруг меня. Вдруг я едва не упал, наткнувшись на создание потяжелее — оно с треском убралось в густую чащу кустарника, пыхтя, как паровоз. И вдруг откуда-то сверху раздался звон громадного гонга.

Я принялся подкрадываться к этому источнику звука. Туман быстро рассеивался, и я высматривал певца в вышине среди ветвей. Звук, казалось, ускользал, но через несколько минут листва зашевелилась, выдавая присутствие неведомого животного. Затем высоко над моей головой на большой сук трусцой выбежало нечто смахивающее на таксу. Не успел я прицелиться, как оно скрылось за стволом, и мне пришлось ждать, пока оно не выглянет с другой стороны.

Когда оно снова появилось, силуэт совершенно изменился. Хотя животное оставалось по-прежнему длинным и коротколапым, откуда-то у него взялся роскошный пушистый хвост, завернутый вперед, над спинкой. И тут зверек встал столбиком, да как бумкнет — только эхо раскатилось по лесу! Я выпалил, и зверек с глухим стуком упал на высланную мертвой листвой землю. Подобрав трофей, я удивился — это была крупная масличная белка (*Protoxerus stangeri*). Еще более неожиданным было то, что рядом с ней лежала большая лягушка в довольно плачевном состоянии. Я подумал: не успеешь разгадать одну тайну, как за ней сыплются на голову другие.

Значит, это белки бумкают, как гонги! И хотя мы до сих пор не понимаем, как они производят такой

звук, я почувствовал, что узнал нечто очень важное. А вот при чем тут лягушка? Есть ли между ними какая-то связь?

Не откладывая, я вскрыл и обследовал желудок белки. Там обнаружилась, как и следовало ожидать, горстка непереваренных орехов и плодов, и ни намека на лягушек. Оставался один вывод: видно, лягушка — просто случайный, дополнительный дар свыше, вроде довеска. Этот дар заставил меня задуматься, и мне захотелось взобраться туда, в стихию вознесенных над землей существ. А почему бы мне не посмотреть своими глазами, как они там живут?

Мечта добраться до животных, обитающих в самом верхнем ярусе леса, с того дня совсем поработила нас; мы долго спорили, составляя идиотские планы и пытались осуществить самые смехотворные прожекты, пока не добились успеха. И, как часто бывает, избранный нами метод оказался до невероятности простым. Наткнулись мы на него чисто случайно — по крайней мере я так считаю.

В английских колониях и протекторатах существует закон, предписывающий местным охотникам и прочим лицам иметь ружья только строго определенного образца. Местное их название — «самострельные машины», и оно неплохо придумано, если вспомнить, какое множество раз адские орудия обращались против собственных владельцев. Хорошее современное ружье или винтовка в руках опытного местного охотника считаются сверхопасными — по каким причинам, политическим или чисто физическим, мы так и не смогли дознаться. Африканцам дозволено иметь старинные ружья, заряжающиеся с дула на манер мушкетов, они отличаются неимоверной длиной, допотопной конструкцией и еще многими сомнительными достоинствами.

Бесспорно одно: они чаще грозят увечьем или смертью охотнику, чем дичи. Эти свойства усиливаются еще от того обращения, которому подвергается оружие, и,

главное, от способа чистки адских устройств. На ночь их ставят вертикально, дулом вверх, заливают доверху четырехфутовый ствол кипятком, а в отверстие крепко забивают пробку. И так продолжается годами; остается только удивляться, каким чудом они вообще не рассыпаются в прах.

Во-вторых, так как все они заряжаются с дула, пороху туда можно засыпать сколько взбредет в голову и забить что угодно в качестве пыжа. Сверху досыпается любое количество дробы. Поскольку дробь любого калибра стоит дорого, а гальки и рубленых старых гвоздей сколько угодно и задаром, ясно, что бережливые и здравомыслящие африканцы норовят свернуть на узкий и тернистый путь.

Это приводит к тому, что спустя некоторое время заряд может вырваться на все пять, а то и шесть сторон и лететь куда попало: на север, юг, запад, восток и в любом другом направлении под прямым углом к указанным! С трех сторон есть заслон в виде той или иной части тела владельца, с остальных возможно поражение левой руки стрелка или наконец намеченной цели. Итак, когда ружье разражается выстрелом, неприятности почти неминуемы.

К нам привели жертву одного такого несчастного случая: у почтенного охотника необъяснимым образом оказались разукрашенными шрамами правое предплечье, грудь, лицо и обе руки, а главное, поранен глаз. Раны были по три дюйма длиной, вздуты, как небольшие вулканы, и забиты несгоревшим черным порохом. Мы сделали все, что могли, и каким-то чудом, поскольку мало смыслили в медицине, сумели спасти глаз, но избавить пострадавшего от пожизненных шрамов и непрошеной татуировки мы были бессильны.

В результате изучения «анатомии, физиологии и поведения» этих мушкетов мной был издан строжайший закон: держать их на расстоянии не меньше трехсот ярдов от нашего лагеря.

Но время шло. Мы все больше постигали образ жизни окружающих нас животных, все больше сживались с нашими помощниками-африканцами, и я стал понимать, что мы теряем громадные возможности, не мобилизуя местное население на сбор коллекций. Содействие и помощь вождей и множества мелких тайных обществ дали результаты, на которые нам самим рассчитывать не приходилось. Но здесь имелись свои ограничения — сфера их влияния распространялась только на деревни и близлежащие охотничьи угодья. Покупка мелких живых существ у самых юных представителей африканского общества тоже была ограничена. Поэтому мы поощряли регулярные вылазки охотников с мушкетами, гарантируя им покупку по высокой цене любой добычи — или для коллекции, или для котла.

Но существовало одно препятствие: получив хорошую цену за хорошую добычу, ни один африканец не отправится в дальний поход, пока не истратит все деньги. А так как деньги можно вложить и в покупку жены, которая обеспечит его всеми удобствами, возрастающими в геометрической прогрессии, то опасаться следующего «несчастливого стечения обстоятельств» у охотника не приходится. Кроме того, вам редко удастся залучить его на постоянную работу: для этого он слишком важная персона и прекрасно сознает свою экономическую независимость.

Таким образом, нам, как в Древнем Египте, ничего не оставалось, кроме как положиться на «преданных рабов». После длительных размышлений и копания в недрах своих душ мы с Джорджем решили: может быть, власти посмотрят сквозь пальцы на то, что мы только разок одолжим наши ружья Басси и Бену, особенно если те умудрятся не перестрелять друг друга.

В тот же вечер мы занялись составлением каталогов и прочей писаниной. В лагере стояла тишина, а Бен и

Басси уже давно растворились в ночной тьме, прихватив ружья и фонарь.

Вдалеке прогремел одиночный выстрел, и почти сразу же за ним последовал дуплет из обоих стволов. Небольшая пауза, и выстрелы загрели снова. Это продолжалось без перерыва, пока я с тоской не стал поглядывать на свое осененное противомоскитной сеткой ложе. Канонада не умолкала. Всем нам не терпелось взглянуть на богатую добычу, которую, очевидно, обещала наша новая идея, так что я решил ускользнуть из лагеря, чтобы принять участие в счастливой охоте.

Я взял запасной электрический фонарь, тайком прокрался за пределы лагеря и вскоре уже пробирался среди деревьев и лиан в том направлении, откуда все еще доносились одиночные выстрелы. Чтобы не налететь на деревья, приходилось то и дело включать фонарь. То тут то там вспыхивали пары горящих глаз, а то и единственный глаз сверкал во тьме. Увидев их, я каждый раз замирал. Эти небольшие холодные и одинокие глаза оказались чистым наваждением. Иногда блестела капля воды или древесного сока, отражавшая свет, иногда сверкали глаза пауков или насекомых. Громадные фасетчатые глаза мелких существ могут отражать такое же количество света, как и глаза крупных зверей, а некоторые из них вдобавок еще и светятся сами.

Я был еще довольно далеко от места, откуда донесся последний выстрел, когда услышал, как множество животных с шумом пробираются по деревьям над моей головой: должно быть, они спешили убраться подальше от опасности. Я направил луч фонаря вверх, надеясь увидеть их хотя бы мельком.

Подняв взгляд за лучом фонаря, я замер от восхищения: прямо над моей головой, уцепившись за ветку, висело существо самого забавного и неизъяснимо трогательного вида. Те, чье детство прошло среди плюше-

вых мишек, поймут мой восторг. Это прелестное создание висело спиной вниз, а любопытная круглая мордочка смотрела на меня. Оно было так близко, что мне оставалось только наблюдать затаив дыхание, как оно облизнуло свой розовый нос таким же розовым язычком. Тело у него было крепко сбитое, коричневое и мохнатенькое. Зверек несколько раз моргнул от яркого света, потом принялся старательно перебирать лапками, двигаясь по ветке к стволу все еще вверх ногами, как ленивец. Вполне естественно, что мне захотелось влезть поближе к этой очаровательной лесной игрушке, а может быть, даже изловить ее — как я по глупости полагал.

Взбираться вверх было не так просто, хотя на дереве чудом оказались даже сучья, по которым можно было влезть. Я карабкался на дерево с трудом: нужно было держать зверька все время под лучом фонаря, чтобы тот не скрылся в гуще листвы; все мероприятие превратилось в гонки между мной и потто (а это, без сомнения, был именно потто): кто первый доберется до развилки между суком и стволом. К моему глубокому сожалению, я оказался первым.

Когда я появился перед ним верхом на суке, зверек сообразил, что лезет прямо в западню, и перебрался на верхнюю сторону сука, где и утвердился на четырех лапках, как положено всем животным. Он стал неуклюжим и совсем не таким уж очаровательным. Его большие ступни и кисти были вывернуты наружу, как у древнего старичка ревматика, а голова опущена — точь-в-точь как у разъяренного медведя. С расстояния всего в несколько футов я отлично видел пробор в шерсти вдоль его спины и ряд острых шипов, торчащих вдоль шеи. Я знал, что это выходящие наружу прямо через шкурку остистые отростки шейных позвонков, похожие на костяные иглы. Но тогда я еще не знал, что животное может управлять мохнатой шкуркой вокруг

этих выростов, смыкая или раздвигая мех так, что шипы скрываются или обнажаются по его желанию. Не знал я и того, на что способно это животное, пока не увидел своими глазами.

Потто встал на задние лапки, сложив передние, как для молитвы, потом внезапно словно переломился пополам так, что голова оказалась спрятанной между согнутыми задними лапами. Если бы в тот момент на него кто-то напал, стремясь вцепиться ему в горло, то противник тут же был бы пригвожден к суку и изранен рядом длинных острых шипов. Видимо, так можно объяснить этот жутковатый дар природы.

Повторив свой удивительный трюк еще два или три раза, пока я осторожно подбирался поближе, разумный зверек повернулся кругом, соскользнул на нижнюю сторону сука и отступил в тыл с резвостью, которой трудно было ожидать. И вот что интересно: зверек, хотя и был размером с небольшую кошку, умудрялся держаться на нижней поверхности сука (толщиной с туловище человека) и даже передвигаться по нему — очень ловко и без видимых затруднений.

Зажав фонарь в зубах, я последовал за ним. Вскоре я заплутался в лабиринте гигантских сучьев, как вдруг догадался, что могу перебираться с дерева на дерево точно так же, как остальные лесные обитатели. Едва не выронив фонарь во время своих переходов, я натерпелся страху из-за того, что никак не мог дотянуться до единственной надежной опоры. Тем временем маленький потто скрылся в зеленой чаще. Тут я обнаружил, что спуститься не смогу: то дерево, на сук которого я перебрался, оказалось внизу совершенно гладким, без сучка и без задоринки, а до земли было больше сотни футов. Некоторое время я более или менее тщетно пытался добраться до переплетенных лиан, по которым мог бы спуститься на землю с достоинством, по-

добающим некоронованному властелину животного царства!

Еще не осуществив своего замысла, я почувствовал, что нахожусь в весьма неустойчивом положении, а сучья подо мной чересчур ненадежны и тонки. Настало время звать на помощь. Я издал пронзительный и максимально близкий к фальцету вопль — насколько только можно было позволить себе кричать без риска свалиться в кромешную тьму. Бен или Басси, я надеялся, услышат меня: по моим соображениям, они находились где-то поблизости. Однако я совсем упустил из виду то обстоятельство, что выстрелы смолкли довольно давно. Не услышав ответа, я испустил еще более визгливый клич.

В ответ вокруг меня поднялось громкое курлыканье, чириканье и треск. Зацепившись локтем за какие-то сучья, я напирал в кармане фонарь и посветил вокруг. Я и не подозревал, что угодил в такую опасную переделку. На некоторое время это отвлекло мое внимание, но вскоре я заметил движение каких-то теней вокруг и обнаружил, что попал в самую середину стаи спящих или очень сонных мартышек. Из всех неожиданных и поразительных встреч встреча со стаей подвижных мартышек в их родной стихии, может быть, самая удивительная. Почти ежедневно мы видели, как эти животные проносились над нами, словно привидения, бросались врассыпную по своим поднебесным тропинкам, находясь неизменно вне досягаемости и в полной безопасности от всяких «земных» врагов вроде нас. Но вот они передо мной, ошеломленные и жалкие, жмурающиеся от яркого света и еще меньше приспособленные к неожиданному пробуждению, чем член солидного клуба, хвативший лишнего за обедом.

В темноте животные совершенно беспомощны. Они метались, повизгивая и хныкая; матери прижимали к груди младенцев, а крупные самцы решительно крушили ветви, пробиваясь неведомо куда, словно вдруг на-

чисто лишились чувства ориентации. Многие прыгали по сучьям, резко опуская головы к передним лапам и осыпая меня щебечущей бранью, причем уши и кожа на голове у них отодвигались назад самым устрашающим, хотя и достаточно уморительным образом. Это были белоносые мартышки (*Cercopithecus nictitans*). Несмотря на то что я испытывал глубокий интерес к их жизни и привычкам, наше общение вскоре прервалось — подо мной стали подламываться ветки; снова пришлось зажать фонарь в зубах и срочно позаботиться о собственной безопасности.

Это были пренеприятные несколько минут. Сук, за который я ухватился обеими руками, внезапно обломился, и я каким-то чудом повис вниз головой, зацепившись ногами, а мою грудь обхватывала крепкая лиана. Она оказалась моей спасительницей: я так долго из нее выпутывался, что глаза привыкли к слабому свету (фонарь упал вниз), и наконец я кое-как сполз по ней до других древесных канатов, по которым можно было спуститься на землю.

Я очутился на земле весь исцарапанный, в разорванной одежде, абсолютно потеряв чувство равновесия: земля уходила из-под ног, пока я искал фонарь. Чудом, при свете спичек, я отыскал его и пошел обратно в лагерь, который благополучно миновал в темноте. Наконец я вышел на узкую лесную тропинку и возвратился по ней прямо к нашему порогу. Вступив в яркий круг света керосиновых ламп, я увидел Бена и Басси.

— Эй, вы! — закричал я, забыв о всех своих злоключениях. — Что вы принесли?

Ответом было хмурое молчание. Джордж поднял вверх что-то очень маленькое.

Поначалу я вовсе не мог понять, что это такое, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это голова, лапки и передняя часть маленького зверька (нижняя часть отсутствовала).

— А на какой предмет,— спросил я,— нам нужна половина мяса? — И все покатились со смеху.

Оказалось, Бен заметил в листве пару глаз и, тщательно прицелившись, выстрелил. Басси, присутствовавший при этом, видел, как глаза погасли и снова зажглись чуть пониже. Тогда он выпалил дуплетом. Но глаза как ни в чем не бывало остались на месте, и brave охотники, уверенные, что наткнулись на какое-то неестественно живучее существо или спугнули привидение, продолжали палить почем зря. Сообразив, что расстреляли дрови больше, чем может поглотить уважающий себя дух предка, а глаза все еще сверкают на старом месте, они решили взобраться наверх. Должно быть, это происходило в то самое время, когда я пришел к подобному решению в другом месте.

Но в то время как мне повстречался живой потто, их искушал маленький лемур-ангвантибо, мертвой хваткой вцепившийся в тонкую ветку. Овладев добычей, они разжали крепкую, как тиски, хватку уже мертвых лапок, спустились на землю и поплелись в лагерь, окончательно убедившись, что игра не стоила свеч.

Это мрачное завершение полной увлекательных приключений ночи кое-чему нас научило. Теперь мы знали, что можно просто взобраться наверх к обитателям воздушного континента. Мы стали лазить на деревья и в результате сделали первые, как мне кажется, фотографии редких лемуров в их родной стихии. Мы видели своими глазами модные меха, весело разгуливающие среди ветвей, белок, играющих в чехарду, бесконечное множество других незабываемых картин.

Больше нам не пришлось расстреливать по двадцать два патрона на одного ангвантибо, но с тех пор мне, безусловно, не случалось так близко подходить к животным,— может быть, потому, что я всегда ходил с ружьем.

Мы узнали, что у всех животных есть определенные дороги среди деревьев, по которым они ежедневно проходят в тех же направлениях, в одно и то же время. И эти переходы происходят настолько пунктуально, что по ним можно сверять часы. Одна белочка жила в небольшом дупле на верхушке дерева, и Джордж заметил, что она возвращается на ночлег каждый вечер перед самым закатом. Вскоре он уже точно знал, по каким сучьям она проходит.

Как-то я заметил большую, украшенную великолепной россыпью пятен пятнистую генету (*Genetta tigrina*) — вид, обычный для этих мест; она нырнула в большое дупло посередине ствола толстого дерева. Возвращалась она каждый вечер, перед тем как отправиться на ночную охоту. Я никак не мог понять, что заставляет ее совершать регулярные визиты, но потом ухитрился забраться наверх и увидел, что в развилке дерева стоит спокойная лужица чистой воды. Генета каждый день приходила напиться, всегда одним и тем же путем.

При помощи капканов, силков, птичьего клея и множества других ловчих приспособлений мы стали ловить этих животных, как только удалось разведать их привычные маршруты. Пойманные, они оставались в лагере, отчасти как ручные питомцы, а отчасти как живые объекты эксперимента — нам хотелось побольше узнать об их привычках, питании, причудах и склонностях.

Любой зоолог, увидев наш маленький зверинец, позеленел бы от зависти. У нас были змеи и ящерицы, древесные лягушки, жабы и гигантские многоножки. Два младенца шимпанзе помещались рядом с тремя клетками, где сидели африканские оленьки (*Hemoschus aquaticus*), мартышки-мона, белоносые и красноносые мартышки. Последние принадлежали к редкому виду (*Cercopithecus erythrotis*) — у них был яркий оранжево-красный нос и такой же хвост.

Дальше сидели в клетках черепахи, крупные масляные белки (*Protoxerus*) — те самые, что по утрам звонят, как гонги, гигантские сони и несколько генет. Привязанные за ошейники к палаточным шестам и кольям, вбитым в землю, сидели галаго, пальмовые циветты (*Nandinia binotata*), потто и бесценные ангвантибо. Клетки, ведра, горшки и самые необычные контейнеры были набиты крысами и прочей мелкой живностью.

Но самыми интересными для тех, кто изучает животный мир Африки, были, наверное, живые представители короткохвостых лемуров, а именно потто и ангвантибо. Первый из них — самое загадочное существо, не только из-за своих таинственных привычек, но и в не меньшей степени из-за множества разнообразных ошибочных названий, которые ему присвоены.

Это лемур, африканский представитель тех медлительных, похожих на призраки ночных животных, которые в Ост-Индии¹ известны под названием «лори». Возможно, что лемур находится с ними в родстве, а может быть, сходство между ними — пример параллельной эволюции, как в случае с галаго и долгопятами Восточной Азии. Широко известное название «потто» этот лемур получил, возможно, по своему местному названию в провинции Калабар (Нигерия), где его впервые увидел и поймал некто Босман, имя которого часто добавляется к местному названию. Мало того, что это животное зовут потто, или потто Босмана, или лемуром Босмана, — зоологи окрестили его еще *Periodicticus potto*, а чтобы окончательно все перепутать, европейские поселенцы в других районах называют его «бушбэр» (лесной медведь) или «бушбеби» (лесной малыш). Для полноты картины надо сказать,

¹ Так в XII—XVIII вв. в Европе называли Индию, Юго-Восточную Азию и Китай.

что на ломаном английском (пиджин-инглиш) он называется «полухвостик».

Почти все эти названия приводят к недоразумениям, и вот почему. Экземпляры Босмана оказались просто вариациями основного вида; латинское название мало о чем говорит непосвященным, оно понятно лишь тем, кто хорошо знает животное: это вовсе не бушбэр, потому что так называют коала в Австралии (собственно говоря, с медведем у него нет ничего общего), и, может быть, самое ошибочное из всех имен — бушбеби, потому что оно должно безраздельно принадлежать самым мелким галаго. Я склонен полагать, что название на пиджин-инглиш — самое подходящее для ежедневного обихода, потому что у зверька и вправду всего половинка хвоста.

И ангвантибо тоже вовлекли в эту неразбериху, хотя это животное, по-видимому, самое малоизвестное из всех млекопитающих. Нам вообще не удалось разузнать местное название забавного маленького увальня, который попадает так редко, что не удостоился даже названия на пиджин-инглиш. Мы называли его «бесхвостый лемур». Когда его впервые открыли, сообщалось, что африканцы зовут его ангвантибо, а научное его название — *Arctocebus*. Местные колонисты, как это им свойственно, называли его то «бушбеби», то «древесная лисица».

На самом деле он не заслуживает ни одного из этих имен: это просто маленький мохнатый лемурчик рыжевато-белого цвета, нечто вроде дальнего родственника потто, с острой мордочкой, большими глазами, плотно прижатыми к голове очень маленькими ушками, необычайно похожими на человеческие, ручками и задними лапками еще более гротескного вида, чем у его крупного родича. На потто он похож тем, что большую часть времени проводит, также подвесившись снизу к сучьям (на манер ленивца), а спит тоже вверх ногами (уже в отличие от ленивца). Потто и в еще большей степени ангвантибо

способны держаться мертвой хваткой за ветки при помощи уникально устроенных конечностей: кистей рук, а также ступней задних лапок.

Конечности не только снабжены мощной мускулатурой, совершенно непропорциональной размерам зверька, но и управляются полуавтоматическим нервным регулятором, так что ни сон, ни смерть не в силах ослабить их хватку. Именно таким образом ангвантибо может спать, удерживаясь одними лапками. Это объясняет, почему Бен и Басси принесли только ползверька, и является источником широко распространенной легенды о потто.

Рассказывают, что случалось убивать маргышек, на затылке которых обнаруживали высохшие и мумифицированные кисти рук и остатки передних конечностей потто. Обычное объяснение такое: если потто в кого-нибудь вцепился, то уж нипочем не отцепится. Если обезьяне удастся убить неотвязного злодея, раздавив его о дерево или как-нибудь иначе, ужасные маленькие цепкие ручонки не ослабляют мертвой хватки, и даже после того, как тело сгниет и рассыплется, они остаются жутким свидетельством характера своего прежнего обладателя. Но это не очень-то убедительное объяснение. Во-первых, потто не нападает на обезьян — он чересчур неуклюж, даже для того, чтобы поймать маргышку, с которой нос к носу столкнется ночью; во-вторых, я лично убедился, что, как только определенные связки в предплечье перерезаны, его крепкая хватка, которая и вправду сохраняется после смерти, разжимается, как и у любого другого животного.

А вот хватка ангвантибо — нечто совсем иное, и я не нашел ничего подобного ни в научной, ни в популярной литературе. Как и у потто, большие пальцы на руках и на ногах у него непропорционально велики и направлены прямо назад, то есть противопоставлены всем остальным пальцам. Вдобавок у обоих животных указательные пальцы настолько редуцированы, что у

потто от них остался только небольшой круглый бугорок, а у ангвантибо — дополнительная подушечка на ладонке. Запястья и лодыжки вывернуты и располагаются под прямым углом к голени и предплечью. Но на этом сходство кончается.

Пальцы у ангвантибо намного короче, чем у потто, а бедренный сустав имеет более свободную конструкцию, причем бедренная кость кончается выпуклой шарообразной головкой, которая может совершенно свободно вращаться в чашечке тазобедренного сустава. Поэтому зверек может идти вперед по нижней стороне сука, а если ему вздумается дать задний ход, он может пройти обратно по собственной груди и животу, так что голова появляется между задними лапками, а нос направлен к земле. Затем он хватается передними лапками за сук, заведя их за голову, и шествует дальше, пока тело, поворачивающееся вокруг тазобедренных суставов, не развернется на сто восемьдесят градусов. После этого трюка задние ноги по очереди освобождаются, отлетая, словно пружины, и снова зацепляются за дерево, как только животное повернется вниз спиной при помощи передних лапок. Этот чрезвычайно редкий трюк выглядит просто противоестественно.

Конечности у ангвантибо мускулистые, но довольно стройные, а кисти и ступни необыкновенно сильны. Мы обнаружили, что, подобно лапкам хамелеона, они практически лишены чувствительности, пока ладонь или подошва ноги не контактирует с предметом, который предстоит схватить. Животное не могло схватить коробку спичек, потому что, хотя все пальцы, кроме большого, охватывали ее с одной стороны, а большой палец — с другой, на ладонь ничто не давило. А между большим пальцем и остальными расположены две большие мясистые подушечки, которые расходятся, как только прикасаются к ветке, и обеспечивают крепкую хватку. Удивительнее всего то, что, как бы вы ни трогали руки

ниже локтя или ноги ниже колена — можно даже воткнуть в них булавку, спящее в подвешенном состоянии животное не проснется.

Похоже на то, что конечности фиксируются и все нервные импульсы блокируются, когда животное засыпает.

Ангвантибо — животное плотоядное, причем в значительной степени. В неволе оно предпочитает мелко нарубленное птичье мясо любому другому, но в природе, должно быть, вносит разнообразие в свой рацион, поедая плоды и листья, потому что может очень долго питаться и кашицей из бананов. Каждый вечер, сразу же после захода солнца, зверек принимался тщательно расчесывать свою шерстку передними нижними зубами, вначале вылизав всю шкурку длинным шершавым язычком. Покончив с туалетом, он начинал куда-нибудь карабкаться с тоненькими хныкающими причитаниями и гортанными криками.

Однажды Деле примчался в величайшем возбуждении и в самый неподходящий момент. Я только что всадил острый скальпель в свой собственный большой палец и метался, ругая себя на чем свет стоит, а тут еще йод куда-то запропастился. Вдруг показалась физиономия Деле. Он, как назло, принялся самым идиотским образом утверждать, что видел двух спавших на дереве папайи галаго (это название весь наш местный персонал перенял, разумеется, у нас).

Я был убежден, что это просто очередная попытка Деле отдалить неумолимо приближающийся день, когда я отыщу какой-нибудь предлог, чтобы избавить себя от лицезрения его нахальной физиономии. Во-первых, галаго никогда не спят там, где их можно увидеть, во-вторых, деревья папайи не растут в девственных лесах, и, наконец, даже если бы они здесь и росли, то двум галаго не хватило бы места на одном дереве.

Но Деле так упорно стоял на своем, что, когда я наконец перевязал палец и ко мне частично вернулось

самообладание, я всерьез собрался идти на разведку. Должен признаться, однако, что поход пришлось отложить из-за чаепития — церемонии, от которой меня не в силах отвлечь целые армии спящих где бы то ни было галаго. После чая к нам явился один «комедиант» с каким-то заурядным зверьком, за которого он заломил несусветную цену, а к тому времени, как я отсмеялся над нелепым предложением (зверька он все равно оставил возле кухни, и притом совершенно безвозмездно), миновало еще полчаса. Пока все это происходило, Деле слонялся вокруг, угрожающе косясь на меня — эту его привычку я не любил больше всего. Наконец, отчасти против собственной воли, я взял ружье и вышел из лагеря.

Деле пробирался вперед по тропе, которую заблаговременно отметил согнутыми и заломанными деревцами. Через полчаса мы неожиданно вышли на маленькую прогалину на краю высокого обрывистого берега над тихой рекой, о существовании которой я и не подозревал. К моему удивлению, там стояло одинокое дерево папайи. Растение смахивает на громадную капусту на длинном стволе. Это культурное растение, точнее, оно встречается только там, где живут или жили раньше люди, и дает всем известные похожие на дыню плоды. Должно быть, тут когда-то был маленький поселок, а потом люди переселились выше по реке.

Дерево немного сбило меня с толку, но не успели мы подойти к нему, как Деле объявил, что видит лемуров. Он попытался показать их и мне. Около десяти минут я никак не мог их разглядеть, хотя крона дерева была не больше розового куста. В результате, выбившись из сил, я решил сделать вид, что наконец-то вижу их, и просто-напросто разрядить ружье в крону дерева. Я отошел подальше, чтобы дробь разлетелась пошире, и выпалил в белый свет.

Маленький галаго, как молния, вылетел из кроны дерева, проплыл над моей головой и опустился в невы-

соких деревцах у опушки леса. Потом он помчался галопом, точь-в-точь как лошадь, прямо по деревьям. Я в жизни ничего подобного не видел. Не было никаких прыжков с ветки на ветку, за которыми следовал бы короткий забег вверх и новый прыжок. Это был ровный стремительный карьер по прямой, словно вдоль наметенной дорожки был протянут тугой канат. Что было сил я побежал под деревьями по земле, ровной, как пол бальной залы, и подоспел вовремя: зверек нырнул в одинокий пучок папоротников, росших на тонкой безлистной лиане, висящей петлей между двумя деревьями. Я старательно прицелился. И хотя цель была почти вне досягаемости, дробь перебила нежные стебли папоротников, так что весь пучок развалился и осыпался дождем на землю. Лиана тоже оказалась перебитой, и не успел я сообразить, что происходит, как ее нижняя половина со свистом сбила меня с ног.

Я быстро вскочил и оказался на месте, где лежала большая часть папоротника, раньше, чем последние ли-

стья упали на землю. Животное как сквозь землю провалилось. Деле за мной не пошел. Я позвал его. Он ответил, что ищет второго галаго, которого, как он считал, сбил самый первый выстрел. С полчаса мы молча обшаривали кусочек более или менее чистой земли площадью несколько квадратных метров, прежде чем нашли каждый свое животное. Я был твердо уверен, что моя добыча исчезла, а зверек, которого искал Деле, и вовсе не существовал, но африканец был непреклонен.

Это был великий день для Деле. Казалось, ему во всем везет.

Мы отыскиали обоих зверьков: они оказались самцом и самочкой *Galago demidovi* — самой драгоценной для нас добычей. Мало того, самочка была беременна! День, когда мы добыли двух маленьких зеленых зверьков с ярко-шафранными брюшками и задними лапками, стал торжественной датой в нашей экспедиции.

В тропическом лесу увидеть лемуру Демидова — большая редкость, отчасти из-за малых размеров — примерно с крысу, а отчасти потому, что живут они на самых высоких деревьях, к тому же из всех обитающих там животных эти лемуры — самые шустрые. Возможно, есть и еще одна, дополнительная причина. Но пока это только предположение, и я просто выскажу мнение, к которому мы пришли, наблюдая животных в естественной обстановке.

Я считаю, что лемур Демидова в отличие от других галаго ведет дневной, а не ночной образ жизни.

К такому заключению мы пришли, разумеется, чисто умозрительным путем, но все же оно заслуживает внимания. Во-первых, местные охотники говорят, что видят их очень редко и только днем, а не при свете охотничьего фонаря. Те несколько раз, когда мы их видели, солнце светило вовсю. Вторая и, на мой взгляд, самая убедительная причина — окраска лемуров Демидова.

В Африке мы поймали шесть дневных животных, принадлежавших к группам, все остальные представители которых вели исключительно ночной образ жизни. Все шесть животных — змея (*Gastropyxis senaragdina*), белка (*Funisciurus poensis*), мартышка (*Cercopithecus pogonias*), ржавоногая крыса (*Oenomys hypoxanthus*), серебристый шипохвост (*Anomalurus beecrofti*) и, наконец, лемур (*Galago demidovi*) — были ярко-зеленого цвета сверху и желтого — снизу, в то время как близкие к ним ночные виды имели совершенно иную окраску. Возможно, это утверждение слишком смелое, но подобный тип окраски как-то связан с солнечным светом. Все животные, окрашенные таким образом, кроме крысы, обитающей на солнечных, открытых прогалинах, обнаружены только на самых верхушках деревьев, купающихся в ярком солнечном свете. Если сравнивать количество этих пяти форм животных с количеством близких форм, то все они заслуживают название «редких», но, я думаю, все дело в том, что всех этих «зеленых с желтым» животных мы встречали только на естественных прогалинах, чрезвычайно редких в настоящих девственных лесах. За исключением отдельных случаев, животные скрывались на недостижимой для нас высоте поднебесных крон.

Один из наших последних лагерей был расположен в девственном лесу, среди отрогов северного нагорья. Лес местные охотники не посещали, и он здесь должен был сохраниться нетронутым.

В солнечный жаркий день, когда все застыло от зноя, я брел по лесу в откровенной надежде отыскать пятнышко света, не затененное листвой, чтобы хорошенько позагорать, и вдруг вышел на небольшую прогалину. Колоссальные деревья расступились, словно по волшебству, и стояли стеной, по которой круто, как застывший водопад, низвергались зеленые волны листвы. Несмотря на то что деревень кругом не было, я мог бы подумать,

что полянка — дело человеческих рук, если бы нашел хоть несколько пней громадных деревьев. Но пней не оказалось, а так как африканцы не умели валить и корчевать мощные деревья, приходилось искать другое объяснение. Мне пришло в голову только одно — земля здесь болотистая, а налет тонкой радужной пленки на лужах выдавал присутствие нефти. Я разлежся на солнышке и вскоре крепко уснул. Не знаю, сколько времени проспал. Проснулся, обливаясь потом, и обнаружил, что солнце успело настолько далеко зайти за высокие деревья, что я оказался в густой тени. Я лежал на совершенно гладкой твердой земле, где не было ни одного муравья. Меня окружали куртинки травы, несколько невысоких кустов и отдельные кустики гигантского болиголова.

Я привстал и застыл от неожиданности. По всей полянке рассыпалась стайка обезьян, деловито что-то выскребающих и выискивающих в зелени.

Я зарядил ружье и пополз, прижимаясь к земле, пока не залег на выгодной позиции за небольшим бугорком. Отсюда мне были видны почти все обезьяны. Они были поглощены поисками кузнечиков — это в обезьяньем мире такое же лакомство, как для нас икра. Внезапно наверху, на крутом берегу вознесенного ввысь воздушного континента, появилась вторая стая. После шумных препирательств и щебечущих переговоров между двумя группами сверху спустились два крупных самца, которые тут же вступили в перебранку с равными по рангу представителями первых претендентов на эту территорию. Судя по всему, они договорились, и самки с малышами и молодежью тоже спустились вниз.

Когда все они собрались внизу, я обогнул бугорок и получше пригляделся к животным. Тут я увидел такое, что у меня захватило дух: все имели ярко-зеленую окраску, огненно-оранжевые горло, манишку и живот. На макушке у самцов торчал высокий конический гре-

бень. Мы даже не подозревали, что по соседству с нами живут подобные обезьяны.

Наметив крупного самца, я тщательно, но не очень точно прицелился и... промазал. Выстрел грянул так неожиданно, что обезьяны застыли словно изваяния. Я вскочил и бросился к ближайшей. Это послужило сигналом панического бегства вверх. Матери прыгали на свисающие сучья с малышами, уцепившимися за шею или висящими у них на спине. Вскоре все скрылись за завесой высоких крон.

Еще несколько дней кряду я возвращался на эту полянку. И хотя один раз заметил разведчика — остальные на почтительном расстоянии с треском носились среди ветвей, — обезьяны больше никогда не отваживались спуститься вниз. В конце концов нам удалось раздобыть двух чубатых мартышек (*Cercopithecus pogonias*): одну принес охотник из соседней деревни, другую подстрелил Джордж.

Но на прощание, когда мы с Беном в последний раз пришли на это место, нам повезло — мы добыли еще два вида обитателей крон — из тех, что я перечислял выше, а именно белку и змею. За четыре месяца до этого я получил первый экземпляр полосатой белки (*Funtscilurus poensis*) в лагере, который был разбит в шестидесяти милях от описываемых мест. За все время я ни разу не видел больше ни одной такой белки.

Мы с Беном вскарабкались как можно выше по природной лестнице из лиан, свисавших с громадной акации прямо на поляну. Оттуда нам удалось перебраться на соседнее дерево капок, в самых высоких сучьях которого мы и обосновались. Перед нами открылся вид на бескрайние просторы простиравшегося во все стороны леса. Первый, и единственный, раз я выбрался из недр леса наверх, выше полога крон, — впечатление ни с чем не сравнимое!

Ослепительное солнце щедро заливало землю, и его блеск многократно усиливался бесчисленными зеркаль-

цами листьев. Мириады сверкающих ярких бабочек порхали вокруг, снижаясь к экзотическим, словно вылепленным из воска, соцветиям. Пчелы тучами жужжали и гудели, как самум, возле деревьев, которые их особенно привлекали. Малые и большие мухи то зависали в воздухе, то сновали повсюду; миниатюрные геликоптеры совершенной конструкции, они минутами висели неподвижно и буквально исчезали в мгновение ока. Нарядно расцвеченные птицы самых разных размеров кружились над нами, влетая и вылетая из своих таинственных входов и выходов, которые они знали назубок.

Это был своеобразный мир, зеленый и плоский, полностью отрешенный от всего земного. Мы с Беном были в нем такими же чужаками, как эскимосы. Здесь с еще большей силой, чем в торжественной тишине нижнего яруса, похожего на сумрачный храм, я почувствовал себя отрешенным от суеты человеческого мира. Бен тоже по-своему это ощущал, и ему хотелось поделиться чувствами: увидев что-нибудь необыкновенное, он то и дело ахал от восторга.

Его восторг, кстати, едва не погубил нас, когда стая бананоедов, паривших над лесными вершинами, внезапно налетела на нас, оглушив криками и клекотом, и понеслась дальше. Эти несимпатичные птицы с тощими шеями, выпученными глазами и громадными веерообразными хвостами вечно поднимают дикий шум, а потом, хлопая крыльями, вылетают из-под деревьев и повторяют свои выходы в другом месте. Их налет едва не сбросил на землю моего спутника.

Над нашими головами парили и кружили разнообразные коршуны и орлы; то один, то другой внезапно срывался в головокружительное пики и нырял в зеленую глубину крон.

Просидев в засаде больше часа, мы ни минуты не скучали, но вот Бен заметил какое-то движение в листе ближайшего дерева. Вскоре с помощью бинокля мы разглядели маленькую белочку. Она была слишком

далеко, вне выстрела, и нам оставалось только наблюдать в полной тишине, надеясь, что зверек постепенно двинется в нашу сторону. Она сновала по невероятно прихотливым маршрутам, как это свойственно белкам. Для начала белка раз пять или шесть пробежалась по ветке туда и обратно, прежде чем решилась поглотить листочек, потом перескочила на другой сук и распласталась на нем, словно хотела, чтобы ее приняли за кусочек дерева. Как же не сунуть нос в каждую щелочку, не обследовать со всех сторон каждый укромный уголок! Она взбежала на самую верхушку оголенного дерева, но тут заметила, что прямо над ней парит большой коршун, и с криком пустилась бежать обратно вниз. После бесконечных метаний во всех направлениях белка наконец оказалась достаточно близко, и я увидел, что это еще одно зеленое с желтым животное. Я тут же принял решение: ничего не поделаешь, полному радости существу придется стать одним из холодных научных доказательств. Обхватив ногами сук, я велел Бону поддерживать меня сзади. Прогремел выстрел. Белочка камнем свалилась на землю.

Я послал Бона подобрать добычу и остался в одиночестве с биноклем, сумкой для добычи, ружьем и прочим снаряжением. Мы договорились не окликать друг друга, чтобы не спугнуть остальных животных.

Бона долго не было, и я решил переменить положение, чтобы посмотреть, куда он запропастился. Оказалось, дело это чрезвычайно головоломное: ведь я был обвешан снаряжением как вьючный мул. Всем известно: влезть на дерево легче, чем спуститься, но древесные траверсы предельно трудны. Наконец я переместился настолько, что увидел далеко внизу спину Бона, и стал нащупывать опору попрочнее — тут-то я и пережил самые ужасные пять минут в своей жизни.

Я ухватился за сухой сук, и пальцы сомкнулись с другой стороны на чем-то холодном и скользком. В ту

же секунду на мое запястье скользнула живая петля яркого изумрудно-зеленого цвета. Я молниеносно отдернул руку, едва не потеряв равновесие, и испустил не поддающийся описанию звук — по крайней мере Бен впоследствии описать его не смог. Затем я обнаружил, что смотрю прямо в закинутое кверху лицо Бена, стоящего далеко внизу. Сумка сползла мне на шею, ружье, заряженное и снятое с предохранителя, зацепилось за что-то наверху у меня за спиной. Сверхчеловеческим усилием я извернулся и уселся обратно на сук, оказавшись носом к носу с узкой, зеленой с желтым головкой, на которой сверкали самые огромные, блестящие и черные глаза, какие мне когда-либо приходилось видеть у змеи. В голове пронеслось: «Змеиная кинозвезда» — в таких случаях всегда лезут в голову какие-то глупости.

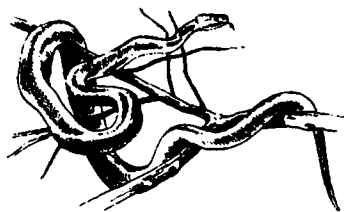
Некоторое время мы со змеей качались в такт друг другу, пока я выпутывал ружье и сам выпутывался из

кисей собственного сачка, а черный язычок змеи все время мелькал перед моим лицом.

Наконец я освободил сачок и тут же взмахнул им над блестящей головкой, которая отпрянула в сторону невообразимо быстро. Затем началась игра, похожая на сидячие пятнашки, и я снова чуть было не свалился. Когда игра, как мне показалось, слишком затянулась, я ухитрился зацепить сачком голову и переднюю часть змеиного туловища, но оно все тянулось и тянулось, будто на много метров, причем все время бешено извивалось. Последним усилием я провел по ветке сачком и отбросил его вместе со змеей. Когда сачок падал, змея упала в листву, наполовину скрывшись из виду.

Я с лихорадочной поспешностью вскарабкался на более надежную ветку, вытащил из-за пояса ружье — а это было очень непросто, учитывая нестандартную длину его ствола, — вложил патроны и выпалил в сачок. Он постепенно сполз вниз, и что-то тяжелое с треском свалилось почти к ногам Бена.

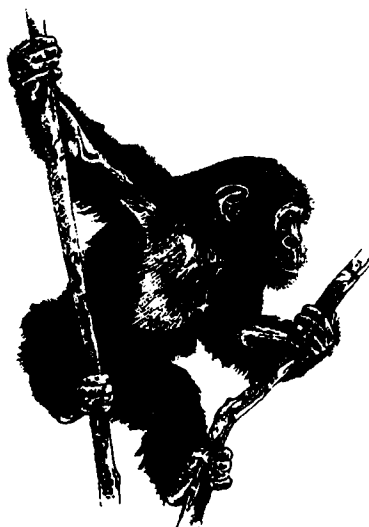
Уже спустя больше года после нашего возвращения в Англию, когда мы приступили к изучению нашей коллекции змей, я узнал, что моя змеиная красавица (*Gastropyxis senoragdina*) совершенно безобидна, как цыпленок. Но все же трудно быть уверенным в своих зоологических познаниях, когда балансируешь на верхушке дерева, да и вообще, имея дело со змеями, разумнее не рисковать.

Туманные горы

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава десятая
ГОРИЛЛЫ И ШИМПАНЗЕ

Э-гой, э-гой, эго-ома,
Ианагбо,
Э-гой, э-гой, этинко
Ианагбо,
Э-гой, э-гой-мбу!

Эхо рождалось в глубине леса, словно в пещере с каменными колоннами-стволами. Пронзительный голос Анонго далеко впереди заводил «э-гой», и раз за разом его подхватывал и передавал по цепочке целый хор — от фальцета до баса. «Ианагбо» звучало и над нашими головами, и внизу, под ногами. Мы зычно дружным хором орал: «Э-гой, э-гой-мбу!» Затем на несколько минут мы умолкали, и только непрерывный перестук крупных капель, шлепающихся на широкие листья, да

покашливание уставшего носильщика нарушали мертвую тишину.

Медленно, но неуклонно все экспедиционные пожитки — наш микрокосмос — ползли вверх, к небу, — должно быть, так пробиваются из земли к воздуху и свету мелкие насекомые. Тропа была похожа на великанскую лестницу: громадные валуны, нагроможденные друг на друга, обросли мхом и оставались холодными и безжизненными в вечных сумерках леса — вздыбленное подножие не знающей времени, не ведающей перемен гигантской зеленой стены, окутанной испарениями. Еще несколько шагов — и чьи-то босые пятки оказываются на уровне ваших глаз. Затем наступает длительная заминка — какой-то тяжелый груз перетаскивают через препятствие впереди и выше нас, и наконец можно снова двигаться вперед. Неужели перевал, эта гора, не желающая идти к Магомету, так никогда и не приблизится? Быть может, и мы, как насекомые, никогда не выползем наверх, на свежий воздух?

И вдруг — совершенно внезапно — мы выбрались. Каменная лестница сменилась вязкой рыжей глиной; деревья, усыпанные алыми, словно вылепленными из воска цветами, расступились, и мы, щурясь, вырвались к спящим лучам солнца.

Перед нами, насколько хватал глаз, расстилалась необозримая равнина. Справа и слева гряда за грядой поднимались мягко круглящиеся цепи гор. Казалось, они безмятежно блаженствуют в тихом прозрачном воздухе, купаясь в лучах солнца. Их склоны покрывали высокие шелковистые травы, по которым легкий ветерок гнал бесконечную череду ровных волн. Далеко вверху, ближе к небу, подернутому дымкой, небольшие, выстланные темно-зеленым бархатом лесов расщелины вились по травянистым склонам; в некоторых местах они «впадали» в пропасти, по обеим сторонам которых вы-

сились колоссальные природные бастионы. Лес стоял крутой стеной слева и справа от нас, а прямо у наших ног земля обрывалась вниз, к подножию гигантского амфитеатра. В кристально чистом воздухе царила райская тишина. Ничтожнейшие звуки — переливчатый, как колокольчик, звук барабана, лай собаки, крик какой-то незнакомой птицы — долетали с самого дальнего горизонта во всей чистоте и прозрачности.

Солнце сияло, высокие травы волновались и вздыхали под нежным дуновением ветерка, и маленькие синие пчелы гудели у наших ног над влажной глиной. Завороженные обступившей нас красотой, мы начали спуск к деревне Тинта, которая виднелась далеко внизу.

На порядочном расстоянии от кучки круглых хижин нас встретила делегация во главе с вождем Икумо, которого окружала свита из его почтенных соплеменников. Вместе с ними мы вошли в небольшое подворье, которому предстояло стать нашим домом, и после бесконечных разговоров, взаимных приветствий и «угощения» с нашей стороны джазовой музыкой они отбыли, предложив нам устраиваться и обживатьсь.

После тяжелой работы, когда все уже было на своих местах, мы уселись за заслуженный обед. В ту минуту, когда перед нами торжественно ставили приготовленное на пальмовом масле жаркое, до нас донесся громкий выстрел откуда-то с высоты дальних гор, с которых мы спустились в тот день, как из иного мира. Мы отметили, что он очень громкий, но вскоре ароматное благоухание отлично наперченного жаркого вытеснило из наших мыслей одинокий звук. Мы ели в полном безмолвии и лишь после того, как не осталось ни еды, ни места в наших желудках, молча закурили. Когда мы почувствовали, что можем наконец пошевелиться, мы достали свои книги и погрузились в блаженные волны полного довольства, знакомого только тем, кто тяжело поработал и до отвала

наелся. Африканцы на своей половине дома впали в такое же состояние. Во всем мире воцарился великий покой.

Затем вечернюю тишь, не нарушаемую даже перекличкой лесных животных, вдруг взорвали крики толпы, с каждой минутой становившиеся громче. Через дыру в глинобитной стене хижины я видел множество огоньков, которые быстро приближались. Наши шимпанзе — Мэри и Дубина — принялись жаловаться и хныкать в темной клетке, водруженной на глиняную террасу за домом; во владениях повара люди зашевелились, но это шумное шествие прокатилось мимо, к деревне, лежащей ниже, и там началось настоящее вавилонское столпотворение. Вскоре к нашему дому со стороны деревни уже подступала небольшая армия.

— Бен, Фауги! — рявкнул я. — Веди сильные люди нести хозяев!

Признаться, сами мы и шагу бы не сделали после жаркого на пальмовом масле. Дело вовсе не в том, что пища была тяжелая, просто мы наелись до безобразия — стыд и позор!

Нас подняли прямо вместе со стульями, к великому удовольствию наших помощников, которые и сами едва дышали, и расставили аккуратно рядом лицом к двери, ведущей во двор, — туда вскоре хлынула из ворот армия гостей. Я был поражен, увидев в их рядах величественного вождя Икумо, окруженного множеством статных, мускулистых воинов, одетых лишь в кожаные набедренные повязки и вооруженных непомерно длинными мушкетами. Были там и люди в диковинных масках.

— Они что, неси лекарство? — осведомился я у переводчика Этьи. Это слово означает и музыку, и танцы, и колдовство. Все это вместе с лекарством как таковым в сознании африканца сливается воедино.

— Нет, хозяин, — отвечал Этьи, сопровождая свои слова целым фейерверком жестов. Тут все принялись

кричать одновременно, и мы постепенно пришли в такое же возбуждение.

— Бен, какого черта им тут надо?

— Так... Эээ... Я не знаю, как они говорят, хозяин.

— Тогда спроси Этьи.

— Он говорит, они несли рассказ про большой мясо.

— Давай ищи человек, годный рассказать, ищи, живо!

— Хозяин, этот старик говорит по-английски лучше Этьи.

— Пусть этот человек и говорит,— приказал я, и он заговорил.

— Эта человек,— старик показал на высокого мускулистого африканца с жестоким и наглым лицом,— иди-иди в лес. Там на высота,— и он махнул рукой в сторону холмов за домом,— он слышишь много звери говорит. Он великий охотник на эти места.— Кругом слышались громкие подтверждения.— Так он иди тихо-тихо на сторона маленькая банановая ферма, и — ух! — там через свой собственный глаз он видит громадный мясо.

В этом месте старый джентльмен, который, как мы позже узнали, был уже прапрадедушкой, пришел в такой экстаз, что подскочил как можно выше в воздух, стараясь показать рост животного, которое он представлял. Продолжая рассказ, он прыгал из стороны в сторону, стонал, завывал, гримасничал и до малейшей детали проигрывал все импровизированные вариации, которым не было числа.

— Что за мясо там было? — задал я наводящий вопрос. Но это оказалось излишне. Взглянув на меня широко раскрытыми глазами, старик через секунду снова взял с места в карьер.

— Это не мясо, он мало-мало человек, но не человек, много большой чересчур.— И он широко раскинул

руки.— Он черный весь, он сильный, как много-много люди.— Здесь он перешел к наглядному показу вида и повадок этого фантастического чудовища.

— Ладно, а что охотник делай? — настаивал я.

— Ах-хаааа,— поддержали меня все остальные.

— Arrrrr! — возопил патриарх и птичкой метнулся в дальний угол двора.— Мясо, он реви, реви громко чересчур — блююу, блююу! — и он беги так! — тут он с ревом устремился на нас, загребая раскинутыми руками все, что попадалось на пути.— Охотник, он стреляй — бах, потом беги, беги домой — говори вождю! — выпалив все это, наш сказитель свалился без сил.

Мы поспешно держали совет. Может быть, это горилла? Переглянулись и снова приступили к расспросам местных жителей. Да, они знают «человека-мясо», тут их много водится. Это такое животное, верно. Я послал за фотографией гориллы и показал ее вождю. Послышались громкие «ах-ха» — все узнали ее.

— Что, мясо уже убито? — спросили мы. Охотник не знал. Он не стал задерживаться и разузнавать — ай да «мудрец»! А если оно не убито, разве его там найдешь? А другие там были? Можно пойти и посмотреть? А далеко отсюда? Мы задали еще сотню вопросов. В конце концов все пришли к выводу, что животное, должно быть, ранено, а так как это был отец семейства, остальные, вернее всего, держатся неподалеку, поэтому лучше всего отправиться на поиски, не дожидаясь расвета. Поговорив еще немного, все ушли в деревню.

Мы стали тщательно готовиться — нам были нужны фотографии горилл. Все это мы разъяснили нашим людям с предельной ясностью. Каждый из нас взял две камеры и двух африканцев для переноски пленок, прочего снаряжения, ружья или винтовки и еще какого-нибудь запасного оружия — револьвера или винтов-

ки — на тот случай, если громадной обезьяне камера придется не по вкусу. Затем мы улеглись спать, распорядившись разбудить нас еще в темноте — в безбожную рань.

Мне казалось, что не успел я опустить голову на подушку, как Бен уже стоял у меня над душой с фонарем в руке. Мне удалось встать, но остальные лежали как бревна под своими противомоскитными сетками, только тяжелое дыхание слышалось в темноте. Мне пришлось вытащить граммофон, запустить одну из самых оглушительных пластинок Луи Армстронга и поставить его между койками — только после этого они стали подавать признаки жизни. К тому времени, как мы позавтракали и разобрали ружья, снаружи нас уже ждали охотники. Когда забрезжил рассвет, мы взобрались уже довольно далеко вверх по склону горы.

С этой минуты мир становился все мрачнее, по крайней мере для нас. Хотя я полагал, что мы лезем на гору, чтобы увидеть гориллу, служивший нам проводником охотник, физиономия которого с самого начала внушала мне подозрения, видимо, имел другие намерения. Судя по всему, он задался целью показать нам, какое в Ассумбо множество гор и какие они отвесные, высокие и великолепные. Вначале мы пошли по дороге, по которой спустились сюда, а когда взобрались на самый верх, где кончался высокий лес, охотник неожиданно юркнул в заросли подроста, стеной стоявшего слева от нас. Мы нырнули за ним и тут же уперлись в его пятки. Затем начался подъем по вертикали, на котором он и другие африканцы выдерживали одинаковую скорость — четыре мили в час — точно в таком же темпе они идут и по ровной местности. Мы карабкались следом, выбиваясь из сил и цепляясь за все, что попадалось на пути, — руками, ногами, а то и подбородком и даже зубами, лишь бы удержаться.

Вскоре мы оказались безнадежно погребенными в жесткой массе замысловато переплетенных и запутанных лиан, поросших густым мхом, и бородатых, обрамленных седым лишайником сучьев.

Еще целую вечность все с той же лихорадочной поспешностью мы пробивались вверх, в область холодных туманов. Я обливался потом; холодный, как лед, он пропитал мою одежду изнутри, а снаружи я намок под душем капель, скатывавшихся с листвы.

Потом стало еще хуже. Громадный клубок перевитых друг с другом жестких, будто проволока, лиан оторвался и свалился прямо на землю — тут даже охотники встали как вкопанные. Мы легли и начали пробираться вперед ползком. Само собой, двигались мы очень медленно, потому что в этой части леса лианы были вооружены длинными шипами. Наконец охотник, за которым я шел, поманил меня и показал на кучку невысоких растений высотой не больше пятнадцати сантиметров. Они смахивали на крохотные саженцы с тонким стволиком и полудюжной крупных листьев. Из некоторых листьев, на которые он показывал, были акkuratно выгрызены полукруглые куски.

— Горилла! — возвестил он, тыча пальцем в свой рот и делая вид, что жует. Затем мы все сразу остановились.

Земля уходила круто вниз. Наконец-то мы выбрались наверх! Главный охотник сообщил нам, что на этом самом месте он впервые заметил гориллу. Он показал пальцем вперед, и мы осторожно стали протискиваться поближе. Перед нами стояла непробиваемая стена подроста, сквозь которую мы и попытались осторожно пробраться.

Внезапно почти у моего локтя раздался громкий треск, листва раздвинулась, и громадная масса, покрытая серебристой шерстью, мелькнула в том же направ-

лении, куда мы шли. Меня словно током ударило. Я стал лихорадочно на шаривать камеру. Потом я обернулся, но Бен сильно отстал, прочно захваченный щупальцами лиан, а ружье заклинило, и я никак не мог его освободить. В этот момент охотник справа что-то прокричал, я сделал шаг вперед и... полетел в пустоту.

Земля здесь обрывалась отвесно вниз, и я летел в том же направлении. Сразу перед собой я увидел нечто колоссальное, белого с черным цвета, потом оно скрылось среди листвы, испуская самые ужасающие звуки вроде клокочущего рычания. Я распластался среди подраста.

Выпутавшись, я оказался на краю небольшой плантации бананов, полузадушенной невысокими деревцами. Возле меня стояли охотники, а среди них лежал раздутый труп невероятных размеров. Это был громадный самец гориллы, с бульканьем изрыгавший газы от бродившей у него в желудке уже после смерти пищи.

Очевидно, прошлой ночью охотник попал-таки в цель, и животное свалилось, где стояло, поедая бананы,— на верху откоса. Когда мы подходили, кто-то, должно быть, освободил лиану, на которой повис труп, и собственный вес увлек его вниз — он покатился, подминая подрост и издавая те самые кровожадные клокочущие звуки: газы вырывались у него из пасти.

Охотники тут же отправились обратно в деревню, а мы стали ждать их возвращения. У нас было достаточно времени, чтобы изучить трофей. Мало кому посчастливилось повстречать крупного самца гориллы, так сказать, во плоти, а тех, кому довелось рассматривать его без всяких помех,— и того меньше. Такое можно видеть раз в жизни, мы это прекрасно понимали, стоя вокруг печального старца горных лесов и не сводя с него глаз.

Никогда не забуду тех чувств, которые пробудило во мне это зрелище. С детства я был приучен считать гориллу воплощением жестокости и ужаса, и вот передо мной лежал седой старый вегетарианец, охватив громадными руками солидное круглое брюшко. Огонь жизни покинул его изрезанное морщинами черное лицо, добрые карие глаза широко раскрыты под длинными прямыми ресницами и полны беспредельной скорби. Во всем его облике нельзя было не прочесть трагедию этих животных. Много веков назад они были вытеснены с равнин в горы более активными обезьяноподобными существами,— как знать, может, это были наши с вами предки. Его гоняли с места на место идущие на приступ орды безволосых, крикливых маленьких человечков; его детей пожирали леопарды; его природные владения урезались со всех сторон фермами, дорогами, охотничьими угодьями. Со всех сторон его теснил меняющийся мир, против которого он восставал, бросаясь грудью навстречу зарядам свинца, которым его расстреливал в упор ничтожный соперник.

Наконец намчи вернулись; печального патриарха подвесили между двумя молодыми деревьями, и тридцать болтающих, спотыкающихся человечков потащили великана прочь от безмолвия туманов, от его последнего убежища среди переплетенных лиан, но это был еще не последний из гигантов, и нельзя сказать, что о нем некому было пожалеть.

Чтобы рассказать до конца историю этого самца гориллы, понадобится целая книга. Переход с горы, где он погиб, до деревни, которая находилась не меньше чем на четыре тысячи футов ниже, занял семь часов. Насколько нам удалось установить в процессе сложного взвешивания (сначала определили, сколько людей урав-

новесят гориллу, затем каждого отдельно взвесили при помощи камней, а под конец все камни по отдельности взвесили на наших весах), старый самец весил более четверти тонны. Тридцать очень сильных мужчин несли его вниз, в деревню; тропу пришлось вырубать среди густейшей растительности.

Но когда процессия подошла к дому, сразу же возникли сложнейшие проблемы. Оказалось, что права на тело предъявляют следующие шесть «партий»: мы, ученые; вождь, которому принадлежит доля в любой добыче; охотник, убивший животное; жители деревни, которым нужно было мясо для еды и для джу-джу; намчи, которые несли тело, и, наконец, как я полагал, наш персонал, имевший право на часть мяса. Я сделал первый ход, откупив все права, за исключением прав вождя, у охотника за сумму в один фунт стерлингов, из которых три четверти обязался уплатить шиллингами, а остальное — крупными монетами в одно пенни с дырками в центре. Однако и тут я еще не получил права распоряжаться добычей единолично. Сделка была утверждена только после того, как мы договорились, что я буду снимать шкуру и расчленять тушу по собственному усмотрению. За это я обещал оставить три четверти мяса (по весу) для раздачи жителям деревни, предоставив вождю право первого выбора и разрешив охотнику отобрать кусочки различных органов для изготовления джу-джу.

Мертвое животное первым делом измеряют — на тот случай, если понадобится сделать из него чучело: при сушке шкура растягивается, и ее надо будет подгонять под прежние размеры. Мы получили сногшибательные цифры, измерив гориллу. Размах рук оказался равным девяти футам и двум дюймам (2,81 м). Признаться, когда мне назвали эти цифры, я не поверил — в то время я как раз торговался с вождем.

Заставил перемерить при мне, и все сошлось в точности. Для доказательства сделали и фотографию. Ухо имело длину всего в два дюйма (5 см), зато лицо, от макушки до кончика подбородка, — больше тринадцати дюймов (32,5 см), то есть выше фута! И если расстояние от макушки до копчика было чуть больше четырех футов (1,2 м) — намного больше, чем у человека, то ноги оказались соответственно короче. Но и они достигали более чем двух футов (60 см). Самцы гориллы могут выпрямиться, то есть встать на прямые ноги, и тогда оказываются более шести футов (1,8 м) ростом. Многие специалисты готовы с пренебрежением отнестись к этим данным — я могу только предложить им пойти в Британский музей, лично осмотреть скелет, а потом пойти домой и сравнить эти цифры с размерами самого крупного из знакомых мужчин.

Затем следовал поиск наружных паразитов. Мы обнаружили только несколько очень мелких клещей, оказавшихся совершенно неизвестными науке. Убитое животное пролежало достаточно долго, чтобы все остальные успели покинуть своего мертвого хозяина.

Затем мы приступили к свежаванию. Работа очень трудная, и в нее включились все, кто мог разместиться возле туши. Я был вынужден следить за множеством людей, чтобы помешать им подскочить к туше и самостоятельно отрезать свою долю. Здесь мне на помощь пришел авторитет вождя Икумо: охрипшая от крика толпа держалась на почтительном расстоянии.

Наконец я закончил вскрытие и заявил, что охотник может забирать свою долю. Выяснилось, что он отлично знает анатомию: с поразительной точностью он вырезал кусочки мышц, покрывающих надбровные дуги, куски из-под мышек и паха, сердце целиком, часть тонкого кишечника, верхушку левого легкого, несколько мышц из живота и поджелудочную железу. Я попытался про-

вести его, подсунув вместо этой железы левую долю печени, которая была точно такого же цвета, но он не дал себя одурачить и, сверкнув на меня глазами, будто я гоюсь только для ритуальной жертвы джу-джу, схватил поджелудочную железу. Покончив со своим делом, он настолько обессилел, что его чуть ли не унесли на руках.

Снятое с костей мясо лежало во дворе огромной кучей высотой до пояса. Вождь выбрал заднюю часть и остаток тонких кишок.

В общем над «мясом» трудились двадцать человек в течение тридцати шести часов, прежде чем оно было должным образом обработано. Кости скелета нужно было очистить и отмыть, а шкуру отскрести от жира — дело само по себе нелегкое, затем растянуть на раме и сушить над небольшим огнем трое суток. Наконец, с рук и ног нужно было снять шкуру до последних фаланг пальцев. Это самая трудная работа не только потому, что она пришлась на раннее утро утомительного дня, но и потому, что кожа на ладонях и подошвах крепко прикреплена к мышцам и костям прочными, как проволока, сухожилиями.

Может показаться, что я с чувством разочарования упоминаю о том, что сами мы не убили ни одной гориллы. Наоборот, нас это вполне устраивало по двум причинам. Во-первых, животные очень строго охраняются законом. Во-вторых, это подтвердило, что у нас ни разу не возникла необходимость стрелять в величавые создания природы ради самозащиты. Африканцы не охотятся на горилл, и, честно говоря, я уверен, что стреляют они только в случае крайней опасности. Дальше к западу, в Икуме, на территории Нигерии, дело, по-моему, обстоит иначе, если судить по количеству черепов, которыми торгуют или которые держат в свя-

тилищах джу-джу. Причиной тому — малопочтенные привычки тамошних жителей.

Жители здешних гор живут бок о бок с гориллами, прекрасно различают по внешности все их семьи и могут более или менее точно сказать вам, в каком месте вы встретите ту или иную группу, как они будут выглядеть и сколько их в семье.

Ученые прилагают громадные усилия, чтобы разобратся в многочисленных и несхожих между собой подвидах горилл. Существуют горный и равнинный подвиды, причем последний уже исчезает и встречается лишь на небольшом пятачке на Востоке. В районе Ассумбо я наблюдал величайшее разнообразие окраски, сложения и размеров горилл, которое превышало все различия между подвидами, описанными в других районах Африки, где еще встречаются эти животные. Каждая горилла обладает индивидуальными отличиями и признаками семейного сходства. В одной семье у всех от мала до велика с самого детства одинаковые ярко-рыжие хохлы на макушке, в другой — все имеют почти целиком серебристо-серую окраску, в третьей — всех можно назвать «жгучими брюнетами». Разумеется, кроме этих признаков есть и другие, чисто возрастные, например седина, как и у людей.

Мы с нашим другом Афой много и долго преследовали горилл. Джордж однажды проник в середину большой группы, слышал, как они сытно рыгают, вызвал возмущенный рев старого самца и видел, как они колотят себя в грудь сжатыми кулаками. Я обследовал несколько их «гнезд», которые представляют собой просторные помосты, приподнятые на несколько футов над землей и сконструированные для сна на одну ночь при переходах с одного кормового участка на другой. Основу составляли согнутые к центру молодые деревца, сверху на этот «пружинный матрас» наваливались зеленые ветви с окружающих деревьев. В таких постройках я на-

считал больше двух дюжин узлов, которыми животные привязывали лианы к деревьям, чтобы закрепить их в нужном положении. По большей части это были простые «бабусины» узлы, но среди них было три настоящих морских узла (один из них я вырубил и сохранил), хотя, без сомнения, они получились чисто случайно. Размер сучьев, наломанных и очищенных от листвы для постройки помостов, просто ошеломляет и свидетельствует о неимоверной силе животных.

Необычайная длина рук гориллы всегда вызывала недоумение. Они, конечно, образуют отличные рычаги для выкорчевывания деревьев и вполне удобны для хождения на четвереньках, но наблюдения в районе Ассумбо позволяют нам говорить еще об одном способе их применения, более важном, чем все другие. Чтобы передвигаться по обрывистой местности, мало одних ног, нужна еще пара рук, к тому же достаточно длинных. Руки гориллы как раз такой длины, что можно идти вверх по любой крутизне, пользуясь ими как дополнительной парой ног. Своими глазами я видел, как горилла спускалась с обрыва задом, страхуя спуск руками, — так поступил бы и человек в подобной ситуации.

Поздним вечером к нам прибыл второй по рангу вождь — его территория находилась как раз между Икомом и Тинтой — и объявил, что к нему пришел человек из Икома и предлагает продать детеныша гориллы. Привели человека — высокого, очень чернокожего малого, бегло болтавшего на пиджин-инглиш. Все это, не говоря уж о тех местах, откуда он явился, сразу же показалось мне подозрительным. У него на руках сидела кроха черного цвета, которая задумчиво сосала свой большой палец, разглядывая нас с молчаливым любопытством. Я тут же решил, что мне совершенно необходим этот гориллий младенец, который был похож на ребенка больше любого из виденных мной человеческих младенцев, если не считать героев рекламных фильмов.

Мы принялись торговаться. Я не собирался платить за детеныша больше, чем уплатил за громадного самца. И хотя мы могли бы дать за него и больше, это было бы нехорошо по отношению к нашим друзьям ассумбо. Владелец обезьянки никак не желал этого понять.

— Бен! — позвал я во весь голос. — Зови Этии сию минуту.

Наступила неловкая пауза: доблестный охотник приосанился и расплылся в самодовольной улыбке. Тут вбежал Этьи, наш придворный посланник.

— Этьи,— обратился я к нему,— ты можешь взять этот человек, совсем чужой здесь, и посадить его в тюрьму в Мамфе за добычу охраняемых животных, пока не вернется управитель района?

— Да, я очень даже можешь,— отвечал Этьи, хотя прекрасно знал, что вряд ли это ему удастся.

Я обернулся к охотнику — так называемому охотнику. Передо мной стоял совершенно другой человек.

— Я буду плати вождю Олити восемь шиллингов за то, что он тебя привел,— сказал я,— из них он плати человеку своего племени, который тебе продал гоилу (так звучит «горилла» на пиджин-инглиш), шесть шиллингов. Вот тебе два шиллинга за беспокойство и на еду в чужих краях. А теперь убирайся, мигом!

И можете мне поверить — он мигом убрался. А мы со стариком вождем Олити посидели, посмеялись, вдоволь посудачили о «мясе» и о предках.

Станным и на редкость неудачным показалось нам то обстоятельство, что мы ни разу не встретили шимпанзе в естественных условиях. Мы много раз пробирались в места, где они должны были водиться во множестве, даже жили в таких местах неделями, и все же они ни разу не попались нам на глаза. Несколько раз я слышал громкие звуки, напоминавшие голоса шимпанзе, но в лесной глуши никогда нельзя с уверенностью сказать, кто кричит.

Эту потерю нам возмещали наши ручные шимпанзе, которых перебивало у нас довольно много. Два молодых шимпанзе были нашими спутниками почти до конца путешествия. Если бы ласковая и милая маленькая Мэри не умерла от простуды, то оба они вернулись бы с

нами и до сих пор жили бы у меня дома, конечно, если бы выдержали английскую зиму.

Мэри прибыла к нам дождливым вечером, сидя на плече торговца из народа хауса. Он пришел с севера, где приобрел ее, чтобы перепродать европейцам на побережье. Мне она обошлась в два фунта — я не смог перед ней устоять. Очень грязная, со свалывшимися волосами, свисавшими на лицо, она больше, чем обычно шимпанзе, напоминала маленькую старушку. Но затем я заметил еще нечто такое, отчего у меня сердце перевернулось. Почти на всех пальцах ног и на нескольких пальчиках рук последние фаланги были раздуты, как шарики. Я знал, что в этих «шариках» поселились клещи-краснотелки, и боль, наверное, была невыносимая.

Не успел я стать владельцем шимпанзе, как тут же понес ее за дом, усадил в ванночку с мыльной пеной и хорошенько вымыл. Вначале она орала так, что никакому младенцу с ней не сравниться, но к тому времени, как ее закутали в мохнатое полотенце, чтобы вытереть, она уже ворковала и что-то радостно приговаривала — самое что ни на есть человеческое поведение. Я тут же приступил к другому делу — начал оперировать все пальцы по очереди. Когда я наклонился над ней со скальпелем и пинцетом в руках, она снова раскричалась, но после первого надреза дернулась и затихла и в полной тишине только тоненько попискивала, как довольный ребенок, наблюдая за операцией с таким же любопытством, как и все присутствующие. Она отлично понимала, что мы избавляем ее от боли, мучившей ее, судя по всему, неделями.

Клещи — паразиты, которых полно в пыли возле человеческих жилищ. Они внедряются под ноготь, а там разрастаются в мясистые белые мешочки порядочных размеров: сначала возникают просто небольшие болез-

ненные нарывы, они все больше воспаляются, пока наконец последняя фаланга пальца не превращается в полость, заполненную гноем. У Мэри один из пальцев на ноге уже достиг этой стадии. Когда я срезал больную кожу, вся жидкость вытекла, и осталась торчать белая, оголенная кость. Ее пришлось ампутировать, а кожу обернуть вокруг оставшегося второго сустава. Это было ужасно больно, но Мэри только похныкивала, а когда я кончил оперировать и перевязал все пальчики, она без всякого намека с моей стороны обхватила меня обеими руками за шею и целовала и обнимала — ни за что не хотела отпускать...

Весь вечер она просидела в старом кресле, завернутая в одеяло, с любопытством наблюдая за работой наших препараторов.

Три недели спустя в деревянном ящике прибыл Дубина. Мы окрестили его так сразу, как только увидели: самая тупая и идиотская физиономия из всех, какие я встречал. Так он до конца и остался дураком со скверным характером. Когда ящик открыли, я сунул туда руку и стал его гладить — ведь я привык к ласковой Мэри. Африканцы, которым он принадлежал, страшно взволновались и уговаривали меня никогда к нему не прикасаться — он отличался исключительной злобностью и кусался как бешеный. Ну, а когда я начал его бояться, Дубина сразу это почувствовал и при новой моей попытке его потрогать наградил меня сильнейшим укусом. А уж после этого я к нему прикоснуться не смел.

У маленьких шимпанзе лица розовые, как у белых людей. На лице у Дубины уже проступали темные пятна — предвестники взрослого «цвета лица». Нрав у него был подлый и вздорный, он досаждал Мэри много месяцев подряд, до самой ее смерти, вопил во весь голос, когда ему не нравилась еда, и вообще всем надо-

едал. Один-единственный раз он нас рассмешил, да и то непреднамеренно.

Когда мы выходили в поход, переселяясь в новый лагерь, вся наша живность совершала путешествие в клетках на головах носильщиков. На этот раз зверья набралось так много, что шимпанзе пришлось поместить в одну клетку с живой домашней птицей, которая предназначалась нам на пропитание. Всю дорогу до меня доносились нестройные вопли из птичьих клеток в конце вереницы носильщиков, но у реки, где мы задержались и носильщики нас догнали, я увидел, что Дубина старательно, не покладая рук ощипывает птицу живьем. Несчастные пернатые были уже почти голыми и являли собой потрясающее и смехотворное зрелище. А у дурацкой обезьяны на морде было все то же тупое выражение.

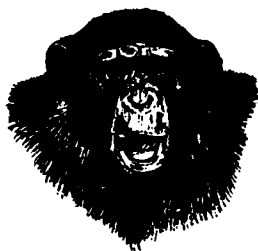
Шимпанзе радостно резвились возле дома или рядом с палатками, пока не появилась маленькая горилла. Они никак не могли к ней привыкнуть. Горилла казалась им такой же обезьяной, и все же они чуяли какую-то разницу. Они подбирались к ней, заглядывали в крошечное морщинистое черное личико и с криком удирали во все лопатки.

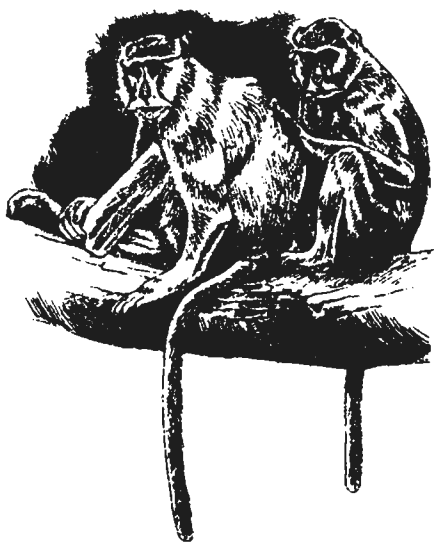
Когда Мэри выпускали из клетки, она тут же с непоколебимой решимостью отправлялась искать меня, где бы я ни сидел за работой. Стоило ей издали завидеть меня, как она испускала крик, усиливающийся до крещендо по мере того, как она все быстрее бежала ко мне; он сменялся нежным тихим бормотанием только тогда, когда обезьянка устраивалась у меня на коленях и, счастливая, принималась рассматривать все, что лежало передо мной.

Трудно вообразить два более несхожих характера, чем у Мэри и Дубины, но в этом нет ничего удивительного: у каждого шимпанзе свой характер, своя ин-

дивидуальность, как и у человека. Среди них встречаются хорошие и плохие, добрые и ласковые, как Мэри, или злобные и коварные. Если хотите держать шимпанзе дома, придется изучить его характер точно так же, как если бы речь шла о ребенке лет семи, воспитанием которого вы хотите заняться. Они способны учиться действовать последовательно, как и люди, но подвижный ум детенышей быстро утомляется, и минуты через три их внимание начинает отвлекаться; только некоторые необыкновенные самочки могут заниматься одной задачей много минут подряд и удивительно настойчиво добиваются того, чего хотят.

Первыми звуками, которые мы слышали, возвращаясь в лагерь, всегда были приветственные крики и болтовня шимпанзе.

Глава одиннадцатая
**ОБИТАТЕЛИ ТРАВ И ГОРНЫХ ЛЕСОВ
(ОБЕЗЬЯНЫ И ЛЯГУШКИ)**

— Послушай, Герцог, мне очень жаль, но другого выхода у нас нет. Если окружной инспектор заглянет к нам на обратном пути в Мамфе, тебе надо будет воспользоваться возможностью и вернуться с ним. А если нет — придется тебя нести до Баменды.

— А может, лучше все же вернуться в Мамфе?

— Много ли ты пройдешь — у тебя же все ноги в гноящихся язвах.

— Да... Конечно, ты прав, только вот чертовски обидно уходить отсюда как раз тогда, когда началась самая интересная работа.

— Слушай,— сказал я.— Скажу тебе все начистоту. Не можем же мы с Джорджем до бесконечности

промывать тебе ноги марганцовкой через каждые два часа: чтобы иметь право проматывать чужие деньги, нам нужно сделать еще кучу работы в этих горах. И еще вот что: хочешь убедиться, что над нами нависло несчастье,— прислушайся к загробному вою в лесу. Сам знаешь, что бывает каждый раз, как услышишь этот голос. Можешь считать меня темным, суеверным человеком, но признайся — в нем есть что-то сверхъестественное.

Мы угрюмо молчали в ожидании очередного вопля из преисподней. И вот он прозвучал, одинокий и отчетливый, повергая наши души в черные глубины отчаяния. Нет на земле другого столь дикого, жуткого, потустороннего звука, который сравнился бы с этим душераздирающим свистом, пронизывающим ночную тьму среди безлюдных нагорий, способным свести с ума. Начинаясь с еле слышного звука, он нарастает до неимоверного воя, не меняя тональности, и внезапно обрывается. Потом, после зловещего молчания ровно на пятьдесят секунд, он включается вновь. Сила и слышимость его колоссальны, и стоило нам его услышать, как тут же случалась нешуточная беда. Он завывал, как душа, страждущая в аду, как раз накануне болезни Герцога. Он стenal и воздыхал, когда я валялся в приступе лихорадки. Он взывал к небесам, взвинчиваясь до немыслимого крещендо, словно чувствуя нашу печаль, когда мы покидали эту таинственную страну, пробираясь среди горных бастионов, где ветер стонал в травах и молнии трепетали среди вершин.

Той ночью легионы истерзанных душ зывали тут и там по всей громадной долине, изливая невыносимую тоску одиночества,— каждая на своем месте и в собственном ритме. Мы знали, что нам предстоит расстаться и наш маленький отряд станет еще меньше, быть

может, на много месяцев, но не только эта мрачная перспектива занимала наши мысли.

— Черт бы побрал воющих тварей! — вырвалось у меня. — Надо выяснить, что это такое. Уверен, что не млекопитающее, хотя и не могу объяснить почему, и больше чем уверен, что тут нет ничего сверхъестественного.

— Пойдем посмотрим, — предложил практичный Джордж.

— Пошли!

Но мы не пошли, по крайней мере в ту ночь. В ту ночь мы отправились спать и лежали без сна, слушая зловещие вопли, накликавшие беду.

На другой день Герцог отбыл, лежа в импровизированном гамаке, закрепленном на головах четверых крепких африканцев, и мы остались одни среди доброжелательных ассумбо в их родной стране колышущихся трав. Наспех перекусив вместе с Джорджем, я обошел дом и крикнул:

— Эй, все, кто есть, собирайся, мы идем в горы. Неси ружья, много бутылка и бинокли.

Мы с Джорджем переглянулись и усмехнулись, даже встали и обменялись торжественным рукопожатием — небольшой ритуал, который мы себе позволяли, когда жизнь нам приносила внезапные дары. Вся наша экспедиция свободно вздохнула, все вдруг почувствовали себя мальчишками, которых выпустили из кабинета директора после основательной взбучки: самое страшное осталось позади. Мы вовсе не связывали это с беднягой Герцогом — видит Бог, он ни в чем не провинился, но нам приходилось нянчить его не покладая рук, и вдобавок мы оказались почти на две недели безвыходно прикованными к лагерю, и все это настолько удручало нас, что, расставшись с Герцогом, как это ни было печально, мы почувствовали облегчение.

Вскоре весь отряд уже карабкался по узкой тропинке, вьющейся вверх по склону над долиной. Это был всеобщий Исход — с нами отправилась даже домашняя прислуга, а маленькая глинобитная хижина, служившая нам жильем, была оставлена на произвол Иби, предводителя нашей маленькой армии носильщиков-намчи, для генеральной уборки. Вождь прислал нескольких женщин из деревни Тинта залатать кое-какие дыры в стенах, возникшие в результате слишком резких перестановок мебели и невидимой для глаз, но кипучей деятельности «белых муравьев».

Солнце сияло на безоблачном небе, когда мы нырнули в настоящий лес дремучих трав высотой в два человеческих роста. Люди затерялись в нем, как жучки; мы слышали, как остальные где-то копошатся, и могли окликнуть друг друга, но чувствовали себя отрезанными от всего мира.

Когда мы взобрались футов на тысячу вверх и деревня и наш домик показались нам условными значками на крупномасштабной карте, вдруг кто-то дико заорал. Я тоже завопил, требуя объяснения; в ответ мне прокричали: «Змея!» Столпившись вокруг Эмере, мы увидели, что он расправляется с желто-черным пресмыкающимся. После этого мы шли более осторожно и видели еще нескольких змей, но вскоре вышли на уступ, где начиналась обыкновенная трава по пояс высотой. Теперь мы были в глубине нагорий; куда ни глянь, повсюду глаз встречал одно и то же: травы, бескрайнее море трав, простирающееся во все стороны. Густым войлоком они облегали мягко округленные холмы и долины.

Я окликнул других, и мы, рассредоточившись, стали подниматься цепью по длинному пологому склону. Вскоре из травы впереди нас выскочили несколько мелких антилоп и понеслись, взлетая над высокой травой в длинных прыжках — то влево, то вправо. Я так и не

понял, то ли это дукеры (*Cephalophus rufilatus*) в несколько несвойственной им среде обитания, то ли невиданный дотоле вид газелей, но животные, безусловно, напоминали дукеров по размерам и окраске — яркой, красновато-оранжевой, с белоснежным брюшком.

Поднявшись на самый верх склона, мы оказались на плато, где были разбросаны небольшие купы деревьев, словно в саду. Такая уж это диковинная местность: деревья растут выше пояса трав, хотя, согласно законам природы, им положено находиться ниже. Кое-кто утверждает, что травы выросли на месте выгоревших лесов. Возможно, причина — в отсутствии почв, которым из-за крутизны склонов не на чем держаться. Когда мы проходили этим горным садом, нас застала врасплох большая стая обезьян; животные учинили дикий переполох и бросились удирать во все стороны; бежали они точь-в-точь как собаки.

Мы смогли их узнать: длинные, примерно одинаковой длины лапы, песчано-рыжая шерсть. Это были мартышки-гусары (*Erythrocebus patas*), довольно обычный вид для безлесных мест.

У нас была ручная обезьянка Санга этой породы. Маленький весельчак много месяцев жил у нас и вел себя совершенно так же, как любая собака. Когда его привязывали, он большую часть времени посвящал своеобразному танцу на месте, время от времени сопровождая его протяжными, щебечущими, тоненькими трелями. Вначале он нагибался вперед, натягивая веревку, которая была обвязана вокруг пояса и была достаточно коротка, чтобы поддерживать его. Потом он принимался хлопать ладошками попеременно то о землю, то в воздухе, аккуратно складывая их вместе. Задние лапы оставались на земле. Когда же его спускали, он носился галопом по всему лагерю, приостанавливаясь только затем, чтобы изловить кузнечика или кобылку или громадным прыжком взлететь прямехонько на стол, за ко-

торым мы работали,— не раз он приземлялся среди наших драгоценных экспонатов, разлетавшихся куда попало. В дороге его поручали Омези, и обезьянка трусила с ним рядом на поводке, как благовоспитанная собачонка.

Когда болтовня и перекличка обезьян замерли вдали, до нас донеслись более близкие звуки. И вскоре мы вышли к стаду совсем других обезьян. Серебристо-серого цвета, с белой оторочкой вокруг лица, все они, как одна, увидев нас, взобрались на деревья, не выпуская из рук мелкие корешки, накопанные в рыхлой почве. Это были обычные для Африки зеленые мартышки (*Cercopithecus aethiops*), которые переполняют клетки в зоопарках, вытесняя почти всех остальных. Они довольно выносливы и с легкостью приспосабливаются к климату других стран.

Обезьянки оказались настолько смелыми, что нам удалось подойти к некоторым из них совсем близко — на расстояние нескольких футов — и отснять приличный метраж. Треск кинокамеры скорее заволакивал их, чем пугал: на крупных планах видно, как они с необыкновенно озадаченным выражением на лицах наклоняют головы то в одну, то в другую сторону.

За полосой «садов» лежала небольшая ложинка среди крохотного ровного плато. После завтрака на траве я взял ружье и пошел на разведку в ложинку. Когда я вступил на болотистую почву, что-то неожиданно прыгнуло передо мной в высокой траве; разведя стебли, я увидел поднимавшиеся из густой зелени две очаровательные головки с лирообразно изогнутыми рогами и громадными лучистыми глазами. Они показались на миг, а затем беззвучно скрылись, лишь трава колыхалась на их пути. Я пробрался обратно и приказал всем окружить маленькое болото. Хотя мы двигались быстро,

а кругом была более или менее открытая местность, животные как сквозь землю провалились.

Должно быть, они продолжали двигаться прямо от меня после того, как я их спугнул, и ушли за ближайшие отроги холмов. Более крупные виды антилоп сплошь да рядом встречаются в Восточной Африке, но на западе континента они, как и многие другие животные, попадаются реже; поскольку укрытий здесь больше, выслеживать их — нелегкое дело. Наткнуться на антилоп можно разве что случайно, а на вершинах обнаженных гор они большая редкость.

Вслед за тем мы умудрились заблудиться, и основательно. Перебравшись в следующий громадный природный амфитеатр, мы решили пойти напрямик через горы, туда, где, по нашим соображениям, находился наш дом. Однако, поднявшись на вершину гребня, мы увидели расстилавшуюся впереди бесконечную панораму — гребень за гребнем, долина за долиной. Тогда мы повернули налево и продолжали путь, но часа через два порядком устали, пробираясь по пояс в густой траве, а до гребня — очередного намеченного нами наблюдательного пункта — оставалось еще столько же. Затем мы обнаружили, что наш путь пересекают бесчисленные обрывчики и расщелины. В них мы и углубились.

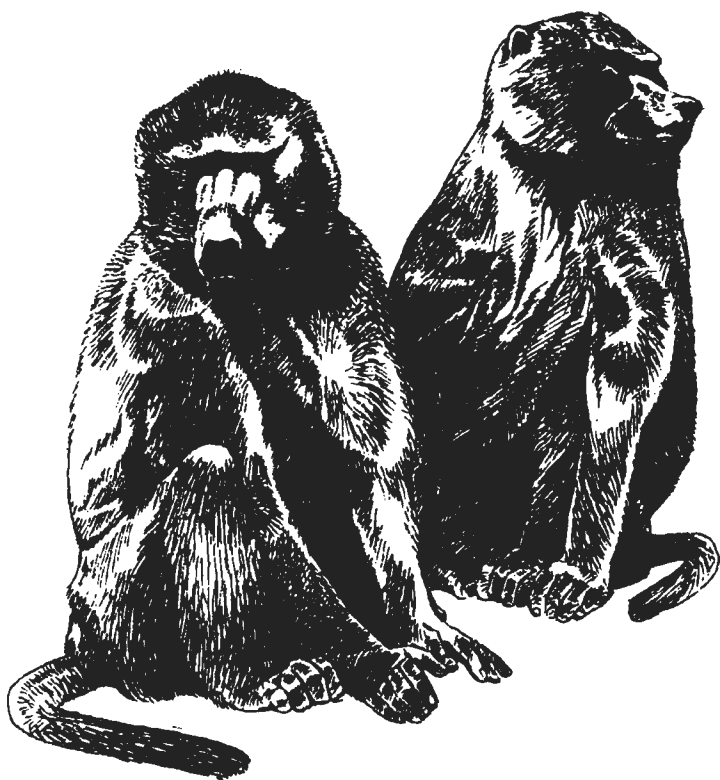
Сверху нам казалось, что там лишь мелкая поросль, но стоило нырнуть в путаницу ветвей, как оказалось, что земля почти отвесно обрывается к берегам кристально чистых ручейков, прыгающих среди крупных глыб маленькими водопадами вперемежку с тихими заводьями. Местами растительность буквально стояла стеной, и нам приходилось идти гуськом, прорубая себе дорогу. Это была идеальная местность для горилл. Честно говоря, в такой чаще немудрено наткнуться на целое стадо горилл, того и гляди, набредешь и на парочку динозавров, мирно пасущихся среди экзотических

древовидных папоротников и прочей первобытной растительности.

Выкарабкавшись из очередной расщелины, мы оказались на обширном пологом склоне, по которому тут и там мелкими куртинками росла короткая травка; множество небольших зеленых растений вроде салата настолько равномерно покрывали землю, что напоминали грядки в огороде. Пока мы обменивались мнениями об этих диковинках, над нашими головами раздался резкий звук — нечто среднее между фырканием, кашлем и лаем. Мы посмотрели вверх и увидели какое-то животное, сидящее на большом валуне у края высокой осыпи. Но не успели мы схватиться за бинокли, как существо рывкнуло еще несколько раз, такие же сигналы прозвучали в ответ впереди нас, а затем громадное стадо бабуинов врассыпную бросилось вверх по склону, ворча, лая и вообще всячески выражая свое возмущение тем, что их потревожили за вечерней трапезой.

Однако у них хватило ума держаться вне выстрела, и, если бы не эта предусмотрительность, их накрыл бы шквальный огонь из всех наших ружей. Как вы понимаете, нам придавало храбрости численное превосходство и разнообразие вооружения. Старик дозорный лаял не переставая, пока мы не прошли мимо и не скрылись из виду среди разбросанных скал. Тогда он встал и неторопливо спустился по склону поближе к нам. Словно чувствуя границу досягаемости выстрела, он повернул вправо и устроился на следующем наблюдательном пункте. Оттуда он следил за нами, не спуская глаз, и нам пришлось пройти прямо под ним.

Мы пересекли открытое пространство и подошли к тому месту, где кормились обезьяны. Мелкие растеньица, похожие на салат, были вырваны с корнем, вокруг валялись листья, а сочные клубни были отгрызены. Дальше нам нужно было подняться немного вверх, чтобы обойти глубокий овраг. Тут мы оказались как раз

под стадом обезьян, а дозорный двигался в том же направлении, не отставая от нас. Должно быть, ему показалось, что мы перешли в наступление, потому что он издал дикий вопль и галопом бросился предупреждать остальных. Но они услышали его крик и обратились в бегство, причем с осыпи сорвалось несколько крупных валунов. Камни, подскакивая, катились на нас: ни дать ни взять цепь карликовых всадников, мчащихся в атаку. Некоторые застряли на осыпи, зато другие пронеслись в опасной близости.

Не сомневаюсь, что большинство людей уверяли бы, что павианы нарочно сбросили на нас камни. Сообщений о подобных проделках предостаточно!

Близились сумерки, а деревни Тинта все еще не было видно, хотя идти здесь было значительно легче, и мы были уверены, что нам осталось преодолеть последний гребень. Об этом мы и беседовали, когда вечернюю тишину пронзил тот самый ужасный нарастающий свист.

Мы сразу же забыли о деревне Тинта и ее географическом положении. Решили: надо выследить привидение и покончить с ним раз и навсегда. Остановились по команде, сбросили на землю ношу и встали, ожидая нового крика. Ждать пришлось долго. Наконец он снова зазвучал. Последовала горячая дискуссия о том, откуда он доносится. Все африканцы, кроме Фауги и Гонг-гонга, уверяли что крик раздается снизу, из долины. Джордж разумно воздержался от какого-либо высказывания. Я был в равной мере убежден как в том, что он раздается сразу со всех сторон, так и в том, что он исходит из одного определенного места. Но поскольку Фауги и Гонг-гонг родились на травянистых равнинах, я решил прислушаться к их мнению. Они оба утверждали, что звук исходит из глубины длинной узкой долинки, поднимавшейся по склону вправо от нас. Когда он раздался в третий раз, мы с Джорджем склонились к их мнению, хотя считали, что они сильно преувеличивают расстояние до источника звука.

Мы отделились от остальных и, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, двинулись в сторону звука. Он не становился ни громче, ни глуше, неизменно прозрачный и тоскливый, он долетал до нас в разреженном воздухе. Медленно пробирались мы через небольшие рощицы вверх по травянистым склонам, все выше и выше; звук манил нас, и теперь мы точно

знали, откуда он доносится. Долинка сузилась и перешла в расщелину, звук делался все более пронзительным, а по мере того как мы поднимались, разросся до такой мощности, какой я и вообразить не мог; признаться, в жизни не слышал, чтобы такой силы звук издавало живое существо. Когда он возникал и нарастал, воздух буквально дрожал. Этот звук можно было сравнить разве что с самой мощной паровой сиреной. Мы выбрались на острый гребень и стояли среди куртин высокой травы, а неведомый звук гремел так, что у нас едва не лопались барабанные перепонки.

Я обернулся к Фауги и спросил, кто считается обладателем этого мощного голоса на его гористой родине, — он говорил как-то, что там его тоже слышали. В промежутке между загадочными воплями он со смехом заявил, что, по поверью, так духи предков выражают свое недовольство, а чем — никто не знает. Как видно, такое сообщение оскорбило существо, издающее звук, — оно вдруг замолкло. И тут я призадумался: а что, может быть, и вправду это страдавший бесплотный дух какого-нибудь деревенского старейшины? Мы стояли в глупейшем положении.

Я не намеревался отступать даже перед сгущающимися сумерками — ведь мы почти докопались до разгадки тайны! Я уселся, где стоял, и, как осел, отказался двигаться с места, испепеляя взглядом любого, кто дерзал нарушить тишину. Минуты шли за минутами. Мы следили, как ползут тени гор, поглощая друг друга. Отчужденный от земли мир, затопляемый почти осязаемым безмолвием...

И тут произошло нечто неожиданное. Из под кочки, рядом с той, где я уселся, раздался знакомый жуткий свист; стоило мне резко дернуться, как он оборвался, не достигнув полной мощности.

— Окружай кочку! — закричал я. — Фауги, рви траву вокруг!

Мы сгрудились вокруг кочки и принялись вырубать траву. Справились очень быстро, но там ничего не оказалось. Растеребили каждый комочек земли — вдруг где-то затаилось какое-нибудь насекомое, которое и окажется искомым преступником? Но ничего живого там не оказалось. Тут Джорджа осенило.

— Копайте! — приказал он, и мы принялись за дело.

Когда был снят верхний слой почвы, обнаружилось отверстие наподобие крысиной норки. Ход уходил круто вниз, и мы не без труда следили за его направлением, отбрасывая землю. На глубине примерно двух футов ход резко свернул в сторону. Фауги ткнул туда своим длинным ножом, и вверх брызнула струйка крови. Он бросил нож, сунул в норку руку и вытащил большую ящерицу. Извлеченная наружу, она издала слабое эхо крика, неизменно наводившего на всех ужас, и испустила дух. У нее был перебит позвоночник.

Так вот каков наш невидимый дух! Неудивительно, что никто не догадывался об этом. Ящерицы — народ молчаливый, за исключением геккона, и никогда еще не было замечено, чтобы какая-нибудь из них свистела, как пароходная сирена в тумане. Этот звук беспокоил, тревожил, едва не сводил с ума многих людей, живших в Африке, — теперь они будут знать, где искать возмутителя спокойствия. Это крупный сцинк (*Lygosoma fernandi*), обитающий на песчаных участках. Спина у него пестро разукрашена продольными полосами — черными с белыми или черными и кремовыми, брюшко белое, а бока, щеки и кольца на хвосте — яркого вишнево-красного цвета. Местные жители приписывают сцинку массу ужасных свойств, уверяя, что укус его смертелен, а хвост — настолько могучее джу-джу, что даже вождя может превратить в бесноватого.

Прошло уже почти четыре года после нашего возвращения из экспедиции, а я все еще не успел разобраться в анатомии этой ящерицы и выяснить, как же она издает этот чудовищный звук: нет времени, я до сих пор завален ра-

ботой по вскрытию и изучению других, более важных для науки животных.

Вне себя от радости после удачной охоты, мы кое-как в пугающей полутьме добрались до остальных участников похода и все вместе отправились домой. Перевалив через гребень, мы наконец оказались в долине Тинта, но света было еще достаточно, и мы увидели — до дома примерно так же далеко, как было в полдень. Мы снова стали пробиваться сквозь траву и примерно через час наткнулись на еле заметную охотничью тропинку. Она нырнула в «мелкие заросли». Мы окончательно запутались, как вдруг откуда ни возьмись из кромешной тьмы вынырнули трое местных охотников.

Мы выстроились в затылок друг другу, и охотники возглавили шествие, но под деревьями царил непрояснимая тьма, и наша одежда непрерывно цеплялась за ветви. Тогда охотники объявили привал и принялись что-то искать в кустах. Они не говорили даже на пиджин-инглиш, а наши знания их родного языка пока еще покоились в колыбели, поэтому мы тоже не могли спросить, что они собираются делать. Наконец они нашли несколько небольших гнилых стволов и принялись шарить вокруг. Внезапно я увидел неяркие зеленоватые огоньки.

Через несколько секунд один из охотников протянул мне пригоршню светящегося вещества, я разглядел что-то вроде светящегося древесного гриба. Потом они перевернули гнилой ствол, и под ним затеплились более яркие золотые огоньки. Это оказались светящиеся многоножки, охотники разломали их пополам и засунули в свои жесткие, как пружинки, волосы.

Мы снова отправились в путь следом за светящимися головами охотников, и каждый из нас нес кусочек светящегося гриба, чтобы указывать путь тем, кто шел сзади. По прибытии домой мы узнали, что остававшиеся там двое носильщиков из намчи проявили инициативу и дерзнули приготовить для нас обед. Мы обрадовались этому до глубины души, но наш повар Айюк просто рассвирепел.

Захватив керосиновую лампу и несколько ведер с водой, я удалился за дом принять ванну. Я не жалел воды; мыльные струи стекали на жесткую утопанную землю, исчезая в отверстиях бесчисленных нор. Когда я вылил на себя последнее ведро, в углу дома послышалась какая-то возня и что-то длинное и черное метнулось прочь.

Я шлепнулся на него. Это был «завывающий дух» — он выскочил из-под нашего собственного дома.

Прогулка в горы, если не считать нашего похода за гориллой, была первой настоящей встречей с животным миром высоких нагорий. Их величавое одиночество и абсолютная отключенность от мира заворожили нас. Теперь мы наконец избавились от необходимости торчать возле дома, и нам очень хотелось узнать как можно больше о жизни этих нагорий. Я стал разыскивать умелого охотника, который хорошо знает местность и согласился бы стать моим проводником в погоне за зоологическими тайнами. На счастье, я выбрал Афу, главным образом потому, что он приносил редких животных больше, чем другие, хотя каждый готов был стать моим спутником в дальних походах, чтобы поохотиться на некоторых животных ради их вкусного мяса. Но Афа, очевидно, был по призванию натуралистом.

У нас установился следующий распорядок дня: мы выходили в горы, когда еще стоял густой, обволакивающий предутренний туман. Прихватив с собой немного еды и очень много курева, мы обследовали в основном те места, по которым проходила граница между высокими лесами и областью горных трав. Эта граница представляет собой нечто вроде крепостного вала, протянувшегося с востока на запад и отделяющего лесистые равнины и бассейн Поперечной реки от покрытых травами гор и долин, простирающихся к северу, по которым с водораздела стекают притоки громадной системы реки Бенуэ, впадающей в Нигер далеко на северо-западе. Высокий листопадный лес и горные травы фактически нигде не соприкасаются непосредственно друг с другом. Вдоль всего вала по гребню тянется пояс совершенно особого горного леса — обиталище горилл и множества других редких животных.

Если идти на север от Мамфе, проходишь по более или менее ровной местности, покрытой лесами, где обитают животные, описанные во второй и третьей частях

книги. Когдаходишь в область отрогов северных предгорий, можно встретить несколько новых видов, отличающихся от прежних, но по мере подъема по южному склону нагорья перемены становятся все более разительными; выше границы горного леса попадаешь в совершенно иной мир.

Горный лес покрывает верх гребня и спускается вниз по южному и по северному склонам футов на тысячу (в среднем). Животные, обитающие на каждом из склонов, совершенно разные. Афа не только обратил на это мое внимание, но и привел веские доказательства, а точнее, привел меня к тем животным, которые доказали его правоту.

В лесу на южном склоне полным-полно самых обычных обезьян. Во-первых, это мартышки мона и белоносые, добирающиеся с равнин до самых границ горного лесного пояса. Еще там попадаетея зеленая с золотом мартышка (*Cercopithecus pogonias*), которую мы встречали и на естественных полянах в лесу, а также мартышка, носящая звучное имя *Cercopithecus erythrotis*, с оранжевым носом и оранжевым хвостом. Но в лесу на южном склоне обитают еще два вида обезьян, которых больше нигде в этих местах не встретишь.

Первая — колобус, или гвереца,— угольно-черная красавица в плаще из длинных белоснежных волос (в ателье мехов они называются «обезьяньим мехом»). Другая — крупный представитель группы так называемых мангобеев, у которых общий отличительный признак — белые веки. Обитающий здесь вид — воротничковый мангобей носит имя *Cercocebus torquatus torquatus*! Тот экземпляр, который нам удалось добыть, побил все рекорды по величине — он был более четырех футов в длину. Это красивое животное, с гладкой серой спинкой и белым животом, в ярко-красной шапочке нередко можно увидеть в зоопарках.

И все эти обезьяны, за исключением красноносой, были привязаны исключительно к южному склону. На северном склоне водились всего два вида. Изредка попадалась красноносая мартышка, а кроме нее там обитали представители чрезвычайно редкого вида, который не имеет даже обычного названия (по-латыни он называется *Cercopithecus preussi*). Эти обезьяны сплошь черного цвета, только на груди небольшая белая манишка да поясница покрыта диковинной шерстью с оранжевыми кончиками волос.

Во время первой вылазки в эти места мы с Афой все утро бодро занимались силовой акробатикой, втаскивая друг друга на отвесные скалистые стены, нависшие над пропастью, в поисках летучих мышей и улиток. Улиток можно найти только в расщелинах скал на северном склоне, и добраться до них невероятно трудно, но таков уж удел коллекционера! Около полудня мы устроили перекур — прилегли в лесу чуть ниже гребня, и Афа показал мне, как добывать огонь без спичек.

Это интересовало меня с давних пор, и я не раз пытался добыть огонь трением разнообразных палочек друг о друга, но до сих пор мне удавалось только слегка разогреть их. Афа носил с собой в небольшом мешочке тяжелый камешек, похожий с виду на магнетит, и осколок какого-то кремнеподобного камня. По его словам, этот камень в виде больших пластин, включенных в песчаник, встречается где-то на соседних холмах. В пустом коленце стебля гигантской травы у него хранился трут — для этого надо было соскрести пушок с черешка пальмового листа. Он обложил этим пушком тяжелый камешек, помещенный в деревянный тигель. Затем стал высекать искры кремнем, а когда появилось несколько тлеющих искорок, стал их потихоньку раздувать — вскоре трут занялся. Тлеющий трут он поло-

жил в трубку поверх табака и энергично затянулся несколько раз. Я последовал его примеру, — по-моему, эта процедура несколько не испортила вкуса табака.

В самом разгаре беседы о достоинствах разных сортов табака мы вдруг услышали поблизости протяжный зов. Афа тут же потушил трубку и, зажав пальцами нос, начал подражать звуку. Мы ползком двинулись по направлению к звуку, время от времени отвечая на неумолкающие призывы. Деревья на опушке леса раскачивались и дрожали; в их кронах мы увидели мелькающих среди ветвей обезьян. Афа показал мне старого самца, который скликал остальных, как видно, кормившихся в траве. Животные обратились в поспешное бегство, но не тут-то было: Афа досконально знал местность.

Мы помчались во весь дух в прямо противоположном направлении и через несколько минут остановились в густом кустарнике возле небольшой расщелины. Там мы затаились и прождали в полном безмолвии с полчаса, как вдруг появились обезьяны — они перемахивали с ветки на ветку прямо у нас над головами! Одну из них мы добыли — обезьяну того редкостного черного вида, о котором я уже упоминал. Потом Афа объяснил мне, что эти обезьяны, звонкие крики которых ни с чем не спутаешь, никогда не переходят на другой склон гребня. Поэтому он угадал, что они непременно рано или поздно пройдут вдоль склона, направляясь восвояси с опушки леса, где они кормились и откуда их спугнул, должно быть, запах нашего табака.

В горных лесах мы раскопали замечательных лягушек двух видов. Расчищая площадку под лесной шалаш, я столкнулся «лицом к лицу» с двумя маленькими бежевыми лягушками, которые распластались, прижав-

шлись плотными черными животами к толстой ветке. Я попытался засунуть их в стеклянную баночку, но увидел, что самец, более мелкий, крепко держит самочку двумя необычайно длинными пальцами на передних лапках. Этот средний палец был раза в четыре длиннее всех остальных, тоже не очень-то коротких. Изнутри он был усажен рядом небольших шипиков. Наконец мне удалось засунуть их обоих в банку.

Возвратившись в лагерь, я вытряхнул содержимое из всех своих пробирок и баночек; классификация — специальность Джорджа, пусть он этим и занимается. Когда все разложили на столе, оказалось, что пара бежевых лягушек куда-то исчезла. Я проверил все свои контейнеры, но лягушек не обнаружил, а одна баночка оказалась лишней. Насколько я помнил, только в одной баночке была пара лягушек. Такая банка нашлась, однако в ней сидели две лягушки темно-шоколадного цвета, расписанные тоненькими зигзагообразными белыми линиями, а брюшко у них было чистого белого цвета. Тут я заметил, что у одной из них чудовищно длинные средние пальцы. Но нас ожидало нечто более загадочное.

Мы посадили лягушек в небольшую клетку. После второго завтрака Джордж мимоходом заглянул к ним — и что же?! — обе снова были нежного кремово-бежевого цвета! Мы провели целую серию экспериментов, меняя то освещенность, то температуру, а бедным лягушонкам ничего не оставалось, как поспевать за этими переменами по мере возможности. Они становились то ярко-голубыми снизу, со спинками, играющими черными разводами, оправленными в чистое золото, будто только что от ювелира, то превращались в переливающиеся мягким блеском розовато-туманные опалы, и тогда по их спинкам проходили медленные волны бесконечно разнообразных оттенков коричневатого-серого цве-

та — то с розовыми пятнами, то без них. Это был такой фантастический фейерверк, что мы отказались от попыток описать все их ухищрения ради самозащиты!

Попозже вечером Джордж вдруг ахнул от удивления. Он листал наш каталог и заглянул в более ранние записи.

— Неси сюда этих лягушек, живо, — потребовал он, необычайно волнуясь.

— Сейчас. Да что стряслось?

— Взгляни-ка на эту запись: «Леса Мамфе. Окраска: брюшко белое, темно-шоколадная спинка, извилистые белые полосы; размер — 34 мм». Похоже, что это один из трюков, который нам показали наши лягушки сегодня после обеда?

— Похоже. Давай посмотрим.

Хотите верьте, хотите нет, только когда мы открыли клетку, в ней сидели лягушки, в точности соответствующие описанию.

Объясняется это, по-видимому, вот чем. Лягушки *Cardioglossa leucomystax* живут в опавшей листве под деревьями, но могут взбираться и на деревья. Лягушки — животные холоднокровные, то есть температура их тела зависит от окружающей среды. Если станет слишком жарко и сухо, влага из их тельца испарится и они могут умереть. В лесной подстилке условия совершенно другие: снизу их подогревает тепло гниющей листвы, а слой влажного воздуха непосредственно над землей гораздо прохладнее; среди листвы на деревьях жаркие иссушающие лучи солнца льются сверху, а внизу — прохладные листья, остывающие в процессе испарения воды через устьица. То есть условия меняются на обратные, и бедной лягушке приходится выпутываться «подручными» средствами. А как мы знаем, лучше всего обращать черную или темную сторону к источнику холода — так поглощается максимум тепловых

лучей, а белую или светлую поверхность — к источнику тепла, потому что от нее все лучи отражаются.

Именно это и проделывает наша лягушка: таким образом она сохраняет более или менее постоянную температуру тела. Все остальные цвета, которые мы наблюдали,— это просто промежуточные стадии окраски животного, когда оно, так сказать, переодевается из черно-белого в бело-черное.

Глава двенадцатая **«ПОДЗЕМНЫЕ» ЖИВОТНЫЕ**

Район Ассумбо — подлинная сокровищница лягушек. Во-первых, их там великое множество, а во-вторых, они относятся к видам, которые или вовсе отсутствуют в равнинных лесах, или чрезвычайно редки. Признаться, только в Ассумбо я освободился от довольно мрачного чувства, которое у меня всегда возникало при упоминании о лягушках. Но в этих местах слово «лягушки» не нагонит на вас ни тоску, ни скуку.

Первое чудо появилось за завтраком через несколько дней после нашего прибытия в Ассумбо. Афа, не щадя сил, пытался убедить нас, что лучше, чем он, коллектора нам не найти. По утрам обычно все как-то не клеится, даже африканцы воздерживаются от привыч-

ных шуточек, пока солнышко не прогреет воздух. На этот раз студнеобразный омлет на эмалированных тарелках едва не переполнил чашу нашего терпения, и я с мрачной подозрительностью разглядывал лежавший рядом с моей чашкой загадочный пакет, аккуратно завернутый в банановые листья и перевязанный крепкими стеблями травы.

— Это еще что? — спросил я у Гонг-гонга, указывая на сверток.

— Охотник принеси его.

— Это подарок или его едят?

Вместо ответа Гонг-гонг, едва не лопнувший от сдерживаемого смеха, расхохотался и бросился на кухню, откуда до нас тут же донесся общий неудержимый и оглушительный хохот. Но было еще слишком рано, чтобы разгадывать подобные загадки, и я, сделав хорошую мину при плохой игре, спокойно занялся дрожащим омлетом, не спуская бдительных глаз с подозрительного свертка.

Допивая вторую чашку чаю, я был слегка удивлен, увидев, как сверток коротким прыжком переместился поближе к варенью. При этом он повернулся ко мне другим боком, и я увидел, что под тонким листом что-то пульсирует, надуваясь и опадая, как крошечные мехи. Это уже было выше моих сил. Я осторожно наклонился к свертку, вооружившись ножницами, и — в психологически оправданный момент — быстро перерезал стебель травы. Сверток ответил на это еще одним коротким прыжком и замер. Джордж обратил внимание на маленькую комедию на столе и ткнул ножом в тот конец свертка, что был к нему поближе.

Банановые листья медленно развернулись, и среди них появилось «лицо» — у меня не хватает слов, чтобы его описать. Может быть, вам случалось видеть, а если нет, то вообразите себе вдовствующую герцогиню, отвергающую дешевую сигарету! Широкая голова, круп-

ный крепко сжатый рот, большие карие глаза, а над ними ребрышки домиком — точь-в-точь вздернутые брови. Эта гигантская бровастая жаба-сухолистка известна в науке под именем *Bufo superciliatus*.

Мы разразились хохотом, и животное убрало голову в листья. Оно скрылось из виду с величайшим достоинством и тактично не появлялось, пока не затих смех. Затем оно вышло на сцену, явно с заранее отрепетированным величием, приостановилось, негромко икнуло и ровным шагом направилось прямо к тарелке Джорджа. Там оно внезапно уселось с невыразимо жалостным, умоляющим и скорбным видом.

Я встречал множество милых, симпатичных существ, но эта громадная плоская жаба кремового цвета по-своему больше всех напоминала человека. Просто невозможно было не думать о ней как об удрученной горем старушке, заслуживающей самого горячего сочувствия. Она была шести дюймов в длину и четырех в ширину, с большой широколобой плоской головой и короткими мощными лапами. Сверху она вся была кремового оттенка, а снизу белая; бока, от кончика носа до низа брюшка, включая щеки и наружные поверхности «бровей», были густого кроваво-красного цвета. На задних лапах до самых пальцев чередовались кремово-белые и темно-красные, почти до черноты, кольца. Характер у нее оказался необыкновенно робкий, стеснительный, и она отличалась одной странной привычкой. Когда жаба, удаляясь «в кусты», чувствовала, что ее заметили, или просто считала себя виноватой, она внезапно как подкошенная плюхалась животом на землю, поджимала все четыре лапы и изо всех сил старалась сделать вид, что она просто безобидный сухой листок.

Конечно, с первого взгляда я понял, что это будет моя «самая любимая ручная зверюшка», и вскоре жаба совсем привыкла ко мне и уже не приседала от ужаса, когда я к ней прикасался. Я предоставил ей полную

свободу и ничем не рисковал — ей понадобилось бы около получаса, чтобы преодолеть тридцать ярдов, которые отделяли наш лагерь от леса. Она научилась взбираться, цепляясь за брюки, по вытянутой ноге; когда мы обедали, она сидела у кого-нибудь на коленях, опираясь о край стола маленькими, совершенно человеческими ручками, терпеливо ожидая лакомых кусочков. Брала она их из наших рук поразительно нежно и аккуратно и неторопливо глотала. Если кусок оказывался великоват, она запихивала его в рот одним или обоими большими пальчиками. Она всегда молчала, и от этого казалась еще мудрее.

Афа сообщил нам, что эти животные обитают в горном лесу под подстилкой из опавшей листвы, покрывающей землю. Он сказал, что просто выкапывает их. Эта новая идея навела меня на новые мысли.

Если наш приятель Афа, подумал я, может проводить раскопки в лесной глуши, то, по-видимому, и нам ничто не может помешать делать то же самое. К счастью, с нами была дюжина африканцев-намчи и несколько прочных лопат. Я вывел своих людей на подходящее местечко у края поляны, примыкавшей к небольшому лесочку, и дал команду снять верхний слой земли на глубину примерно в два фута.

Результаты оказались поразительные. Когда прокладывали первую траншею, на свет извлекли замечательную слепозмейку (*Typhlops punctatus*). Потом едва ли не с каждым движением лопаты нам попадался какой-нибудь фантастический неизвестный паук, многоножка, ящерица или краб.

Немного спустя из нашего лагеря прибежал Гонггонг — срочно звать меня обратно, потому что обе палатки повалились и без нашей помощи им не справиться. Я неохотно оставил раскопки и поспешно прошел по опушке триста ярдов, отделявших нас от лагеря.

В лагере творилось нечто неопишное. Обе палатки были поставлены бок о бок, а между ними, от переднего опорного шеста одной палатки к заднему шесту другой, был перекинут крепкий ствол молодого дерева. На нем держалось громадное полотнище брезента, спадавшее с двух сторон на крыши палаток, так что между ними образовался крытый переход, по площади более обширный, чем сами палатки. В одной палатке у нас была спальня, в другой мы работали; препараторские столы стояли между палатками, поэтому мы могли в любую погоду выходить туда и следить за работой препараторов, снимающих шкурки. Палатки у нас были двойные, причем внутренние, меньших размеров, полотняные палатки имели отвесные стенки. Узкие промежутки между внутренними и внешними палатками были завалены разными пожитками. Так как все растяжки с одной стороны лопнули, эта монументальная постройка частично обрушилась и погребла под собой наших препараторов, а частично покосилась под острым углом.

Те, кто оказался непогребенным, цеплялись за растяжки руками, зубами и чем только можно, чтобы палатка окончательно не рухнула. Два добродушных охотника, которые заглянули навестить нас и обделать кое-какие дела, поддерживали наших людей, которые держали растяжки. Вмешавшись в эту неразбериху, я ухитрился споткнуться о единственную растяжку, которая пока еще держалась без посторонней помощи. С громким звуком лопнувшей струны она прекратила сопротивление, и вся постройка, сдавленно застонав, окончательно осела. Мы взялись за дело: надо было раскопать всех и вся и передвинуть палатки на другое место.

Вскоре обнаружилось, что проливные дожди размыли почву и скальное основание почти совсем обнажилось.

Это происходит в тех случаях, когда защитный слой уничтожен, а почва под ним лежит тонким слоем. Колышки для растяжек уже некуда было забивать, и мы решили перенести лагерь немного подальше в лес, а не разбивать его опять среди травы. Пришлось заняться тяжелой работой по вырубке, пока наконец не очистился участок земли, сильно покатый и напоминавший перепаханное поле. Сомневаться не приходилось: придется его выравнивать.

Мы приступили к работе с невиданным энтузиазмом и достигли значительных успехов. Как вдруг коротышка Басси — он, так сказать, был ближе других к земле — издал истинно африканский звук наподобие удивленного фырканья.

— Хозяин, там сильно смешной зверь.

Все сбежались к нему — земля у его ног была почти сплошь покрыта диковинными черными червеобразными существами по три дюйма длиной. Некоторые из них у нас на глазах распадались на куски, и эти кусочки быстро закапывались в землю.

Когда нам удалось наконец изловить несколько штук в целом виде, мы сунули их в небольшую бутылку, которую пришлось выкапывать из-под палатки и кучи снаряжения. Тут мы увидели, что они покрыты тончайшими круглыми чешуйками, а головы у них не найти — оба конца тела одинаково завершались гладкими круглыми обрубками. Эти странные маленькие подземные жители оказались совершенно слепыми и безногими ящерицами (а не змеями). Они деградировали до столь убогого состояния, поселившись в земле. Народного названия у них нет, они известны как *Melanoseps*. У них есть дальние родственники, сохраняющие в той или иной степени остатки конечностей, настоящие сцинки — ящерицы с очень маленькими лапками; есть существа с жалкими маленькими выростами на месте лап,

а в Азии водится еще одна форма — с хорошо развитыми передними лапами и вовсе без задних. *Melanoseps* дошел до полнейшей червеобразности и вдобавок расстался с глазами.

Мы выкопали множество этих необычных ящериц и нескольких змей. Затем послышалось еще одно африканское восклицание — кричал Фауги, и мы снова бежали к нему. Перед нами была нора примерно двух дюймов в диаметре, уходящая вертикально вниз. Фауги уверял, что слышал оттуда громкий свист. Мы отнеслись к этому с некоторым скептицизмом — в этой поразительной стране никогда не знаешь, что тебя ждет: из любой норы может выскочить что угодно, от тяжеловесного кабана до невесомой блошки.

Очень осторожно мы окопали со всех сторон нору, пока она не оказалась на верхушке миниатюрного земляного вулкана, возвышавшегося в центре глубокой ямы. Потом осторожно взломали одну стенку и... застыли от изумления.

В небольшом проходе притаилась большая кирпично-красная толстая лягушка. Когда я ее поднял, она издала резкий свист и большими задними лапами вцепилась мне в запястье и предплечье пониже локтя. Руку пронзила острая боль, и не успел я понять, что к чему, как вся она выше запястья оказалась располосована мелкими, но глубокими царапинами. Я передал животное Фауги, и он держал ее на вытянутой руке, пока я рассматривал пальцы на задних лапах. На кончике каждого пальца находилась подушечка, прикрывавшая первый сустав и рассеченная узкой щелью. Из каждой щели выдвигался острый загнутый белый коготь. Когти оказались втяжными, как у кошки, и сильнее выдвигались и втягивались, когда лапа была вытянута.

Лягушку поместили в банку и окрестили «лягушкой с подушечкой и когтем», но, только возвратившись в

Европу, после детального изучения наших коллекций мы сумели сделать интересное открытие. Все пойманные нами такие лягушки оказались самками. Более того, полежав в консерванте, они потеряли свой яркий кирпично-красный цвет, и у них на коже выступил четкий узор.

Речка, протекавшая возле нашего лагеря в том районе, сильно заросла мелкими красноватыми водорослями, которые обрамляли гладкие окатанные камешки, покрывавшие дно в тихих заводях. Однажды, копаясь в водорослях, я был несколько озадачен, увидев, как три камешка, на мой взгляд не отличавшиеся от других, вдруг ожили, выскочили из воды и обратились в большую лягушку, которая сидела на валуне и поглядывала на меня, ритмично раздувая горлышко. Я сцапал за шиворот дерзкого типа и торжественно доставил его в лагерь. Это оказался великолепный самец волосатой лягушки (*Trichobatrachus robustus*, в переводе — «волосатая лягушка-здоровяк»). Редчайшая, а в некоторых отношениях и самая замечательная из всех лягушек.

Известна она уже много лет. Первые лягушки, привезенные из Западной Африки, — разумеется, мистером Бейтсом — произвели величайший фурор среди ученых и любителей природы. Бока, задняя часть тела и бедра лягушки покрыты удивительными «волосами» — не настоящими, конечно, а нитеобразными выростами кожи. Споры об их функциях вызвали в ученых кругах бурю, и она до сих пор не улеглась, причем ветер дует в основном из Америки. Наши открытия — «подушечка и коготь» и «прыгающие камешки», — слава создателю, рассеяли сомнения и раскрыли тайну.

Самое главное открытие, сделанное нами, — то, что самка этого вида (уже знакомая вам леди «подушечки и когтя») обитает под землей, в то время как самец ведет водный образ жизни. При вскрытии обнаружили

явственные различия в строении их легких. У самки легкие самые обычные, а вот у самца совершенно необыкновенные. Передняя часть состоит из мешочков губчатой ткани, как у нас и у других животных, а задняя часть вытягивается длинной мускулистой трубкой. Как это объяснить?

Лягушки дышат воздухом, а так как самец и самка примерно одинаковой величины, им, очевидно, необходимо и примерно одинаковое количество воздуха для нормального кровообращения. Самке достаточно воздуха даже в тесной норке, а вот самец, сидящий глубоко под водой, должен изыскать какой-то другой способ для получения кислорода. И это достигается развитием не емкости легких с запасными резервуарами, а «волос»: если подсчитать их общую поверхность, оказывается, что она более чем вдвое превышает поверхность кожи, контактирующей с водой. Лягушки, как и мы с вами, отчасти дышат и кожей. Поэтому легкие самца теряют ведущую роль и превращаются в нечто вроде резервуаров для балласта, при помощи которых он может и плавать по поверхности воды, и погружаться на дно для отдыха. Мускулистая трубка позволяет ему накачиваться воздухом и приобретать повышенную плавучесть или увеличивать свой удельный вес и отдыхать на дне, ни за что не цепляясь. Он оброс «волосами», окаймляющими тело и конечности, и стал удивительно похож на участок речного дна. Волоски эти красноватого цвета, как речные водоросли!

Всего этого мы еще не знали, когда держали в руках свистящую лягушку посреди развалин нашего лагеря, но она нас достаточно заинтересовала, поэтому мы бросили все дела и принялись копать в поисках новой добычи. Так незаметно прошел целый день, и вдруг нас вернул к действительности странный шум, постепенно приближающийся к лагерю. Сначала он доносился из-

дали, но к тому времени, как мы поставили палатки и выкопали еще несколько когтистых лягушек, он придвинулся почти вплотную.

Я вышел на травянистую прогалину взглянуть, в чем дело. На меня, огибая полоску травы, надвигались намчи.

Они проложили траншею до самого дома глубиной два фута и шириной двадцать ярдов, выкорчевывая все на своем пути! Если хотите, чтобы работа была сделана на совесть, — поручите ее намчи из Обаду!

В Англии мы дали зоологам обещание раздобыть для них двух животных, но тогда это прозвучало скорее биологической шуткой, чем вполне осознанным обязательством. Первое животное — странное клещеобразное существо по имени *Podogona*, настолько редкое, что в музеях всего мира едва ли наберется горстка экземпляров (о нем я расскажу вам позже). Второе — червеобразное животное, родич тритонов, обитающих у нас в прудах и канавах. Эти существа, называемые червяги, или *Gymnophiona*, как и тритоны, относятся к амфибиям, а не к пресмыкающимся и обитают только в немногих тропических или субтропических странах. Несколько видов довольно хорошо известны: вся соль нашей шутки заключалась в том, что мы довольно безответственно обещали изучить жизнь и поведение африканских видов, биология которых отличается интересными особенностями.

Когда мы восстановили свой лагерь на твердой земле и смогли спокойно рассмотреть трофеи, доставшиеся нам после раскопок, я окончательно убедился, что именно так и нужно добывать самые редкие и редчайшие виды. Передо мной лежали десятки животных, большинство которых относилось к невиданным дотоле видам или группам. Это несказанно обрадовало меня: словно от-

крылась дверь в неведомую жизнь, в совершенно иной мир, который отныне стал доступным в любое время и в любую погоду. Поэтому на следующий день я вышел на разведку — искать подходящие участки для раскопок.

Сразу же позади лагеря земля образовала небольшую ложбинку глубиной несколько футов. По дну ее струился небольшой приток нашего главного ручья; вода в ложбинке растекалась, пропитывая землю и образуя небольшое болотце. Решив, что здесь можно сделать первую попытку, я вернулся в лагерь скликать свою маленькую армию.

Но наши работники, как видно заразившись лихорадкой энтузиазма, уже копали канаву по собственной инициативе на сухом месте неподалеку от ложбинки. Этот горячий энтузиазм, подкрепляемый великолепными находками, успокоил меня: я решил предоставить их самим себе и уселся перепечатывать свои записи, запущенные до безобразия за последние несколько дней.

Бедный Джордж совсем заблудился в лабиринте каталогов, внося в них результаты вчерашних раскопок, и положение осложнялось еще тем, что его главного помощника, Фауги, теперь заменял Басси. У Фауги были свои достоинства, но и богатейший ассортимент недостатков, с которыми Джордж мирился как мог, главным образом потому, что вел всю работу с рептилиями и амфибиями. Замена была просто необходима.

Немного спустя ко мне явился Бен, требуя указаний для своей раскопочной бригады: надо ли углубляться в почву под перегноем. Я решил пойти посмотреть собственными глазами. Место работ напоминало поле боя. Повсюду громоздились кучи земли и выкорчеванной растительности, во всех направлениях густой подрост пронизывали длинные глубокие траншеи, а между ними пролегли обширные проплешины, с которых был со-

рван не только растительный покров, но и почва на глубину в несколько футов. На верхушках земляных куч были расставлены внушительные батареи бутылок, пробирок, банок и сеток, словно в лаборатории алхимика. Стоит только пробудить энтузиазм африканцев, и он не знает границ.

Бен водил меня по участку, как архитектора, которому старший мастер показывает фундамент нового здания городской управы. Вот здесь поймали змею, а тут Айюк укусил крысу в пылу погони, а на этом месте намчи до сих пор препираются о сломанной лопате! Дело двигалось, но я, хоть убейте, никак не мог решить, нужно ли копать дальше, углубляясь в почву под лиственной подстилкой и перегноем.

Собрав все резервы, я приказал расчистить от растительности квадратный участок и снять всю лиственную подстилку, двигаясь от краев к центру. По мере продвижения мы тщательно собирали все, что попадалось на глаза. Когда обнажилась подпочва на глубине около двух футов, мы снова начали копать от краев к центру, снимая следующий двухфутовый слой. Ни одной живой души!

Стало ясно, что мы зря потеряли время, и я отдал приказ копать в разные стороны. К тому времени некоторые рабочие подошли вплотную к крутому обрывчику над болотцем и прислали узнать, копать ли дальше. Сам берег оказался буквально нашпигован змеями и прочей живностью. Я, конечно, «дал добро», и все попрыгали под обрыв.

Едва они скрылись, как события приняли совершенно иной оборот. Землю покрывал слой спутанной травы и другой растительности, почти целиком плававший в жидкой грязи. Когда рабочие начали копать с края, Бен извлек на свет длинное голубовато-серое существо, смахивающее на гигантского червя. Оно оказалось чер-

вягой — *Geotrypetes seraphini*, хотя в тот момент мы этого еще не знали. Червь был длиной дюймов шесть, чуть потолще карандаша и с самыми крохотными глазами, какие только можно вообразить. Чем ближе мы продвигались к болоту, тем больше нам попадалось этих существ.

Травяной ковер подрезали по краям, как корочку пирога, а потом, не затрудняя себя раскопками, просто-напросто скатали его одним громадным куском.

Первое, на что мы наткнулись, была целая россыпь огромных красных клещей размером с небольших мух, толкущихся по вечерам вокруг лампы на кухне. Их были тысячи, и всех мы аккуратно рассовали по бутылкам. Яркий красный цвет клещей контрастировал с темно-серым цветом ила, в котором они обитали.

Но нас ждала потрясающая находка.

Извлекая удиравшего клеща-гиганта из-под сплетения корней, я вскрыл небольшую пещерку, куда мог поместиться кулак; в ней возвышалась небольшая пирамидальная кучка земли, похожая на игрушечный вулкан. Верхушку ее обвивала совсем маленькая червяга пурпурного цвета, размером не больше дождевого червя. Когда я вторгся в ее домишко, она повернула ко мне плоскую змеиную головку и плюнула в меня капелькой воды — довольно дальнобойно для такой крохи — и продолжала обстрел, пока я брал ее в руки.

Она была свернута тугими кольцами: когда я ее поднял, под ней оказалось с полдюжины прозрачных как хрусталь, идеально круглых яиц, связанных между собой в клубок тонкими, прочными роговыми выростами на обоих концах. Они были помещены на верхушке конуса, и мать их «высиживала». В этих яичках, превышавших диаметром ее тельце, были герметически запечатаны миниатюрные копии родительницы. Когда к

яйцам прикасались, малыши начинали крутиться внутри.

Я подозвал всех посмотреть на мою находку. Объяснив, что именно за этим мы прибыли в Африку, я назначил награду за все дальнейшие находки. Условились, что, как только будет найдена очередная камера, меня позовут и я награжу того, кто нашел животное, а кроме того, займусь лично его устройством.

Все набросились на работу с новыми силами. Вскоре меня окликнул Анонго, который был у наших намчи на роли шута: бедняга родился на свет с тремя пальцами на руке, и это было не единственное его уродство. Характер у него был самый веселый и солнечный из всех, какие я встречал, вдобавок он был первоклассным коллектором и неутомимым работником. Он наткнулся на еще одну мать-червягу, высиживающую потомство, но я увидел, что это более крупный вид, *Idiocrantum russell*, а не тот, мелкий, с плоской головкой. Эта мамаша тоже сидела в камере, наполовину заполненной водой, на кучке земли, которая едва выступала из воды. Но она не высиживала клубок хрустальных яичек — ее тело кольцами оплетало стайку крохотных ее подобий, и головки у всех были направлены к хвосту матери. Все это было глубоко загадочно и привело нас в необыкновенный восторг: ведь мы в тот час собирали одно за другим существ, раздобыть которых было нашей заветной мечтой!

После этого мы содрали торфяной слой со всего болотца и набрали с дюжину выводков более мелкого вида, с яйцами, и с полдюжины крупных, с «младенцами». Наши помощники обогатились, получая один подарок «даш» за другим; мы же обогатили свою коллекцию редчайшими, бесценными для зоологов видами.

Джордж оставался в полном неведении относительно наших достижений. Вернувшись ко второму завтраку,

я выложил перед ним разом все наши трофеи, сияя от восторга и в полной уверенности, что это доставит ему такую же радость, как и всем нам.

Он же вымолвил только:

— Боже ты мой!.. А я-то думал, что разделался с проклятыми каталогами!

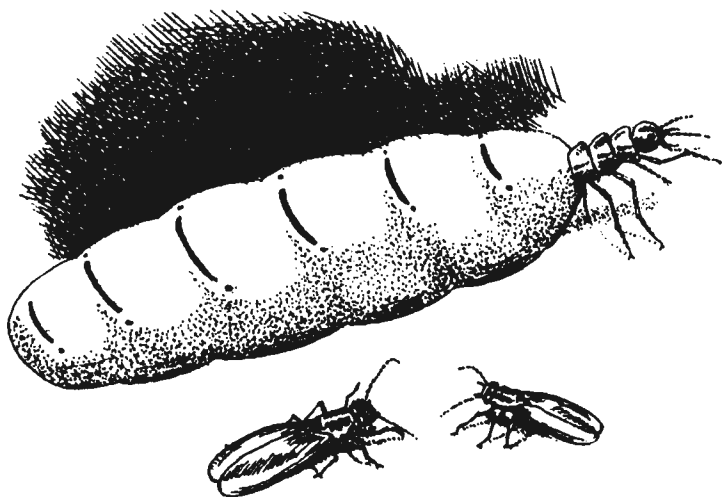
Маленькие червяги оказались совершенно новой формой, о которой никто даже не подозревал. Они были абсолютно слепые — кости черепа полностью закрыли то место, где раньше были глазницы. Они оказались самыми мелкими в собранной группе — наиболее крупные из них достигали в длину трех с половиной дюймов: пришлось создать не только новый вид, но даже новый род, чтобы они смогли занять свое место в общем строю живых существ. Яйца на самых разных стадиях развития — от прозрачной капсулы, почти целиком заполненной желтком, на котором виднелся примитивный эмбрион, до яиц, содержащих почти сформировавшихся крохотных червяг, готовых прорвать твердые стенки своих жилищ (здесь от желтков не оставалось и следа). Через «стеклянную» стенку можно было проследить за всеми изменениями, происходящими при формировании совершенно похожего на взрослых детеныша. Мы видели, как в определенный период появились настоящие глаза и длинные, ветвистые наружные жабры, а затем жабры исчезли — задолго до появления крошек из яиц. Этот факт поразил нас. Ведь ничего подобного мы никогда не встречали: наружные жабры, известные для ряда родственных видов, обычно образуются у молодых животных, помогая им жить в воде на стадии свободной личинки.

Вторая червяга оказалась столь же интересной. Детеныши, которых до нас никто не видел, имели удивительные рты. Их челюсти были вооружены двойными рядами подвижных зубов, укрепленных на костных вы-

ростах. Длинные, тонкие зубы кончались строем похожих на гребень шипов. Позади них только начинали прорезываться другие зубы, характерные для взрослой формы: простые, загнутые назад.

Эти диковинные образования, ранее известные только для более низко организованных форм, вроде акул и прочих рыб, естественно, вызвали у нас вопрос «зачем?». Очевидно, это было связано с их пищей. Вопрос «какая пища?» заставил нас вскрыть их желудки и посмотреть, что в них находится. У всех в желудках находились странные сморщенные желтые ленты, — как оказалось, полоски их собственной кожи, которую они поедают после линьки, как все амфибии. Кроме того, мы обнаружили множество мельчайших сферических зеленых водорослей: должно быть, странные зубы служат для того, чтобы было легче соскребать их с камней.

Выбрав из болота всех удивительных притаившихся там животных, мы бросили свои силы на другие участки. Со временем видовое богатство того или иного местобитания истощается. И несмотря на то что дальнейшие раскопки не всегда безрезультатны и еще можно раздобыть несколько ценнейших животных, приходится переходить на новые участки. Нелегко найти золотую середину между слишком долгой и слишком поспешной работой на одном месте. Большинство коллекционеров повторяют одну ошибку — слишком быстро обшаривают местность, а в результате каждый раз они заново собирают все тех же обычных животных. Только самые терпеливые раздобудут редкие виды — уже после того, как собрана обычная дань из наиболее доступных видов. Мы перенесли свое внимание на наиболее сухие, поросшие травой участки.

Вскоре мы заметили, что большинство живых существ, обитающих под землей, концентрируется или у основания громадных валунов, или под гигантскими термитниками, разбросанными по равнине. Там оказалось множество новых для нас змей, масса пауков и прочей мелочи; попалась странная мышь с небывало коротким хвостом и блестящей короткой шерсткой винного оттенка. Эти жестковолосые мыши (*Lophuromys*) умеют отлично копать и прокладывают прямые ходы, которые тянутся на сотни ярдов — их надо пройти, прежде чем загонишь животное в тупик. Извлекать из-под земли все новых и новых животных — удивительно волнующее дело. Один раз мы были особенно поражены.

Солнце пылало на безоблачном небе, а мы в поте лица вгрызались в плотно утопанную сухую землю у основания высоченного термитника. В этих башнях всегда есть несколько туннелей около фута в диаметре, которые ведут в центральную подземную камеру.

Центральная камера имеет форму свода, и, таким образом, весь термитник представляет собой полый конус, который насекомые надстраивают снаружи, постепенно расширяя изнутри. Острая крыша сводчатого пространства опирается на многочисленные слои ячеек, похожих на этажи небоскреба: чем ближе к верхушке, тем меньше размер ячеек. В них подрастает молодь. В самом центре термитника, в камере, стены и потолок которой состоят из твердой как бетон земли, лежит царица длиной около двух дюймов. Большую часть ее тела составляет белое толстое брюшко — не что иное, как фабрика для производства яиц. С одного конца чудовищно огромного тела торчит маленькая головка и грудной отдел с тремя парами обычных ножек. К этому концу тянется нескончаемый поток рабочих термитов, подносящих еду, которую самка поглощает непрерывно в течение многих месяцев. Тем временем другие термиты, проникая через узкие боковые ходы, выносят из царской камеры бесчисленные яйца, непрерывным потоком струящиеся из отверстий по бокам тела царицы. Колония увеличивается только благодаря плодовитости царицы; все остальные объединенными усилиями строят инкубаторы для выращивания потомства, кормят молодь, а также кормятся сами.

Под навесом из многоэтажных ячеек подчас достаточно места для человека, присевшего на корточки. В этих пустотах иногда поселяются очень редкие виды змей. Нам очень хотелось их поймать, но, поскольку они обычно уползают в глубокие лазы, ведущие из-под термитника в подземные норы вокруг его основания, пришлось для начала вырыть глубокую канаву вокруг термитника. Мы как раз замыкали круг, когда наткнулись на темный ход диаметром около трех дюймов.

С одной стороны ход вел прямо к термитнику, и мы принялись рыть землю вдоль него. Через несколько минут

Эмере крикнул, что ход привел к камере, в которой что-то копошится. Я прыгнул в траншею посмотреть, что там такое.

Это был предельно идиотский поступок. Я это понял, как только мое лицо оказалось на уровне хода, но из чистого упрямства, которого набираешься с опытом, я не отскочил. Наоборот, я стал вглядываться в полутьму норы и не успел понять, что происходит, как что-то коричневое, мохнатое, размером с два моих кулака, выкарабкалось из глубины и прыгнуло прямо мне в лицо. Я успел лишь увидеть что-то сверкающее, как россыпь маленьких холодных огней.

Увидев это, я почувствовал, как меня окатила волна ледящего страха. С громким воплем я метнулся в сторону и свалился боком в канаву.

На свое счастье, я кинулся влево, так что гигантский паук пролетел, задев мое правое ухо отвратительным холодным, мохнатым туловищем, и приземлился за канавой. Стоило мне рвануться вправо, и он, возможно, угодил бы мне прямо в лицо. Даже если бы он не успел сомкнуть свои смертоносные сантиметровые челюсти и мое лицо не раздулось бы от укуса, как багровый воздушный шар, я бы непременно умер от ужаса и отвращения. Не подумайте, что я шучу: я настолько не выношу пауков, что это граничит с безумием и страх почти парализует меня,— так некоторые люди относятся к кошкам, червям, птицам или другим животным.

Во всяком случае на этот раз я был парализован полностью. И если бы Эмере не выхватил меня из канавы с более чем похвальной ловкостью, чудовище dokonало бы меня на обратном пути. Позднее я узнал, что на родине Эмере эти гигантские мохнатые пауки считаются воплощением дьявола, а в тамошней мифологии он куда страшнее, чем в нашей.

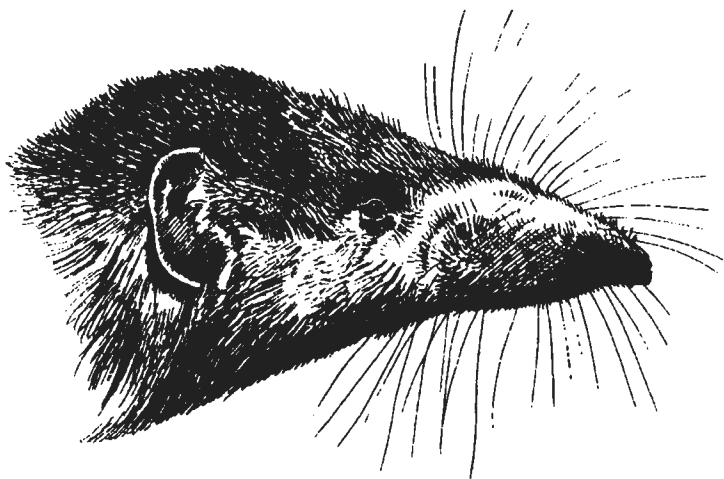
Пока я приходил в себя поодаль от канавы, паук бросался шестифутовыми прыжками навстречу каждо-

му, кто пытался к нему приблизиться. Африканцы, хотя и с опаской, все же попытались поймать его голыми руками, несмотря на то что прекрасно знали о смертельной опасности. В конце концов паук убрался обратно в свою нору той размеренной и коварной походкой, которой отличаются эти существа: раздутое тело, подвешенное на угловатых ногах с мягкими лапками, покачивалось у самой земли.

Мы загнали колья в землю позади норы и начали постепенно отбрасывать землю, а я загородил выход мешком из сетки. Когда паук увидел, что игра проиграна, он бросился в сеть. Мы поразились, заметив на его теле сплошной покров из маленьких его подобий, размером с небольшую монету. Младенцы покрывали мать толстым слоем, а несколько штук выскочило следом за ней. Может быть, этим и объяснялась свирепость ее нападения.

Когда это ужасное существо было утоплено в спирту, я собрал все силы и заставил себя осмотреть его. Только убедившись, что тварь несомненно мертва, я выложил ее на эмалированный кювет, используемый нами при вскрытии и иной обработке мертвых животных. Длинные ноги, выпрямленные и растянутые во все стороны, закрыли дно кювета, точно вписавшись в него. А размером кювет был двенадцать на восемь дюймов.

Глава тринадцатая

ГИГАНТСКАЯ ВОДЯНАЯ ЗЕМЛЕРОЙКА

В горных речушках Западной Африки обитает фантастическое животное, подлинное живое ископаемое. Много лет назад его открыл исследователь и путешественник дю Шайю, обладавший несомненным пристрастием к сенсациям и более чем ярким воображением. С тех давних пор сведений об образе жизни гигантской водяной землеройки (*Potamogale velox*) почти не прибавилось, коллекционного материала для изучения набрались сушие крохи, ни одной фотографии животного не было, так что никто не мог ничего ни убавить, ни добавить в описаниях, сделанных дю Шайю. Вот почему *Potamogale* едва не превратилась в некий зоологический миф.

Я уже не раз упоминал о нескольких видах животных, ради которых мы отправились в Африку, и мне

кажется, что, прежде чем прибавить к этому списку еще несколько видов, давая повод для упреков в том, что мы не имели определенных задач, а просто хватали все, что попадается под руку, следует ясно и четко перечислить те цели, которые мы поставили перед собой еще до отъезда. Мы намеревались составить общий каталог всех млекопитающих, рептилий и амфибий изучаемого района, а также собрать коллекцию всех паукообразных, многоножек, сухопутных улиток и паразитических червей, какие только нам попадутся. В частности, мы установили себе семь особых заданий повышенной сложности, а именно: раздобыть определенные внутренние органы шипохвоста и карликового лемура Демидова, достать как можно больше шкур и черепов леопардов, изучить особенности размножения червяг, собрать материал о *Potamogale*, привезти несколько шпорцевых лягушек, добыть *Podogona* и, наконец, собрать конкретные данные о пресноводном дельфине, или небольшом ките, который, судя по слухам, водится в больших реках Западной Африки.

В предыдущих главах я рассказал, как нам удалось едва ли не чудом выполнить первые три задачи; нам так повезло, что в этой экспедиции мы раздобыли и всех остальных редких животных. Осталась невыполненной только последняя задача — относительно пресноводного кита, но так как один крупный специалист сказал мне, когда мы вернулись: «Может быть, его вовсе и нет в природе!», то это не поставят нам в вину, хотя сами мы не делаем для себя никаких скидок.

Гигантская водяная землеройка, или *Potamogale*, была едва ли не самой желанной и самой неуловимой добычей из всего списка.

Самое первое описание, принадлежащее дю Шайю¹, изобилует интересными подробностями: он рассказыва-

¹ Американский путешественник середины XIX в.

ет, например, что животное гоняется за рыбой в кристальных горных потоках и подстерегает добычу, затаиваясь под камнями на дне реки. Это утверждали и местные жители горных районов, которые мы посетили. Однако наши африканцы, в частности Афа, не решались утверждать, что животное питается именно рыбой; рассказывая о его добыче, они ограничились всеобъемлющим термином «мясо».

Водяная землеройка — *Potamogale* — стоит особняком на грандиозном родословном древе диких животных. У нее нет близких родственников, кроме мелкого мышеподобного зверька с Мадагаскара, называемого *Geogale*. Это самое настоящее живое ископаемое: в ее анатомии встречается ряд чрезвычайно примитивных признаков, и некоторые из них известны только по ископаемым скелетам первых млекопитающих, найденным в породах громадного геологического возраста. Должно быть, по этой причине землеройку и отнесли к отряду насекомоядных (*Insectivora*), в который объединили животных, оставшихся после того, как все млекопитающие нашли свои законные места на древе жизни.

Землеройка достигает в длину двух футов и на первый взгляд напоминает самую обыкновенную выдру. Тело ее покрыто коротким, густым, блестящим мехом, зато хвост, сжатый с боков, как у головастика, почти голый, с редкими, очень короткими волосками. Эти волоски незаметны на глаз, и только когда проведешь рукой от кончика хвоста к туловищу, чувствуешь на ощупь, что гладишь «против шерсти». Голова сверху сплюснута точь-в-точь как у налима или акулы, и точно так же рот оказывается смещенным в нижнюю часть рыльца. Лапы толстые и короткие, а голени снабжены странными продольными гребнями из отвердевшей кожи. Глазки крохотные.

Все это мы знали еще до отъезда в Африку, кроме того, мы полностью разделяли распространенное мнение о том, что животное обитает исключительно в ручьях на вершинах гор.

— Проси вождя, чтобы он приказал охотникам приносить нам всех животных, похожих на это, — и я показал фотокопию на редкость плохого рисунка, якобы изображающего живую *Potamogale*.

Я не ожидал, признаться, ничего хорошего — рисунок был вообще ни на что на свете не похож (правда, тогда я еще не убедился в этом), и, хотя африканцы прекрасно узнают любое животное, изображенное на рисунке, я не был уверен, что оно вообще водится в нашем районе.

Вождь Икумо отреагировал на это совсем иначе.

— Ага, ага, — сказал он. — Икоридзо, н'а квийл, ухумо икоридзо.

Что приблизительно можно было перевести: «Икоридзо, да, это точно икоридзо». И это подтвердили не менее четырнадцати человек охотников, собравшихся со всех концов Ассумбо.

— Значит, они знают это мясо? — спросил я.

— Они много его знают, — заверил нас Этьи. — Оно живет везде в маленький речка.

— Вождь думает, охотники умеют его поймать, принеси сюда?

— Ага, — сказали все, и обсуждение закончилось.

Все это произошло вскоре после нашего прибытия в Тинта. Но на нас свалилось такое количество неожиданностей — срочная эвакуация Герцога, нашествие горилл, смерть брата вождя (его похороны были отложены на двенадцать месяцев), невероятная усталость после блужданий по горам и, наконец, предпринятая Джорджем генеральная уборка заодно с ревизией всего нашего имущества, — что мы почти позабыли про икоридзо. Но вдруг однажды вечером чистый, недвижимый воздух долины наполнился звуками крохотных глиняных барабанов, которые под ударами небольших палочек звенели, как колокольчики.

Мы подумали, что очередной дальний родич Икумо отбыл свой срок в чистилище и благодарные потомки ре-

шили устроить ему встречу по первому разряду, а затем с подобающими почестями проводить в страну неиссякаемого пальмового вина и нескончаемых дружеских споров.

Однако барабаны возвещали о прибытии не почтенного бестелесного прашура, а ликующего духа, облаченного в плоть подчиненного вождя Нтамеле (соседней деревушки). Когда запыхавшийся посланец из деревни принес нам эту весть, мы тут же принялись готовиться к приему: судя по всему, визит вождя имел какое-то отношение к нам. Эти, по обыкновению опоздавший, уверял, что не нужно сбиваться с ног, все равно этот «подчиненный вождь» вряд ли появится раньше утра. Из дальнейших расспросов выяснилось, что деревня Нтамеле, до которой, судя по карте, было меньше четырех миль, расположена за ближайшей горной грядой, но такой путь самый отличный ходок может пройти часов за восемь, да и то лишь в погоне за любовником своей неверной жены. «Подчиненный вождь», насколько мы поняли, ни за кем не гнался, вдобавок он был в весьма преклонном возрасте.

Поэтому мы набрались терпения и ждали гостей; барабаны тем временем заливались все громче, все ближе, а наш двор все больше наполнялся зеваками, которые прибыли «поглядеть-посмотреть», прихватив с собой постели, родичей, барабаны и собак. Вечер был душный. Мы работали на открытом воздухе. К полуночи я был окружен плотной стеной голых коричневых тел; без единого звука и движения африканцы созерцали, как я потрошу мышей, измеряю крохотных лягушек, делаю записи в каталогах. Безмолвие взрывалось восторженными криками только тогда, когда я набирал чернила в самопишущую ручку. Джордж пребывал в такой же блокаде на расстоянии нескольких ярдов от меня. Если нам было нужно, мы спокойно разговаривали и обменивались вопросами и ответами без всяких

помех — настолько тихо вели себя все в толпе. Стоило младенцу хоть пискнуть, как ему тут же затыкали рот.

Все это было проявлением удивительного такта и вежливости со стороны наших лишь отчасти званых гостей, но когда работа стала подходить к концу, атмосфера стала довольно гнетущей. Поэтому я спросил Джорджа, не возражает ли он, если я заведу граммофон, — вопрос чисто риторический, потому что оба мы относились к нему одинаково. Весь наш персонал немедленно оживился. Гости несколько растерялись — ведь они только второй раз видели вблизи белых людей, а о свойствах этой священной машины вообще не имели представления!

В Америке есть группа людей, несомненно, африканского происхождения, которые называют себя — или, вернее, так назвал их менеджер — Королями Ритма Стиральных Досок; они записывают музыку на пластинки. Мы все помешаны на этих пластинках, одна из них стала даже гимном нашей экспедиции и всегда идет первым номером. Вступительные такты привели публику в неистовство. Сразу стало ясно, что мы среди людей, чьи вкусы поразительно совпадают с нашими. Все они, как один, принялись раскачиваться и отбивать ритм, который разносился на многие футы в толще твердой латеритовой породы. Из-под одежды было извлечено множество барабанов — маленьких, обтянутых кожей, угловатых, сделанных из глины, и гигантских инструментов из выдолбленных стволов. Все они один за другим включались в общий ритм.

Это было нечто совершенно поразительное: африканцы обладают такой природной музыкальностью, что необычайно точно угадывают приближение «паузы», и бальные барабаны замолкали в нужную секунду все, как один. Таким же успехом пользовалась кубинская румба; импровизированный аккомпанемент африканцев не только не портил, а, наоборот, великолепно украшал музыку. Постепенно веселье становилось все более не-

истовым. В скором времени синкопически дергающиеся джентльмены, облаченные в куски обезьяньих шкур, стали бросаться к ограде лагеря и палить из старинных ружей. Мы горячо одобрили эту идею, до сих пор не использованную в наших родных кабаках, и, зарядив ружья, отмечали ритмически важные моменты залпами в ночные небеса. Местные жители пришли в дикий восторг; такое расточительство в отношении боеприпасов было сочтено признаком отменной вежливости и самого щедрого гостеприимства. Наша праздничная ночная вакханалия то и дело переходила в великолепный и замечательный танец, и мы почти потеряли чувство времени.

Как ни печально, но приходится признаться, что на какое-то время я начисто забыл о цели нашего приезда в Ассумбо. Может быть, по этой причине и я был так потрясен, когда торжество достигло апогея. Гремела пластинка «Ату их!», и мы самозабвенно отплясывали под нее, когда внизу, в долине, занялся рассвет, и навстречу его лучам вышла армия барабанщиков. Группа людей, неся факелы из смолистых веток с расщепленными концами, поднималась по склону к нашему лагерю.

Все мы заметили их почти одновременно. Наступило затишье: все, очевидно, что-то соображали и в итоге пришли к одному и тому же выводу, а именно: должна же быть причина для подобного веселья. Раздался дружный крик: «Нтамеле! Нтамеле!»

Так оно и оказалось. Прибыло почти все мужское население этой изолированной от всего мира деревушки. «Подчиненный вождь», возможно прародитель многих из них, совершал путь в горизонтальном положении. Его высохшее тело было буквально погребено под кучей барабанов. И если ночь принесла чудесные события, то заря сотворила чудо.

Прибывшего в гости вождя переправили через забор в наш двор и воздвигли, словно идола, перед вождем

Икумо и нами. Он мгновенно ожил и принялся оглушительно и протяжно кричать, чего никак нельзя было ожидать от человека в столь преклонном возрасте. Его речь лилась нескончаемым потоком не менее двадцати минут, а у нас, обитателей Тинты, наступила тем временем реакция, и мы, сидя в полном изнеможении, обливались потом. Один лишь Икумо оставался стоять, наморщив широкий лоб и не сводя с оратора пронизывающего взгляда. Время от времени он перебивал его коротким «уху», после чего рассказчик повторял свой рассказ заново, быть может добавляя и уточняя какие-то детали.

Наконец он замолчал, и воцарилась торжественная тишина. Тем временем занялась заря. Зрелище было потрясающее. В то утро заря разливалась густым желтым потоком, постепенно затопляя долину и резким светом подсвечивая снизу простершиеся над ней иссиня-черные тучи. Из темноты, все еще окутывавшей землю непроницаемым покрывалом тумана, вырисовывались грозные гребни гор, неподвижные перистые листья пальм казались вырезанными из фанеры. Вокруг нас еще более яркий желтый свет смолистых факелов озарял широкий круг застывших в полной неподвижности мускулистых тел, похожих на армию эбонитовых статуй — блестящих, гладких, таинственных; яркие желтые отблески играли на эластичных напряженных мышцах. И среди них, как облаченный в белое столп, стоял вождь Икумо.

Икумо заговорил с подобающей случаю торжественностью, потому что и он, и его дружественные подданные приняли все наши интересы очень близко к сердцу и наши задачи стали их задачами, а наши странноватые успехи — их победами.

Вождь Нтамеле привел человека, который нес икоридзо; оба объекта он считал настолько важными и материально ценными, что счел за благо лично сопровождать их, чтобы доставить в целостности и сохранности.

Теперь настала наша очередь волноваться и поражаться, потому что никто и словом не обмолвился ни нам, ни нашему персоналу о цели визита distinguished старца. Просто не верилось, что драгоценное животное может оказаться в пределах досягаемости. Я попытался встать со своего кресла, но от волнения меня ноги не держали.

— Дайте взглянуть! — взмолился я, протягивая руки с таким жалостным видом, что чуткие африканцы мигом уловили бушевавшую во мне бурю и покатались со смеху. У них на глазах я окончательно «выдал себя».

— Вот этот человек, — все вместе сказали жители Нтамеле.

Их ряды расступились. Подталкиваемое окружающими, навстречу мне вышло едва ли не самое крохотное из человеческих существ, способных стоять на ногах без посторонней помощи. В своих миниатюрных ручках оно (я до сих пор так и не знаю, какого оно было пола) держало большой мешок, одна половина которого прикрывала, как набедренная повязка, его узенькие бедра. Малыш ковылял к нам, улыбаясь во весь рот без малейшего смущения. Теперь мне не нужно было вставать. Мы поглядели в глаза друг другу. Заливаясь очаровательным бесхитростным смехом, малыш упал на колени, развязал мешок и начал что-то вытряхивать. Все наклонились вперед, возбужденно переговариваясь.

В фантастическом свете утренней зари медленно, дюйм за дюймом, появлялось гибкое блестящее тело, и вот уже у самых моих ног свернулась настоящая, живая землеройка — *Potamogale*! У нее был рыбий хвост и крохотные глазки — точь-в-точь как говорилось в описании!

Весь наш штат издал единодушный вопль восхищения. Все знали, что перед нами именно то животное, которое мы мечтали добыть, а не какое-либо иное, как много раз было раньше. Они прекрасно понимали, что я выдал себя с головой, и, как я подозревал, им не

терпелось посмотреть, как я сумею выпутаться из этого затруднительного положения. Объявляя о поисках определенного животного, я всегда называл сумму, которую мы были готовы уплатить за него; на этот раз я был так взволнован, что позабыл заранее оговорить сумму. Теперь крошка-владелец мог назначить свою цену.

С помощью Этьи в роли переводчика я начал переговоры вопросом о том, где юный охотник раздобыл это «мясо». Я почти сразу понял, что задал довольно бестактный вопрос, и быстро переключился на другую тему — образ жизни животного. Да, юный охотник был выдвинут как чисто экономический фактор. Попробуй-ка поторговаться с «дитятей», тем более с «младенцем»! Один — ноль в пользу Нтамеле.

Я понял, что эти животные нередко встречаются в ручьях возле деревни Нтамеле, но в пищу они не годятся, поэтому на них никто не охотился. Все наперебой заверяли меня, что животное ни плохое ни хорошее, и к джу-джу тоже не имеет никакого отношения. Я спросил, пригодна ли на что-нибудь его шкурка. Старик Икумо разразился смехом. Сначала он хихикал, потом посмеивался, затем расхохотался от души. Я обратился к нему с самым серьезным видом, но он был слишком мудр и очень долго возглавлял деревенский совет, творя суд и расправу. Моя хитрость была разгадана. Он обратился к Этьи. Тот обернулся ко мне.

— Вождь говорит тебе,— произнес он,— давай спрашивай, сколько стоит это мясо.

— Ладно, спроси их,— сказал я, пристально глядя на Икумо.

— Маленький человек, он говори пять шиллин,— последовал ответ.

— Бен,— крикнул я,— принеси мою сумку с деньгами, карандаш и маленькую бумагу.

— Теперь, Этьи, давай спроси вождя Нтамеле, сколько человек живет в доме с этим малышом. Давай спрашивай.

Тихая беседа переводчика со старейшинами Нтамеле и вождем Икумо велась в напряженной тишине. Я видел, как они сверлят меня взглядами, говорят себе: «Выходит, этот белый человек такой же жулик, как и прочие. Он лгал нам, уверяя, что не имеет ничего общего с правительством, а вот теперь измыслит какой-нибудь налог на наше «мясо» с каждого мужчины в каждом доме, так же как делают все остальные». Наконец Этьи справился с задачей. Запинаясь, он неуверенно прочел маленький список, проверяя свой счет на пальцах.

— Там всего пятеро мужчин? — рявкнул я на Икумо, который вздрогнул от неожиданности. Этьи перевел, и он подтвердил это, отрицательно качая головой, как принято у ассумбо.

— Хорошо, — сказал я. — Какой налог платит мужчина в Нтамеле?

— Три шиллин и шесть пенни-пенни, — в глубоком отчаянии ответил Этьи.

Я быстро подсчитал на бумажке, поглядывая на Икумо с несказанным удовольствием. У меня получилось семнадцать шиллингов и шесть пенсов. Я приоткрыл сумку с деньгами, отсчитал сумму под ее прикрытием и зажал деньги в кулаке.

— Иди сюда, — поманил я совсем съжившегося кроху.

Его вытолкнули вперед с протянутой рукой. Я высыпал в нее горсть монет, потом повернул его кругом и толкнул к Икумо.

Наступило безмолвие. Малыш стоял, потеряв дар речи и раскрыв свои громадные глаза так, что шире некуда, а вождь возвышался над ним в полном недоумении, и все это отлично видели. Потом малыш в ужасе разжал кулачок, и дождь монет со звоном полился на землю. Все перевели дух и замерли. Лицо Икумо исказила страшная гримаса. Его глаза широко раскрылись, и он хлопнулся на ящик для коллекций, который, по

счастью, оказался у него за спиной. Тут началось вавилонское столпотворение.

То, что белый человек — а о его непомерной глупости в денежных вопросах знает каждый — дал больше, чем с него запросили, да к тому же за вещь, которую он раньше никогда и не просил достать, совершенно не укладывалось в головах африканцев. Заплаченная сумма, более чем в три раза превышавшая запрошенную, могла означать одно из двух: или нездешнюю и ужасную форму безумия, или неслыханное, подлое лукавство.

— Время, великий целитель, покажет, что я предложил правильный расчет,— заверил я Икумо. А предложение было такое: я плачу сумму годового налога каждому, кто принесет такое «мясо».

К тому же я присовокупил, что у меня есть специальный глаз — джу-джу, который может летать и высматривать, как много людей живет в таком-то доме. Это была предельно белая ложь — местный чиновник обещал мне проверять показания по конторским спискам в суде.

На дальнейшие объяснения времени не осталось. Я не был уверен, что мы еще раз в жизни увидим живую потамогале; кроме того, животное могло сбежать, или погибнуть, или быть похищено на джу-джу, и я решил отснять его, не откладывая. Мы не могли дожидаться, пока окончательно рассветет, поэтому предстояло создать декорацию природной среды обитания на нашем дворе и заманить туда несчастное животное.

Переговоры закончились. Все должны были немедленно отправляться в деревню. Мне нужна рыба — живая, дохлая и «сильно дохлая». Вождь Нтамеле должен возвратиться утром. Весь наш персонал отправляется на берег реки, выкапывает кусок берега и приносит сюда: да-да, и жена повара идет тоже. Я произносил свои приказы таким непривычно повелительным тоном, что все тут же разбежались их исполнять.

Когда они вернулись, мы с Джорджем уже успели зажечь лампы, приготовить камеры и поместить наше бесценное животное на обеденный стол.

Возникла очередная проблема: где соорудить «берег реки».

Мы пытались освоить все уголки нашего дома, потом перебрались на открытое место со всеми камерами, куском «речного берега» и штатом в полном составе. Снова втащили все в дом и распростерлись на полу, ища подходящий ракурс. В конце концов остановили свой выбор на обеденном столе — единственном месте, где можно было снимать под нужным углом.

Potamogale выпустили на свободу. Не успели мы навести камеры на фокус, как землеройка скрылась среди камней и травы. Когда ее извлекли на свет, рискуя отведать острых, как иголки, зубов, она упрямо поворачивалась задом к камере. Попытались соблазнить ее живой рыбой, но рыба так билась, что актриса с перепугу удрала обратно в клетку. В отчаянии мы предложили ей дохлую и «сильно дохлую» рыбу. Принюхавшись, она снова отступила в траву, чихая и фыркая. Когда совсем рассвело, снимать было уже нельзя — день оказался пасмурный. Мы не сделали ни одного кадра.

В полном изнеможении, духовном и физическом, мы пошли спать. Примерно около полудня меня разбудили — я собирался пойти с Чуколой, который шел расставлять в долине новую линию ловушек. К нам присоединился Бен: другой работы у него пока не было. Мы захватили ружья, камеры и банки для сбора живности.

Несколько часов прошло в томительном бездействии: я и Бен стояли и смотрели, пока бесконечную череду ловушек наживляли приманкой, настораживали и расставляли по местам.

Я побрел вниз, к реке, пошел вброд, высматривая лягушек. Вдруг прямо у меня из-под ног метнулось и

нырнуло в воду что-то длинное, темное и гибкое. Это существо поплыло, изгибаясь всем телом, как рыба.

— Хозяин, хозяин, гляди — *Potamogale*, — и Бен пулей ринулся вперед.

Я со всех ног бросился за ним, вытаскивая на ходу фотокамеру. В водовороте брызг животное взметнулось вверх и выскочило на мшистый берег. Приземлившись, оно обернулось к нам, задрало плоскую морду и защелкало зубами. Я прижал камеру к груди, остальное довершила моя трясущаяся от волнения рука.

Так я сделал первый из двух хороших снимков, которые мне удалось получить за всю свою жизнь, и, насколько я понимаю, первый фотоснимок живой гигантской водяной землеройки.

Еще несколько недель мы тратили уйму времени на охоту за ускользящей икоридзо. И хотя сами мы так и не поймали живьем и не убили ни одной водяной землеройки, в коллекции оказалось шестнадцать экземпляров разного возраста. Мы узнали многое об образе жизни животных, наблюдая в бинокли их игры или охоту, а это было не менее ценным материалом, чем тщательно хранимые бранные останки.

Исследуя содержимое желудков, мы установили, что питаются землеройки исключительно пресноводными крабами, по крайней мере в этих краях. Раз живая рыба нагнала ужас на *Potamogale*, значит, здесь она рыбой не питается, хотя в других районах это вполне возможно.

Несколько месяцев спустя, обшаривая низменные прибрежные равнины Нигерии, где в тихих заливчиках водятся некоторые животные, мы снова натолкнулись на *Potamogale*. О том, что она встречается в этих местах, мы узнали сначала по кусочку сухой шкуры, которую притащил мальчуган-африканец. Но при шкуре

не было ни лап, ни хвоста, так что я не мог определить, не принадлежала ли она выдре — настоящему хищнику. Затем нам принесли совсем свежую шкуру, на которой еще кровь не засохла. И хвост и лапы были на месте. Это оказалась *Potamogale*. Таинственные зверьки не только ухитрились сохраниться в неприкосновенности с незапамятных времен под прикрытием горных отрогов, но и до сих пор живут и размножаются на низменных равнинах, где их никто не видел. Может быть, там они и питаются рыбой, а дю Шайю просто перепутал местообитание.

Но одно утверждение никто никогда не подвергал сомнению, хотя не верится, что кто-то мог вообще пойматься на такую выдумку. Говорили, что икоридзо затаивается под камнями на дне реки и подстерегает добычу, а когда изловит ее, снова возвращается в засаду. Но ни одно из дышащих воздухом животных не может повторять это бесконечно. Просто дело в том, что выход из норы открывается под водой, иногда на несколько футов ниже поверхности, а зверек караулит добычу у выхода.

Подводная охота потамогале и навлекла на нас беду. Единственный способ, которым можно было охотиться на зверька,— прочесывать русла речушек вброд при свете факелов, пытаясь ударом по голове оглушить верткое и стремительно плавающее животное. Мы испробовали все виды ловушек, какие знали, но вода была чересчур глубока, и животные не придерживались определенных маршрутов. По тем же причинам не удавалось и стрелять в них. Несколько недель кряду мы с Джорджем бродили по пояс в ледяной воде, и оба не просто серьезно заболели, но долгое время испытывали жестокие страдания. Даже два года спустя я частенько вспоминал икоридзо, мучаясь от острых приступов радикулита.

Когда мы перебрались в Ассумбо, я обнаружил, что там водятся те же крысы, которых мы уже научились узнавать с первого взгляда внизу, на равнинах, а вот

на подушечках лап у них почти всегда оказывались еще лишние бугорки. Тут были даже древесные мыши, хотя деревьев-то практически не было. Этот факт, подкрепленный данными, полученными при изучении лягушек и местной растительности, убедил нас в том, что некогда вся местность была покрыта густыми девственными лесами, которые были начисто уничтожены, и, по видимому, совсем недавно — ведь типичная для них фауна все еще сохранялась. Этот район — вовсе не подлинная страна трав, или саванна, как ее неточно называют. Некоторые животные вроде крыс пытаются приспособиться к изменившейся внешней среде, и на лапках у них появляются новые образования, облегчающие жизнь среди высоких стеблей трав на жесткой, спекшейся под лучами горячего солнца почве.

Чарлз Дарвин был бы в восторге от подобных сокровищ, но его порядком озадачила бы та невиданная скорость, с которой на этих странных высотах протекает процесс эволюции.

Природа обнаженных вершин все более завораживала нас, и мы старались как можно чаще взбираться на самые гребни, чтобы своими глазами подсмотреть еще какое-нибудь таинство.

Однажды вместе с Афой и двумя молчаливыми охотниками мы отправились в путешествие на высокие голые вершины длинного скалистого гребня, к востоку от долины Тинта. Когда мы выходили из своей деревни, солнце сияло вовсю, но сразу две грозы стали подбираться к нам с обеих сторон: одна налетела с северных равнин, вторая перевалила через отроги гор с юга. Мы вступили в полосу высокогорных невысоких трав, и тут облака налетели на нас, скатываясь вниз по склонам в грозном безмолвии; они скрыли от нас весь мир, мы не видели не только друг друга, но и даже собственные ноги. В глухом и гулком молчании тумана всегда ста-

новится жутко; одиночество, затопившее нас, пронизывало ужасом. Афа упорно пробивался вперед и выше среди колоссальных каменных обломков.

Внезапно без вступления раздался пронзительный визг — нечто среднее между свистом и криком; он дрожал и отдавался эхом в промозглых прядях тумана. Мы встали как вкопанные. Афа поманил меня к себе. Я подошел вплотную, и он попытался объяснить, что звук производит маленькое «мясо», которое очень быстро бежит. Поначалу я не мог сообразить, что бы это могло быть, но, так как было сказано, что оно бесхвостое и у него два больших резца, я предположил, что это скалистый даман (*Procavia ruficeps*).

— Они живут в норе? — спросил я. Охотник ответил утвердительно, и мы принялись искать логово.

Немного спустя мы обогнули завал из камней на очень крутом склоне и успели увидеть трех зеленовато-бурых зверьков, поднимавшихся во всю прыть по абсолютно гладкой и отвесной скале. Они скрылись за гребнем. Мы бежали за ними низом, вошли в небольшую расщелину, но зверьки опять скрылись из глаз. Однако повыше, среди куртин высокой травы, раздавался громкий шум. Мы бросились вперед.

Из небольшой норки неся душераздирающий визг. Не успели мы развернуть сеть, как из норы пуль вылетел даман, следом за ним — второй. Преследователь настиг жертву почти у наших ног и налетел на нее с отвратительной кровожадностью и злобой. Они катились по земле, кусаясь и визжа, и абсолютно не обращали на нас внимания. Мы попытались схватить маленьких фурий, но это было в высшей степени неблагоприятно: они тут же ополчились на нас и, обнажив поблескивающие зубы, накнулись на наши ноги. Более крупный зверек вцепился в икру Афы, и тот взвыл, как сирена.

Этого злодея нам удалось поймать. Как только он был надежно помещен в мешок, его противник, который

снова́л кругом в траве, норовя добраться до врага, тут же спасся в недоступных для нас скалах. Родственные этому животному виды обитают на территории Палестины и упомянуты в Библии; они изображаются в каждом толковом словаре, путеводителе или охотничьей истории как самые кроткие и робкие из всех существующих животных. Отмечаются свойственная им осторожность и необычайная хитрость, с которой они умеют прятаться.

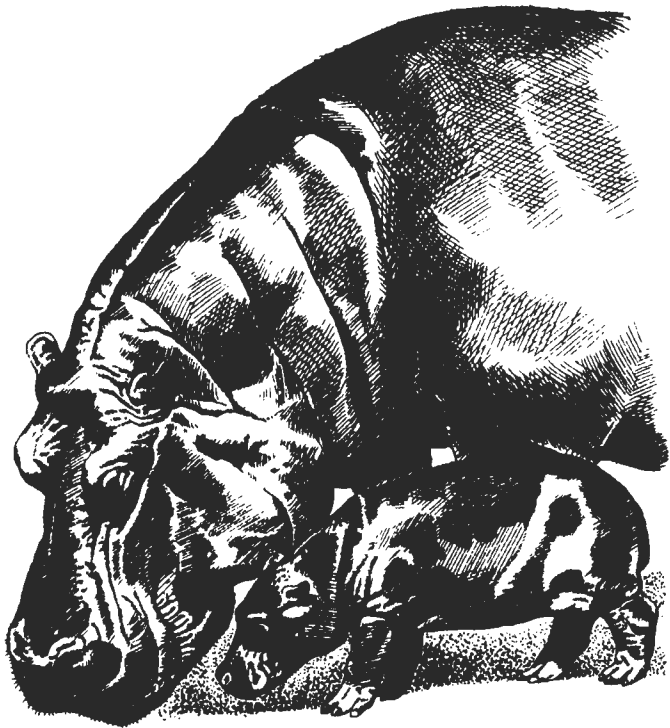
Может быть, в других местах животные ведут себя совсем иначе, чем в Ассумбо, но мне в это как-то не верится. Я понемногу убеждаюсь, что все написанное о повадках диких животных, особенно тех, которые не считаются крупной дичью, просто-напросто серия пересказов, причем каждый рассказчик списывает у предыдущего. Первоисточником по большей части оказывается какой-нибудь местный житель, который не понял, о каком животном его спрашивают, или все сочинил, чтобы угодить собеседнику.

Даманы не грызуны, хотя они сильно смахивают на кроликов. Это копытные, и наиболее близкими их родичами являются слоны. Как и у слонов, у них есть копытца на четырех пальчиках передних лап и на трех — задних. На спине у дамана есть железа, окруженная волосками особого рода, к корням которых подходят мышечные волокна, так что зверек может раскрывать волоски венчиком, как у цветка. Волоски резко отличаются от остального меха ярко-желтым цветом. Венчик раскрывается, когда животное раздражено или напугано, если только этим фуриям знакомо чувство страха.

Великие воды

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава четырнадцатая
**ГИППОПОТАМЫ. ГИГАНТСКИЙ СКАТ.
ШПОРЦЕВЫЕ ЛЯГУШКИ
И ПУТЕШЕСТВИЕ ВВЕРХ ПО РЕКЕ.**

Гиппопотамы водились в большом озере, расположенном ниже станции Мамфе. В сухой сезон громадное круглое водное пространство, в которое впадали две реки, а вытекала только одна, обнажало широкие полукруглые песчаные отмели, среди которых потерянно плутали остатки вод бассейна Поперечной реки. Однажды утром на чистом, гладком, серебристом песке появилось множество громадных следов, образующих прихотливый узор. Мы спустились вниз взглянуть на них поближе.

Несколько дней спустя по небывало счастливому совпадению у нас выдался перерыв в работе, и мы легли

спать пораньше. Для меня это было настолько непривычно, что я никак не мог заснуть. Потеряв часы на тупой «пересчет овечек» и прочие умственные ухищрения, я украдкой выбрался на террасу, собираясь выпить чайку. Обогнув угол дома, я вдруг услышал диковинный скрежещущий звук. Земля футов на шесть была прикрыта негустым белым туманом, который светился в лучах небывало яркой луны. Я стал ходить по террасе, стараясь разглядеть сквозь туман, что там шумит.

Внезапно туман рассеялся. И тут почти у ступенек веранды открылся великанский бегемотий зад. В тумане легко ошибиться, и это видение показалось мне ближе и больше натуральной величины. Попробуйте вообразить чудовищного толстяка, облаченного в непомерно длинные мешковатые брюки, причем верхняя половина туловища до пояса засунута в дыру в белой простыне и совершенно скрыта от глаз,— и перед вами будет довольно точная копия картины, представшей моему взору. Зрелище было препотешное.

Туман неожиданно снова накатил и окутал все вокруг. Когда он вновь рассеялся, передо мной оказались уже два гиппопотама, стоявшие мордами друг к другу и боком ко мне. По-моему, туман отчасти скрывал от них и меня, потому что один из них тяжеловесной поступью направился напрямик к веранде, но вдруг остановился, будто почуяв что-то, опустил громадную голову и с шумным фырканьем стал нюхать утопанную землю. В конце концов оба затопали прочь. Прошло несколько недель, и я снова увидел их на короткой травке между домиками станции. На этот раз они шагали гуськом друг за другом, как будто водили хоровод.

Несмотря на явные признаки опасности, на бегемотьи хороводы вокруг дома, у нас хватило ума отправиться ловить лягушек в двухместной лодочке-долбленке. Но позвольте кое-что объяснить.

Нам необходимо было раздобыть множество чрезвычайно редких и интересных животных, обитающих только в воде. По сути дела, эти животные не так уж редки, но они редко попадаются, скрываясь под водой или у берегов. Вдобавок ко всему реки Западной Африки более чем полгода несутся неудержимыми бурными стремнинами, и все обитающие в них животные становятся невидимыми в мутной круговерти. Среди водных животных мы надеялись обнаружить и шпорцевую лягушку, что было одной из наших конкретных задач.

В этих местах в период дождей можно передвигаться только на лодках. Неизвестно по какой причине их называют «барками» — это просто-напросто снабженные паровым двигателем плоскодонки или суденышки размером с небольшой катер, с турбинным двигателем. Мамфе находится в нескольких сотнях миль от морского побережья, и нас доставили сюда как раз на такой «барке». Два месяца после прибытия мы дожидались конца дождливого сезона и жили все время на берегах крупных рек. Однако нам ни разу не пришлось увидеть типичного для подобных мест животного — по причинам, которые я уже объяснял.

Когда хляби небесные наконец иссякли, мы двинулись на охоту в леса (до изучения «великих вод» очередь дошла спустя многие месяцы). Надо признаться, что воодушевил нас на это служивший у нас собо из дельты Нигера. Мы постоянно возмущались качеством рыбы, которая входила в наше меню, а этот

тип, считая себя человеком, который «знал вода чересчур хорошо», заявил, что наловит в озере Мамфе такой отличной рыбы, которая местным жителям и не снилась. Мы ему не поверили, потому что он нам не нравился, что само по себе, бесспорно, было довольно глупо.

Каково же было наше удивление, когда в одно прекрасное утро, поглощая импровизированный завтрак на веранде с видом на озеро, мы вдруг увидели небольшую лодчонку, vyplывающую из-за песчаной отмели. С высокого обрывистого берега, где располагалось наше жилище, лодчонка казалась на глади реки не больше шляпки гвоздя. Мы вытащили свои мощные полевые бинокли и убедились, что это наш собо, а с ним в лодке находилась большая круглая сеть вроде тех, которыми ловят рыбу китайцы на илистых отмелях в устьях крупных рек.

Целых полчаса мы с интересом наблюдали за действиями собо. Он управлял лодкой с тем безошибочным инстинктом, которым отличаются доблестные представители народов, обитающих в дельтах. У конца отмели он вытащил суденышко на песок и пошел вброд по мелководью. Там он что-то сыпал на воду, свернул свою сеть, как моряк — канат, и застыл в ожидании.

Вокруг него стали возникать маленькие круги на воде. Тогда он забросил сеть — она раскрылась в воздухе громадным грибом и упала в воду. Когда он вытащил сеть, она была полна рыбы. Наш персонал с необычайным интересом смотрел на демонстрацию энергии и ловкости, какой мы не ожидали от неотесанного собо. Наше необычное для столь раннего часа поведение вызвало любопытство местных жителей, проходивших мимо по дороге из деревни, и они пришли посмотреть, в чем же дело. Мы дали им глянуть

в бинокли — и они пришли в полный восторг. Однако действия рыбака в лодке их возмутили. Они в один голос заверили нас, что ловит он рыбешку, которая, по их представлениям, смахивает на наших банальных пескарей.

— Давайте мы вам покажем, как ловить рыбу, — вдруг заявили они. Я напомнил им, что именно об этом я и просил их каждый Божий день.

— А, — отвечали они, — да вы не знаете, что такое приличная рыба, если нанимали тех, кто называет себя рыбаками. Откуда им знать, как ловят рыбу, они и понятия об этом не имеют. Они просто рыбаки, а рыбаки ничего не смыслят — это всякий знает (подразумевалось: всякий, кроме «белых людей»).

Когда явился наконец наш рыбак-собо с кучей разнообразной рыбы, в том числе с великолепной тигровой рыбой (из нее вышел восхитительный ужин), его встретили градом насмешек.

— Ладно! — разозлившись, крикнул он своим противникам. — Ах вы, грязные лесовики, идите ловите рыбу! Никуда вы не годитесь! Вы не знаете воду в эта страна!

После перепалки местные жители удалились, и отнюдь не в гордом молчании. Примерно в четыре часа дня они возвратились в сопровождении множества новых лиц. Как только они подошли поближе, я спросил, ловили ли они рыбу.

— Да, кое-кто ловил рыбу. Мы поймали мать вашего собо! — И они громко захохотали.

Затем нас поразила удар, сногсшибательный для зоолога. Гости взобрались на веранду, сгибаясь под тяжестью громадного груза. Они разом бросили его на пол и расступились. Несколько секунд я буквально

не мог сообразить, во сне это или наяву. Но шли секунды, а чудо, что лежало передо мной, не вспыхивало красным цветом и не превращалось ни в одного из моих лучших друзей; наконец я поверил своим глазам, хотя дара речи мы с Джорджем лишились надолго.

Перед нами распростерлась рыба, на первый взгляд по всем признакам похожая на ската, однако по размерам больше напоминавшая допотопных ящеров. Она была ромбовидной формы, как все скаты, но от конца одного плавника до конца другого в ней было четыре фута восемь дюймов, от кончика рыла до основания хвоста — пять футов одиннадцать дюймов, а хвост от основания до кончика, лишённого плавника, — пять футов два дюйма. Из верхней части сужающегося к концу хвоста, возле его основания, торчала игла, настоящий штык длиной один фут семь дюймов.

Это невесть откуда возникшее чудище, да еще представитель того класса рыб, к которому я, по своему прискорбному невежеству, относил только обитателей океанов, не допуская их существования даже во внутренних морях, совершенно сбilo меня с толку. И то, что рыба была еще жива, а значит, без сомнения, поймана в озере Мамфе, казалось невероятным — ведь до моря отсюда было почти три сотни миль. Пришлось привыкать к мысли, что скаты-хвостоколы и вправду пресноводные животные, обитающие в крупных африканских реках.

Почему в трудах натуралистов не описаны подобные рыбы вместо пресловутых крокодилов? Почему биологи нам не рассказали, как они существуют в сухой сезон, да и в сезон дождей тоже? Где размножаются и видели хоть кто-нибудь их кожистые, похожие на кожаные футляры яйца?

Нам это чудище было не нужно — рыб мы не коллекционировали; мы сфотографировали рыбу вместе с толпой местных жителей и приобрели в собственность ее «иглу». Хотя африканцы и уверяли нас, что ее укол смертелен, мы в этом сомневались. (Весьма вероятно, что, получив укол подобным оружием во время купания и, на свое несчастье, обнаружив, кому принадлежит игла, человек мог просто умереть от ужаса.) Для подтверждения ядовитости иглы нужны более веские доказательства. Когда игла хорошенько высохла, она расстрескалась вдоль оси и раскрылась, как цветок, обнажив в центре хрустально-прозрачный стержень. Образующее его вещество постепенно разлагалось под влиянием атмосферной влаги, его кусочек, брошенный в воду, бурно зашипел и растворился. Я не сумел подобрать в нашем арсенале консервантов и химикалий ничего, что позволило бы сохранить это вещество, и был очень огорчен: интересно было бы отдать его на анализ и узнать его точный состав.

Чудо-рыба внесла полнейшее смятение в наши ряды. Мы, можно сказать, почти умоляли «виновников» торжества как можно чаще приносить столь ошеломительные трофеи, но только из царства пресмыкающихся, земноводных или млекопитающих. Они наобещали нам кучу добычи, уверяя, что нет ничего легче, чем наловить крокодилов, змей и прочей живности. Однако время шло, а им, должно быть, изменило охотничье счастье. Это стало вызывать досаду.

И тут-то появились на сцене шпорцевые лягушки. Собо ушел, а на его место поступил Деле. В некоторых отношениях его энтузиазм не знал границ, и он был страстным охотником на лягушек. Результатом этого пристрастия среди прочих его трофеев оказалась удивительная находка — молодая особь

шпорцевой лягушки *Xenopus tropicalis*. Мы спросили, где она поймана, и он указал на тот берег залива, где в долину реки впадал каньон реки Манью. Каньон имел ширину менее ста футов, глубина же его оставалась загадкой.

Мы спросили, какие магические силы помогли ему, не знакомому с водой намчи, добраться через реку к устью ущелья, и он ответил, что «надо ходи-ходи по вода». После долгих и мучительных расспросов выяснилось, что собо взял напрокат небольшую двухместную долбленку, пообещав заплатить баснословные деньги, но сам и не подумал сообщить нам об этом. Деле сумел каким-то непостижимым для нас африканским способом обнаружить не только сделку, но и саму лодку, покинутую на произвол судьбы.

Вот при каких обстоятельствах мы отправились на разведку каньона Манью.

Джордж и я гордились тем, что можем отлично управляться с любой лодкой. Джордж — один из тех немногочисленных британцев, которые отваживаются выходить под парусом в северную часть Средиземного моря — а это дело не простое; у меня же были свои причины считать себя таким старым речным волком. Но как бы то ни было, наши дружные усилия в долбленке, на долбленке, а подчас и под долбленкой едва не навлекли вечный позор на наши головы.

Я уверен, что корнем всех зол был недостаток в устройстве суденышка — кривизна в середине, по левому борту, если смотреть с носа, и по правому — если смотреть с кормы. По правде сказать, точное местоположение носа оставалось сомнительным, и ни мы сами, ни владелец лодки не могли с уверенностью утверждать, где нос, когда лодка движется вперед. Движение осу-

шествовалось при посредстве пары весел: одно из них, короткое и прямое, было из удивительно легкого дерева, с длинной острой лопастью, другое — длинное, загнутое у рукоятки, с круглой лопастью — по удельному весу представляло собой нечто среднее между чугуном и свинцом. Гребля с одного борта заставляла лодку крутиться по все более сужающейся спирали, а с другого — посылала ее в пространство по непредсказуемой траектории.

К тому времени, когда мы познакомились с поразительными свойствами нашего судна, мы уже неслись по середине реки, и воды в лодке было едва ли меньше, чем за бортом. Джорджу пришлось срочно бросать весло и хвататься за шляпу — вычерпывать воду. Но стоило ему вылить первую шляпу воды за борт, как наше ружье соскользнуло на дно лодки, и я понял, что вынужден бороться с лодкой один на один и эта переделка не скоро кончится. Дальнейшее напоминало

жуткий кошмар, но я, действуя поочередно обоими веслами: легким — с вогнутого борта, тяжелым — с выпуклого, все же умудрился довести лодку до устья ущелья.

Мы высадились на плоские, сглаженные водой слоистые скалы, нависавшие прямо над рекой. В них оказалось множество ям, в среднем футов двух в диаметре, которые были наполнены стоячей водой, оставленной отступившим в начале сухого сезона половодьем. Многие совсем небольшие с виду ямки внизу расширялись в сферические резервуары и сливались с соседними. Там мы и поймали несколько драгоценных шпорцевых лягушек.

Вдохновленные первым успехом, мы начали систематический обыск всех ям с водой. Из тех, что были поближе к реке, лягушки удирали, переходя из одной каменной камеры в другую. Наконец они вылезали на берег под скалой и ныряли оттуда в бурную стремнину. Нас это удивило: трудно было вообразить, что какая-либо лягушка сумеет выйти живой из бешеного потока. Мы решили проверить это и снова забрались в долбленку.

Пробираясь вдоль края каньона, мы медленно ввели лодку под нависающие скалы. Здесь наши лягушки собрались в великом множестве, они изо всех сил работали лапками, чтобы выдержать неистовый напор течения. Но стоило нам попытаться схватить их, как они просто переставали грести лапками, течение подхватывало их и уносило под нависающие козырьки скал. В поисках лягушек мы медленно пробирались дальше в глубь ущелья.

В конце концов мы угодили в серьезную передрагу. Гребя во всю мочь против течения, мы едва удерживались на месте, а лодка тем временем набирала воду с

невиданной дотоле скоростью. Как быть? Стоит перестать грести, как нас понесет под нависшие скальные козырьки со скоростью двадцати узлов, а если мы немедленно не займемся вычерпыванием воды, наша лодочка вот-вот захлебнется и пойдет ко дну. С правого борта показался вход в большую пещеру, и внезапно мы очутились в самой гуще крайне перепуганных гиппопотамов, среди которых было несколько бьющихся в истерике крокодилов.

Но они не напали на лодку и не пытались из нее нас вытащить, как полагалось бы в рассказе о подобном приключении. Они сбились в полутемной глубине пещеры, издавая леденящие кровь звуки: храп, рычание, зубовой скрежет. Не влепили ли мы им заряд прямо меж глаз, как полагается во всяком порядочном приключенческом фильме? Нет! Мы продолжали грести — но как! — против течения реки и накатывающих из глубины пещеры водоворотов. Обогнув небольшой выступ, мы попали в сильную обратную струю, так что Джордж получил возможность вычерпывать воду, пока я изо всех сил работал веслами. Через несколько минут мы причалили к крохотному клочку песчаного берега, который как-то ухитрился притаиться под уходящими вверх отвесными стенами каньона.

В полном изнеможении мы свалились на землю и стали шарить в поисках папирос, но спички куда-то запропастились. Что за чертовщина? Я точно помнил, что захватил с собой спички. Посидев в мрачном безмолвии, мы стали шарить под несколькими широколистными растениями, разбросанными куртинками на песке: надо же было извлечь хоть какую-то пользу из такого бедственного положения. Мы

надеялись, если повезет, отыскать еще несколько лягушек.

Поначалу не нашли ничего, но в дальнем конце от-мели обнаружили несколько мелких лужиц у подножия скал. Я сунул палку в одну лужицу и с удивлением увидел, как несколько камней, лежавших на дне, таинственным образом переместились поглубже. Окликнув Джорджа, я продемонстрировал ему это загадочное явление. Мы принялись шарить в глубинах коричневатой воды своими сачками и немного погодя выудили пару необычных существ.

Было совершенно очевидно, что это какие-то черепахи, хотя у них вместо твердых панцирей спинки были покрыты пятнистой кожей, мордочки тонкие, заостренные, на плавниках виднелись когти, а сами черепахи были сплющены, как круглые лепешки.

— Черепахи,— сказал Джордж.

— Пресноводные,— сказал я.

— Морские.

— Морские черепахи живут в морях и на этих не похожи.

— А по-моему, похожи.

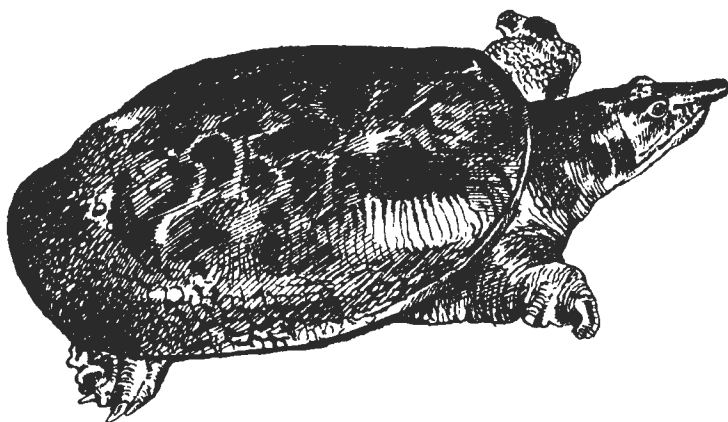
— Это пресноводные черепахи.

— Ладно, пусть будут хоть «телепахи»¹,— сказал Джордж, прекращая спор.

Так мы и называли до конца нашего путешествия безобидных африканских триониксов (*Trionyx triunguis*), которые едва нас не поссорили.

На этом, очевидно, разнообразие животного населения песчаной отмели было исчерпано. Чертыхаясь и

¹ Т е л е п а х а (Теленок-черепаха) — персонаж из сказки Л. Кэрrolла «Алиса в стране чудес». (Примеч. пер.)

проклиная себя из-за спичек, в самом мрачном настроении мы продолжали двигаться против течения по мере своих сил. Стало немного легче: лодка больше не набирала воду, и до конца узкой горловины оставалось уже недалеко. Следующую остановку мы сделали на длинной песчаной отмели, по которой во множестве сновали мелкие пичужки — это были разнообразные кулички. Большая часть из них обратилась в бегство с жалобными криками, столь характерными для куликов. Остались только довольно спесивые красногрудые чибисы *Anomalophrys supercillosis*. Это птицы размером примерно с зеленую ржанку, с большой широкой головкой, от уголков клюва у них свисают два длинных ярко-желтых пучка перьев. Они оказались настолько непуганными, что мы причалили и разлеглись прямо среди стаи.

Перед нами открывалась картина такой поразительной красоты, что ее едва ли можно передать словами. Узкое русло реки, словно канал, созданный человеческими руками, прорезало густые лесные заросли

прямой как стрела линией. По берегам гладкий серый камень переходил в пологий песчаный пляж. Еще выше поднималась стена деревьев, а на опушке в необычайном изобилии росли сочные светло-зеленые травы. Небо над нами — бездонная, ярко-синяя пустота без единого облачка. Мы лежали на этом песчаном острове, глядя вверх по течению, и весь мир представлял перед нашим взором разделенным на прямые полосы в безукоризненном совершенстве: направо — темно-зеленые деревья, более яркие светло-зеленые травы, золотой песок, серый камень, посередине — бурая вода, слева — то же самое в обратном порядке, как точный отпечаток.

Я уже не раз пытался передать те ощущения, которые рождали во мне пейзажи, полные нетронутой естественной прелести. Может быть, я делаю это напрасно — множество людей, если не большинство, совершенно ничего не почувствуют, увидев тропические заросли в ослепительном свете солнца. Их колдовскую красоту, несомненно, не станут отрицать даже те, кто претерпел множество мучений от рук тропических демонов. И все же их красота неукротимо манит к себе.

В полном одиночестве среди нетронутых, вечных лесов тропиков человек полностью сливается с природой. Крохотные кулички, покрытые плотно прилегающими аккуратными и ослепительно чистыми перышками, жужжащие насекомые, вытворяющие непостижимые фигуры высшего пилотажа, чистейшие пески, деревья с их тишайшим дыханием сквозь миллионы зеленых устьиц — это наша законная, естественная среда. Возня, от которой разит потом, может поднять нас до уровня сверхмуравьев, и нам придется закапываться в землю

из страха пасть жертвой крылатых птиц или ползучих гадов в образе самолетов и танков.

Мы снова взялись за работу — поиски «телепах» и прочих зверюшек. Никто нам не попался, только Джордж раскопал водяную змею (*Natrix ferox*), которая устремилась к главному руслу, держа над водой свою блестящую головку. Это создание доставило нам несколько неприятных минут: очутившись в родной стихии, она проявила удивительную изворотливость и прескверный нрав. Мы преградили ей отступление и попытались захватить сачком, но она ускользнула и снова вышла на твердую землю. Мы гнались за ней до невысокой широколистной поросли.

Змея нырнула в небольшую расщелину, и мы полезли за ней, упиваясь своей храбростью. Потом потеряли ее из виду и стали значительно осмотрительнее: змея, затаившаяся под сплошным покровом листвы, — нешуточная угроза. Джордж осторожно двинулся влево, а я — вправо.

В ту минуту, как он крикнул мне, что нашел змею, что-то вырвалось из листвы прямо у моих ног. Я вскинул ружье. Видно было только колыхание потревоженной листвы, обозначававшее направление бегства животного. Когда виновник этой «волны» через несколько ярдов остановился, я осторожно стал подкрадываться, заинтригованный: что бы это могло быть? Внезапно поднялась громкая возня; существо снова встрепелось, сделало вираж и ринулось сломя голову прямо на меня. Я выпалил по движущейся мишени из обоих стволов, но промазал, потому что ничего не видел. Зверь промчался в футах от моих ног. Я бросил ружье, сорвал шляпу и запустил ее вслед беглецу. И она попала в цель! Всякое движение замерло, если не считать двух коробков спичек, которые по инерции улетели далеко

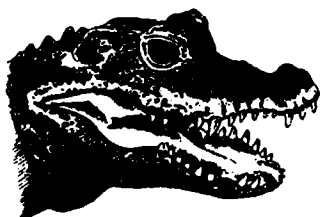
в сторону. Тут-то я и вспомнил, что спрятал их в шляпу, чтобы не подмокли. Я бросился за одним из коробков с поспешностью, которую надо видеть, чтобы оценить. В этом броске я споткнулся о собственную шляпу, а под ней... лежала крохотная пятнистая антилопа! Я не промазал.

Этот очаровательный маленький африканский оленек (*Hyemoschus aquaticus*) ростом не больше кролика, а его тоненькие хрупкие ножки не толще вашего пальца. По всему телу на красновато-коричневом фоне тянутся продольные полоски из мелких белых пятнышек. Это очень редкое животное. Впоследствии мы держали у себя двух живых оленьков и заметили, что они съедали любое насекомое, которое им попадалось. Необычно странное поведение для представителя семейства антилоп, но у животных в неволе возникают самые дикие прихоти из-за отсутствия привычной пищи. Некоторые африканцы охотятся на мелких антилоп с помощью настоящих средневековых арбалетов, заряженных миниатюрными стрелками толщиной с карандаш, острия которых смочены растительным ядом. Этот яд добывается из определенного вида лиан — их толстые плети часто лежат на земле. Стоит надрезать такую плеть, как из нее, словно из кувшина, польется целая река млечного сока.

Подбодренные удачной охотой и сигаретным дымом, мы снова спустились в ущелье и понеслись обратно с такой скоростью, что не успели заметить ни гиппопотамов, ни крокодилов, ни лягушек. Как я уже говорил, наша долбленка имела своеобразную форму. Теперь она мчалась по необычайно прихотливому курсу. Мы даже не успевали быстро грести, чтобы удерживать или направлять ее. Нас несколько раз бросало на стены каньона, затем засосало в пещеру, где раньше были гиппо-

потамы, завертело волчком и выбросило обратно. Наконец мы вылетели в залив Мамфе кормой вперед, — по крайней мере, мы сочли этот конец кормой.

Может быть, все вы сумели вывести еще одну мораль из этой истории. Когда не можешь направлять лодку ни вперед ни назад — двигайся куда придется.

Глава пятнадцатая
**КРОКОДИЛ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО.
МАНАТИ**

— Святые рыбы! Угодники, да куда же подевался этот крокодил? Бен! Фауги! Басси! Эмере! Эй, вы там, где крокодил?

Послышался топот босых ног, и вся наша немногочисленная армия струдилась на веранде.

— Где крокодил? — спросил я, указывая на открытую дверь клетки, где у нас уже неделю жил четырехфутовый крокодил. — Бегом, ищите его быстрее! Джордж, Джордж! Где другой хозяин?

— Он пошел в кусты.

— Какие еще кусты? Бегите его искать, быстро!

Начались самые бурные поиски, какие мне приходилось видеть. Мы были вооружены веревками и петлями, разнообразными сетями и сачками. Всех подстегивало, с одной стороны, желание поймать наше утраченное сокровище, а с другой — стремление избежать потери пальцев на ноге или на руке, стоило нам спутать разъяренное пресмыкающееся с каким-нибудь безобидным деревянным предметом. Опасаться было нечего, если бы не то, что солнце быстро садилось, а дом был набит всякой всячиной, которую в темноте можно принять за что угодно.

— Хозяин, другой хозяин иди сюда.

— Эй, Джордж, крок удрал!

— Хозяин, хозяин!

— Иду!

Мы бросились бегом вокруг дома. Там лежала перевернутая клетка с торчащими во все стороны обрывками проволоочной сетки, словно внутри разорвалась бомба. Вокруг были разбросаны щепки и комья земли. И посреди всего — какая-то масса извивающихся и сплетающихся в клубок тел.

Мы встали в круг и начали следить за борьбой. Должно быть, крокодил разорвал клетку, в которой сидел пятифутовый нильский варан (*Varanus niloticus*), вытащил обитателя наружу и принялся терзать. Для подобного странного убийства не было никакой видимой причины: варан питается насекомыми и тому подобной мелочью, а крокодил, хотя и крупный хищник, обычно не нападает на такого противника без серьезной причины. Может быть, в клетке варана оставался какой-нибудь кусочек, соблазнительный для обоих животных, но когда мы подоспели, там уже не осталось и следа от каких бы то ни было лакомств.

Животные вцепились друг другу в морды: крокодил зажал в пасти нижнюю челюсть ящерицы, а та держала

точно такой же хваткой верхнюю челюсть противника. Ни один не желал уступать, и ни один не мог серьезно повредить крепкие латы врага. Они бились и извивались, словно стальные ленты, в которые вселились тысячи дьяволов.

— Хватай за хвост,— приказал я, не собираясь, однако, сам браться за дело.

— Погодите, я сбегаю за кинокамерой,— сказал Джордж.

Дождавшись его возвращения, мы всем скопом навалились на хвост крокодила и накинули на него веревочную петлю. Как только петля намертво затяну-

лась, мы перекинули другой конец через балку и принялись тянуть изо всех сил. Крокодил поднялся в воздух и повис вниз головой во всю длину. Но своего врага он так и не отпустил. Он не разжимал зубов, сомкнутых на морде варана, и тот держал его мертвой хваткой.

Наконец оба животных повисли в воздухе, намертво сцепленные в единое целое: мы их и колотили, и тыкали, даже «поджаривали» на огоньке, но ни один не ослабил хватки. Нам пришлось снова опустить их на землю и, разделившись на две команды, растаскивать за хвосты, как перетягивают канат. И даже при этом их мощные броски заставили всех скатиться с веранды и продолжать борьбу в пыли возле дома.

Только после того, как мы навалили целую гору мешков, набитых капканами, камнями и прочими тяжестими, на спины противников, нам удалось подобраться достаточно близко, чтобы раздвинуть их челюсти с помощью все тех же волшебных инструментов — «друзей траппера».

Эти некогда полные неумейной ярости обитатели африканских вод теперь красуются в одном из музеев Европы в виде отлично отпрепарированных и добела выложенных скелетов.

Великие воды раскинули свою сеть по всей территории Тропической Африки. Они служат не только торговыми путями или природными рубежами для человека и животных, но и средой обитания необычных живых существ.

Возле Мамфе нам не раз приходилось гнаться во весь дух за убегающим вараном, только чтобы увидеть, как он с разбегу ныряет вниз головой в какую-нибудь тихую заводь. В глубине лесных дебрей мы купались под кристально чистыми водопадами в бассейнах, из которых жители ближайшей деревушки выловили сразу же после нашего ухода таких громадных крокодилов, что нам удалось сохранить лишь их головы в качестве доказательства, что они существовали на самом деле. Как только мы разбивали лагерь на берегу реки, в нашей ежедневной добыче начинали попадаться диковинные мыши, змеи и лягушки. И все они обитали в реке.

В реках водились еще два вида животных, которые были нам нужны. Один, насколько мы знали, был довольно многочисленным. Второй больше походил на миф. Мы решили отправиться в специальный поход за этими животными. В процессе поисков мы наткнулись на третье животное, которое могли бы вовсе не заметить из-за его ничтожных размеров, если бы не то обстоятельство, что именно оно являлось подлинным властителем здешних мест и вершителем судеб каждого человека.

Мы свалили все наше снаряжение в четыре громадные долбленные лодки и отбыли в четыре часа дня, со-

проводимые предостережениями местных жителей, удивленных столь поздним временем выступления. Но так уж получилось: я никогда не занимаюсь делами до завтрака, а если не встанешь спозаранку, то выехать до четырех часов дня никогда не удастся. Кроме того, я не люблю отказываться от традиционного чаепития, так что волей-неволей пришлось отчалить от берега за два часа до сумерек, когда перед нами лежал путь в тридцать пять миль. Гребцы — их было по десять человек в каждой лодке — настолько возмутились этим, что через полчаса забастовали и заломили неслыханную цену только за то, чтобы причалить к ближайшему негостеприимному берегу. Мы постарались держать себя в руках и заявили, что в конце концов течение само донесет нас до Калабара и мы успеем даже хорошенько выспаться. После этого африканцы принялись яростно гребсти, заливаясь добродушным смехом.

Когда мы добрались до Экури, то при свете керосинового фонаря ничего не могли разглядеть, кроме смутных отблесков примерно пятидесяти обнаженных черных тел.

Здесь не было ни дома для приезжих, ни другого подобного строения, а ставить палатку было уже слишком поздно, поэтому мы улеглись спать в местном складе среди россыпи ямса и какао.

На следующий день мы проснулись в окружении любопытных зевак обоего пола и самого разного возраста. Сквозь противомоскитную сетку, как сквозь туман, была видна сплошная стена человеческих тел, загораживающая лучи раннего утреннего солнца. Я громко заорал, призывая на помощь. Бен выскочил как встрепанный из-за груды какао.

— Давай гони эти люди отсюда, — приказал я тоном повелителя.

— Они не хотят, хозяин.

Я пришел в бешенство и стал выпутываться из многометровой сетки, чтобы обрушить всю свою ярость на непрошенных гостей. Тут до меня дошло, что в конце концов мы самовольно оккупировали единственный местный торговый центр, который в отличие от европейских заведений этого рода открывался с рассветом.

— Что им надо? — спросил я. — Им очень надо носить какао сегодня?

— Нет, они хотят посмотреть, как вы бреетесь.

— Вот как! — изрек я, вскакивая во весь рост. Ведь мое лицо было украшено великолепной черной эспаньолкой. Этого они знать не могли, потому что мы были в полной темноте.

— О! Ах! — по рядам прокатился горестный стон.

— Хозяин, они хотят знать, будут ли бриться другие хозяева.

В эту минуту на сцене появились Джордж и Герцог, похожие на двух гигантских крыланов, моргающие от яркого света и задрапированные простынями, как летучие мыши сложенными крыльями, чтобы прикрыть наготу. На этом аудиенция была окончена: Джордж носил щегольскую ухоженную вандейковскую бородку яркого золотисто-рыжего цвета, а физиономия Герцога была окутана взлохмаченной растительностью всех оттенков, от рыжего до платинового, с темно-каштановыми пятнами, и вся эта поросль таинственным образом загибалась справа налево, кончаясь заливчатским завитком пониже левого уха.

Несмотря на это неудачное начало и на крайнюю суровость наших намчи, которые были вынуждены патрулировать все утро перед домом, отгоняя назойливых зрителей, вся деревня с поразительным рвением принялась помогать нашей экспедиции. Все, вплоть до самых маленьких, «ушла в лес за мясом», одна весьма престарелая леди буквально «ушла в землю» в поисках

черепяхи; там она и застряла, неистово потрясая в воздухе оставшейся на виду частью тела. Множество дружеских рук извлекли ее наружу.

К нам пожаловал вождь. Он служил полисменом в «дальней-дальней стране», пока не умер его отец и его не призвали управлять своим народом. Это был малосимпатичный тип, он совершил серьезный промах, заявившись в наше жилище с фантастической европейской шляпой на голове. Я притворился, что не вижу его. Его подданные поняли намек: они тут же убрали своего предводителя вместе со шляпой. После этого деловые переговоры протекали намного легче.

Откуда-то на свет Божий появился долговязый субъект, который утверждал, что у него есть лодка и он «много-много знай вода». Начались «тайные переговоры». В результате мы получили отличную небольшую, сделанную на совесть долбленку. В нее могло уместиться четверо, но, так как нас было трое, без охотника, его помощник уже не влезал. Последовали длительные прения: ведь помощник работал «двигателем» и его место было на корме, а охотник должен восседать на носу. Я предложил, чтобы мы все по очереди были «двигателем», и добавил, что мы «знай много всякая и всевозможная вода». Никто с нами не согласился, но мы оттолкнулись от берега, и все.

Первым «двигателем» был я, и мне было предписано повиноваться взмахам рук вожатого-охотника, а они напоминали движения полисмента на оживленном перекрестке. Первый взмах указал мне направление на середину стремнины и вверх по течению. С полчаса я обливался потом, неумело подражая индейцу в каноз, прижимая весло к борту и то и дело обдирая об него пальцы. Тем не менее мы все же продвигались приблизительно на северо-восток. Затем вошли в широкую боковую протоку.

Здесь охотник развернул какой-то полотняный чехол и собрал из отдельных частей очень грозный с виду гарпун, который и положил, придерживая в равновесии, на правое плечо. После чего он не двигался в течение четырех часов. Мы же сменяли друг друга, гребя в состоянии, близком к помешательству.

Наступал вечер; вдруг наш вожатый принялся вертеть руками, как живая мельница. Так как «двигателем» в этот момент был я, я и заставил лодку крутиться волчком. Конкретных причин для внезапной вспышки такой активности как будто бы не было, но я, пытаясь не уронить достоинства Британии, «правлящей волнами»¹ — какими бы эти волны ни были, — с каждым гребком обдирапал пальцы о борт, совершая героические усилия, чтобы не отстать от темпа, предложенного нашим вожатым.

На малой скорости мы обогнули зеленеющий мыс. Собираясь выправить курс поворотом лопасти весла, я вдруг заметил какую-то мошку, присевшую на мою руку. Взглянул поближе — и похолодел от ужаса. Это был комар, расцвеченный черно-белыми полосами. Не нужно было никаких дополнительных исследований — передо мной был *Stegomyia*, переносчик желтой лихорадки.

Когда комар повернул свою головку, нацеливаясь проколоть мою кожу острым хоботком, я прихлопнул его. Может быть, здесь я выиграл, но в ту же минуту что-то кольнуло меня в шею. Я хлопнул себя по шее, а когда взглянул на свои пальцы, измазанные кровью, там оказались останки второго полосатого дьявола.

Все обернулись посмотреть, в чем дело, все, кроме охотника.

¹ «Правь, Британия, волнами» — строка из Гимна Великобритании. (Примеч. пер.)

— Берегитесь,— бросил я,— стегомня! — и замахнулся, чтобы хлопнуть Герцога по лбу.

Он отшатнулся в сторону. Настала короткая пауза. Я успел еще увидеть потрясенное лицо охотника, затем наша лодчонка, как волчок необычайной конструкции, перевернулась вверх дном почти без всплеска.

Вынырнув из воды, я окинул взглядом реку и начал снова тихо погружаться — на этот раз от изумления. Рядом с подпрыгивающими над водой благородными головами моих друзей и невозмутимым ликом охотника возникло с дюжину темных лиц, украшенных необыкновенной пышности дедовскими усами. Покачиваясь на небольших волнах от собственного падения, я видел, как эти странные существа то ныряют, то выныривают тут и там, в торжественном безмолвии созерцая «пришельцев». Рядом с одним из них плавала крохотная копия этого гротескного существа — детеныш с громадными усами.

Как раз когда я вспомнил о существовании крокодилов, наш охотник подплыл к берегу и подтянул за собой лодку. Я выкарабкался следом за ним — весло я все же не бросил. Мы выбрались на берег без особых приключений, только некоторые предметы нашего снаряжения навеки канули на дно. Странные лица погрузились под воду, как только увидели наш отряд в полном составе и в полный рост. Драгоценный гарпун охотника был привязан к лодке, и его вытянули наверх с большим комком водорослей, зацепившихся за его острие. Мокрые и молчаливые, мы заняли свои места и отправились в обратный путь. Гордое знамя Британии сильно пострадало в этом походе.

Причаливая к берегу в деревне, мы уже высохли и успокоились, но острый язык охотника незамедлительно сделал нас мокрыми курицами в глазах всего населения. Хуже всего было то, что снова явился вождь, от кото-

рого мы в свое время так ловко избавились. Мы были уверены, что он пришел позлорадствовать.

На этот раз мы ошиблись. Он доложил, что на берегу лежит отличный ламантин, и мы, если пожелаем, можем посозерцать его и даже купить. То был последний сокрушительный удар по нашему достоинству, и охотник разделил наш позор: ведь мы вышли в поход только для того, чтобы загарпунить одного из этих животных — это они вынырнули из глубины, привлеченные возней «чужаков», и с любопытством наблюдали за нашим донкихотским поведением.

А произошло, как оказалось, вот что. Вождь, глубоко оскорбленный насильственным выдворением его персоны из нашего временного жилища, отдал секретное приказание — перегородить кольями, вбитыми в мягкое дно, речку, впадающую в большую реку. В частокле был оставлен проход, а в воду набросали свежих листьев какаового дерева. Наутро, когда вся огороженная часть реки кишела несчастными беззащитными манати, привлеченными любимым лакомством, вождь приказал загородить последний выход, и самое крупное животное аккуратно загарпунили, всадив острие прямо под правый передний ласт, так что оно пронзило сердце.

Это нарушение закона, о котором забыл вождь: ведь эти животные находятся под охраной. Когда все животное стало нашей собственностью, мы по глупости решили съесть кусок печени. В итоге мы чуть было не «открыли» источник местного скандала!

Надо сказать, что африканский ламантин, или манати (*Trichechus senegalensis*), — странное животное, относящееся к малочисленной группе крупных травоядных, которые перешли к чисто водному образу жизни. Никаких близкородственных форм у них нет. Самым

близким родственником считается слон, хотя ученые, может быть, уже переменили свое мнение. В Австралии и на Востоке живет их родич, называемый дюгонь (*Dugong dugong*), а в море возле Аляски водился еще более крупный родич, называвшийся стеллеровой морской коровой. В настоящее время он полностью истреблен усилиями нашего собственного вида.

У манати нет и следа задних ног, но имеется странный, круглый, веерообразный хвост, расположенный в горизонтальной плоскости. Говорят, эти животные породили легенды о русалках — головы у них совершенно человеческие, и они могут выныривать из воды вертикально. Но это наводит на мысль, что старинные мореходы слабовато разбирались в женской красоте, не говоря о том несомненном факте, что прапрабабушки вряд ли отращивали роскошные усы.

На препарирование этого животного ушли три полных дня. Десять человек непрерывно работали в специально построенной хижине, срезая с костей горы мяса, вываривая кости, очищая их и высушивая над небольшим огнем.

Как-то получилось, что больше мы не выезжали гарпунить манати. Раз так, сказали африканцы, нам никогда не видать маленькую рыбу-мясо с плавником. Имелся в виду небольшой пресноводный кит, которого мы мечтали увидеть, но я не уверен, что описание местных жителей, если не само животное, не возникло из примет, которые они выудили путем расспросов из наших помощников.

Тем не менее они оказались правы. Увидеть это существо нам так и не довелось.

Везде и повсюду

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава шестнадцатая **ЛЕТУЧИЕ МЫШИ**

Все хотя бы понаслышке знают о существовании летучих мышей. Любой горожанин, если захочет присмотреться, может заметить неясные маленькие силуэты, словно призраки, порхающие вокруг домов. Спящих летучих мышей всегда можно увидеть даже в мемориале принца Альберта, в Кенсингтон-гарденс. Несмотря на широкое распространение летучей мыши, едва ли хоть один человек из полумиллиона сумеет точно описать ее внешний вид и повадки.

В африканских и других тропических странах, где рукокрылых гораздо больше, дело обстоит примерно так же. Эти странные существа относятся к одной из самых многообразных и многочисленных групп ныне существ-

вующих животных, и все же они живут среди нас, невидимые и неведомые, как духи.

По какой же причине или по каким причинам?

Этот вопрос мы задали себе сразу, как только попали в Африку. Ответ довольно простой — летучие мыши летают ночью. Но важнее всего узнать, как и где они летают, от этих вопросов зависит решение целого ряда проблем, ранее считавшихся достоянием чистой науки. Наблюдения за летучими мышами оказались настолько увлекательными для нас, и мы с таким интересом решали одну загадку за другой, что мне хочется поделиться с вами нашими трудами и заботами.

Ученые разделяют рукокрылых на два класса — *Megachiroptera* и *Microchiroptera*, что значит попросту «крупные рукокрылые» и «мелкие рукокрылые». К первой группе относятся в основном «вегетарианцы», а ко второй — плотоядные, поедающие насекомых и кровососы. Но мы вскоре выяснили, что для коллекционера это подразделение не совсем подходит. По своему поведению и образу жизни эти группы различаются нечетко.

Мы заметили, что рукокрылых можно разделить на две группы по другому признаку: одни летают вечером на открытых местах, вдали от деревьев, вторые — наоборот. Почти все крупные плоядные виды относятся к первой группе, а почти все мелкие насекомоядные виды — ко второй. Все же, опять-таки с точки зрения коллекционера, между ними есть еще одно, чрезвычайно существенное различие. Первых можно подстрелить, а вторых — почти невозможно, для этого нужно редкое стечение обстоятельств.

Когда солнце начинает уходить за горизонт, рукокрылые начинают покидать свои убежища и кружить в небе. Они взлетают на большую высоту, во-первых, потому, что насекомые все еще продолжают летать в теп-

лых слоях воздуха высоко над землей, а во-вторых, потому, что и плодоядным летучим мышам предстоит не ближний путь до их кормовых угодий. Эта первая партия рукокрылых снижается очень медленно, тем временем темнота сгущается с каждой секундой. Когда они снижаются настолько, что их можно достать выстрелом из ружья, становится совсем темно, и их уже не видно. Даже в самых выгодных условиях попасть в такую мишень почти невозможно.

Летучие мыши второго типа — те, что вообще не вылетают на открытое место, — отличаются еще более удручающими повадками. В этой стране лесов, густых зарослей и буйной зелени сумерки наступают быстро, и густая тень заливает постепенно всю землю, неуклонно наступающая ночь озерцами тьмы постепенно заполняет весь ландшафт. Летучие мыши — все мелкие формы — начинают летать, как только тени становятся достаточно темными, и ограничиваются тем, что мелькают в воздухе от одного залитого тьмой кусочка леса к другому, неизменно придерживаясь в своем полете самых черных, непроглядных участков тени.

Поэтому с самого начала обе группы остаются недостижимыми для любого хитроумного охотника. Это мы поняли довольно быстро. Если бы мы знали, что наши злоключения только начинаются, я думаю, мы тут же прекратили бы всякие попытки добыть этих животных. В своем полном невежестве мы полагали, что все же сумеем их подстрелить, а затем найдем убежища-дневки и соберем их. И в том и в другом случае мы серьезно просчитались.

Кажется, нет человека, который бы представлял себе, что такое полет летучей мыши. Все птицы практически ведут себя в полете примерно как самолеты или в крайнем случае как вертолеты, но описать полет летучей мыши почти невозможно. Чтобы поддерживать

тело в полете, крылья, которые, как всем известно, состоят из перепонки, натянутых между удлинёнными пальцами «рук», движутся не только вверх-вниз, но, что гораздо важнее, взад-вперед. Собственно говоря, крыло действует точь-в-точь как рука, цепляющаяся за воздух в поисках опоры. А так как «рука» имеет множество суставов, согнутых в самых неожиданных направлениях, а животное представляет собой самую совершенную конструкцию для погони за мелкими насекомыми в скоростном полете, его полет превращается в путаницу самых фантастических движений, какие только можно себе вообразить. В полете животное то падает камнем, то рывком бросается вбок, то стрелой летит вперед, то пикирует вниз головой, то «ложится на крыло» и вообще выделяет серию невероятных трюков, которые не поддаются описанию, опровергают все законы динамики и оставляют в дураках самого ловкого охотника.

Те виды, что летают на фоне чистого неба, не так испытывают наше терпение, как те, что остаются под покровом леса, но, если не считать плодоядных крыланов, которые вообще летают более спокойно, всех их можно сравнить с закрученными до отказа живыми пружинами, запущенными в чистое небо.

Если вы примете во внимание следующие факты, вам станут понятны те трудности, которые нам пришлось преодолевать. Тельце летучей мыши в среднем составляет одну пятнадцатую площади, занимаемой животным вместе с раскинутыми крыльями. Некоторые виды летают с такой скоростью, что их невозможно сфотографировать обычной пленочной камерой без «смазки», даже в полете по прямой, который бывает весьма редко. Полет летучей мыши не имеет направления — он всецело зависит от пространственно-временных соотношений с полетом ближайшего насекомого! И наконец,

животное всегда или находится почти за пределом выстрела, или мелькает на мгновение в глубокой тени под густейшей листвой. Остается добавить, что летучая мышь еще и складывает крылья в самом быстром разгоне, тем самым увеличивая молниеносность своего броска на лакомую добычу.

Попробуйте представить себя на неровной земле среди упавших деревьев, термитников и переплетений наземных лиан, вообразите, что ваш взгляд устремлен в неотвратимо темнеющее небо (уже целых двадцать минут, отчего ужасно затекла шея). Внезапно нечто мельчайшее выныривает из непроглядной тьмы, и вам кажется, что оно в пределах выстрела вашего ружья, которое к тому времени весит уже словно полтонны. Вы пятитесь назад, чтобы взять на прицел точку в небе. Вот она справа, нет, уже над головой, нет, впереди, то есть позади... Наконец, вы более или менее поймали ее на мушку, как вдруг что-то происходит, и она мгновенно уменьшается до одной пятнадцатой прежнего размера. Вы спускаете курок — а может, и нет, — только чтобы проводить глазами чертову тварь, стрельнувшую в непредсказуемом направлении так шустро, что глаз едва успевает заметить, куда она исчезла. Эта встреча сильно подпортит вам настроение, и вы удалитесь в ближний лес, чтобы занять позицию на тихой узкой прогалине.

Бесконечное мелькание бесчисленных темных стрелок, словно выпущенных из лука с одной стороны просеки на другую. Вы поднимаете ружье, решившись стрелять в первую попавшуюся цель. Вначале их мельтешение сбивает вас с толку. Уже почти стемнело, и вы решаете спустить курок, как только поймаете какую-нибудь из них на мушку. Поток внезапно прерывается — ни одной летящей стрелки. Но вскоре начинается лёт в обратном направлении, причем передовые летуны

проскальзывают у вас то между ног, то под самым носом, над стволом ружья. Это доводит вас до белого каления, вы внезапно резко поворачиваетесь, и тут сама земля взрывается клубами уже невидимых порхающих тел. Вы палите наугад, но ни один зверек не падает.

Стало совершенно темно; вы зажигаете электрический фонарь, укрепляете его на лбу и стоите с ружьем навскидку, глядя вдоль луча, прожектором перерезающего прогалину. Летучие мыши, как ракеты, взмывают отовсюду. Откуда ни возьмись нечто трепещущее в неровных взмахах крыльев появляется прямо в луче света и летит на вас. Вне себя от радости, вы благословляете судьбу за этот подарок и пытаетесь прицелиться, но животное оказывается то там, то тут, продолжая лететь вам прямо в лоб. Вы стреляете. Ба-бах! Из облака дыма возникает летучая мышь. Одним броском она огибает ствол вашего ружья и скрывается, едва не задев ваше левое плечо.

Теперь я задам вопрос: что можно сделать с осязаемыми призраками?

Наш базовый лагерь в Мамфе располагался в строении, которое называют гостиницей. Эти прибежища строятся за казенный счет на всех станциях и в большинстве самых крупных деревень на основных лесных тропах. Их размеры, конструкция и состояние сильно варьируют. Самые примитивные из них не лучше, если не хуже, беднейших местных лачуг, лучшие — в больших городах, где часто бывает множество белых чиновников или торговцев, — похожи на настоящие дворцы с верандами, садами, холодильниками и электрическим светом. Деревенские гостиницы — не что иное, как глиняные мазанки на плетеном каркасе, построенные по местным традициям. Худшие гостиницы на станциях представляют собой такие же, только немного более

просторные мазанки, но лучшие из них — настоящие каменные дома с крышами из гофрированного железа.

В Мамфе именно такой дом для приезжих. В нем было всего две комнаты, с парой дверей и окон в каждой, но дом стоял на высоком бетонном фундаменте, образующем веранду вокруг всего дома. Сооружение венчалось конической крышей из оцинкованной жести. Снизу крыша над верандой была обшита шпунтованными досками, доставка которых из Европы обошлась баснословно дорого, потолок в комнатах — из тех же досок, только горизонтально расположенных; таким образом, небольшой «недосягаемый» чердачок над нашими головами оставался хранилищем пыли,дохлых крыс и раскаленного воздуха.

Мы спали и купались в одной комнате, работали в другой, а ели на веранде с подветренной стороны. Простой и прекрасный домашний распорядок, достойный внимания самой избранной публики.

Несколько дней спустя после нашего приезда в Мамфе мы с Джорджем преспокойно наслаждались ужином из риса с курятиной и земляными орехами, глядя в ночную тьму сквозь каскад миниатюрных водопадов, падавших с края гофрированной крыши. Мало сказать, что лил дождь — это был потоп, какой можно увидеть только в тропиках. Для точности добавлю, что шел уже семьдесят третий час, как стихия изливала свои долго сдерживаемые страсти в столь недвусмысленной форме. Но мы были так довольны тем, что добрались до места и успели распаковать свое имущество, ничего не потеряв, что никакой ливень не мог подточить наше благодущие.

Наконец весь рис был отправлен в предназначенное ему место, и мы, блаженно отдуваясь, откинулись в своих креслах. Тут мы и заметили бесшумно кружащихся под потолком летучих мышей. Там, в углу, об-

разованном дощатым исподом конической крыши и наружными стенами дома, всегда собирались рои насекомых, привлеченных ярким светом лампы. Летучие мыши кружили вокруг дома с такой постоянной скоростью, что можно было безошибочно рассчитать, в какой момент они вновь вынырнут из-за угла. Их было с полдюжины. Мы, постанывая, приняли прямой вызов, не зирая на поглощенный рис с земляными орехами.

Сачки для бабочек были прикреплены к легким длинным шестам и подняты на уровень потолка. Летучие мыши продолжали равномерно кружить вокруг дома. Мы подстерегали их на полпути между углами, возле стены, повернув сачок в ту сторону, откуда они появились. Когда они мелькали над нашими головами, мы старались закинуть сеть — в психологически оправданный момент. Немного попрактиковавшись, чтобы приноровиться к их скорости, мы промахивались не так уж позорно.

Но теперь стало ясно, что летучие мыши могут проскользнуть между краем сачка (он был круглой формы) и углом под крышей. Тогда мы опустили сачки и придали их рамкам форму, совпадающую с углом. Уверенные в удаче, мы вновь подняли свои сачки.

Теперь летучие мыши летели прямо в сеть, даже влетали в устье сачка, но тут же шарахались обратно; ловко нырнув раза два, как самолет в воздушной яме, они протискивались под нижний край сачка и продолжали облет дома. Мы поняли, что, чем бы мы ни преградили их путь, они всегда относительно легко сумеют вывернуться. Отчаявшись, я уселся за обеденный стол и выпалил дуплетом в дальний угол под крышей, как только увидел там летучую мышь, — к превеликому удивлению нашего кухонного персонала и немалому ущербу для казенной крыши. Не знаю, стоит ли созна-

ваться, что в рукокрылое я не попал, но пробил восьмидюймовую дыру в дощатой обшивке.

Однако две летучие мыши оказались достаточно близко к «зоне поражения» и были слегка сбиты с курса. Пока они, оглушенные, порхали вокруг нас, мы сгребли их сачками. Первая пара добытых нашими руками летучих мышей была торжественно спущена на землю, где они не замедлили вцепиться острыми, как иголки, зубками в пальцы и мне и Джорджу.

Но мы все же были гостями правительства и не могли позволить себе пробивать крышу гостиницы дырами чуть ли не в квадратный фут, пока не снесем ее окончательно. Было совершенно необходимо изобрести какой-нибудь иной способ ловли наших ночных посетителей. Это привело к поразительно интересным открытиям.

Я слышал, что у летучих мышей имеется какой-то удивительный механизм, при помощи которого они находят дорогу в воздухе, особенно там, где путь преграждают препятствия. Глазки у всех микрохироптера крохотные, а некоторые из них и вовсе слепы — их редуцированные глазки, не больше булавочной головки, скрыты под кожей. У тех, которых мы поймали первыми (*Hipposideros caffer* — южноамериканский листонос и *Nycteris arge* — щелеморд Бейтса), крохотные черные бусинки глаз скрывались в густой шерсти. Летучих мышей ученые пробовали выпускать в тесной комнате, через которую было протянуто под самыми разнообразными углами до четырехсот фортепианных струн. Эти существа безостановочно летали по комнате, не задевая струн даже кончиком крыла, и при свете и в полной темноте, даже когда их глазки заклеивали пластырем. Каким образом им это удается?

Взгляните на мордочку пойманной летучей мыши. Не исключено, что она заставит вас вздрогнуть, но,

поверьте, стоит взглянуться в нее повнимательнее. Мордочки у этих существ бесконечно разнообразны, может быть, в большей мере, чем у других животных. Об очень немногих летучих мышах можно сказать, что они имеют облик животного, большинство же превосходит самые дикие ночные кошмары. Рыльце — целый лабиринт листоподобных выростов, громоздящихся друг на друга, а голая кожа мордочки испещрена морщинами, складочками, чувствительными бугорками. У одной из пойманных нами летучих мышей нос представлял собой мясистое подобие распятия, окруженного дюжиной сложно рассеченных листообразных лопастей, расходившихся по всей мордочке.

Не менее замечательно, чем бесконечное разнообразие носов, и поразительное строение ушей. Прежде всего уши часто непропорционально велики по отношению к размерам животного; у одного из них, я помню, уши были значительно больше своего хозяина. Внутри основного уха может оказаться пинна, или ложное ухо, причем самой вычурной формы. Иногда это точная копия большого уха, повторенная неоднократно, так что вам видна целая серия все более уменьшающихся ушек, одно внутри другого. А глаза, как я уже говорил, совершенно ничтожных размеров.

Те чудачки, которые интересуются летучими мышами, уже много лет подряд спорят о том, не помогают ли эти диковинные структуры животным ориентироваться в лабиринте фортепианных струн и среди естественных препятствий в свободном полете. Кажется, они пришли к выводу, что центрами сверхчувствительного осязания являются не только листовидные выросты и громадные уши, но и перепонки крыльев. Это шестое чувство должно быть как-то связано с развитым и изощренным осязанием, потому что животное чувствует объект прежде, чем соприкоснется с ним. Это не так

уж невероятно, как кажется, если не брать за эталон наши собственные чувства, довольно-таки слабо развитые, чтобы не сказать больше. Возможно, осязание летучих мышей воспринимает мельчайшие колебания сопротивления воздуха или электромагнитные волны, испускаемые предметами¹.

В дни, последовавшие за нашей первой удачной охотой, мы с Джорджем не раз часами обсуждали многие интересные факты и своими глазами убедились в необычайной эффективности этих загадочных приспособлений. Когда я по ночам лежал без сна, желание постичь эту тайну вырастало до колоссальных размеров. Но настала ночь, когда, едва погас свет, я вскочил, словно ужаленный, и начал действовать, увидев воочию материальное отражение своих бесконечных умопостроений.

Из-под своей противомоскитной сетки я увидел призрачный силуэт, промелькнувший в прямоугольном пятне лунного света, падавшего через окно напротив моей кровати. В комнате явно завелась летучая мышь. Военный совет мы держали поспешно, не зажигая света. Затем нашарили и зажгли электрический фонарь. Оказалось, что по комнате кружит не одна, а с полдюжины летучих мышей. Как только зажегся свет, они выскользнули в открытое окно. Это натолкнуло нас на одну мысль.

Вблизи окна была водружена ярко горящая керосиновая лампа. К обеим дверям мы привязали по длинной бечевке. Весь наш персонал набился в комнату, после чего окно было закрыто и лампа потушена. Мы терпеливо сидели в темноте, и, разумеется, летучие мыши

¹ По современным данным, летучие мыши пользуются принципом эхолокации, испуская неслышимый человеку ультразвук и улавливая отраженную волну при помощи описанных автором ушных раковин сложной структуры. (*Примеч. пер.*)

почти сразу же начали влетать в комнату, очевидно, в поисках насекомых, привлеченных ярким светом. Мы потянули за бечевки — обе двери с шумом захлопнулись. Теперь все оказались в замкнутом пространстве — и мы и летучие мыши. Лампа была зажжена, и наши злключения начались.

Комната была примерно двадцать квадратных футов площадью и высотой четырнадцать футов. Нас, вооруженных сачками людей, было пятеро, а летучих мышей — четыре. Через двадцать минут была поймана только одна из них, хотя все они кружились по комнате в хвост друг другу, описывая широкую восьмерку и не уклоняясь от избранного курса, только ускользя от наших сачков. Свой трюк они проделывали с неизменностью, от которой можно было взбеситься; мы ощущали полное бессилие. Я не раз слышал рассказы о блестящей ловле летучих мышей с помощью простых сачков над прудами или возле домов. Но одно из двух: или рассказчики беззастенчиво лгали, или они имели дело с какими-то иными летучими мышами в других странах, потому что самая заурядная западноафриканская летучая мышка — настоящий мастер высшего пилотажа, воздушный ас.

Плененные нами четыре летучие мыши дали нам драгоценную возможность наблюдать, как ловко они ухитряются на лету увернуться почти от любого предмета. Когда мы наконец переловили их всех — только потому, что они устали и повисли на стене головой вниз, — мы попытались повторить эксперимент, заклеив им глаза небольшими кусочками пластыря. Это совершенно не изменило их способности к ориентации, но когда мы подвернули одно ушко вниз и прикрепили его пластырем к мордочке, они стали вести себя самым потешным образом, и от всей их уверенности не осталось и следа. При «выключенном» правом

уже они начинали крутиться против часовой стрелки, то есть влево, со всевозрастающей скоростью, так что в конце концов входили в крутой штопор и медленно опускались на землю, как вертолет с крутящимся винтом. Запечатывая левое ухо, мы добивались прямо противоположного эффекта. Более того, когда уши освобождали, прежний эффект некоторое время еще сохранялся.

Другие эксперименты с носовыми выростами и лопастями в ушах дали нам очень странные результаты, но все они решительно подтверждали, что эти органы — основа механизма, обеспечивающего равновесие и ориентировку в пространстве, который действует совершенно произвольно. Если запечатано правое ухо, можно предположить, что постоянное давление на него преобразуется нервной системой животного как сигнал, оповещающий о препятствии, которое находится «справа по носу». Поэтому животное постоянно сворачивает влево, как и делали это наши пленницы.

Один вечер задержался в моей памяти потому, что я вдруг осознал — кругом сухо, а не мокро. Мы были в Африке уже больше двух месяцев, и все это время дождь лил ежедневно, иногда целый день напролет. Неделями подряд солнце не показывалось из-за туч, и набитые тушки¹ животных оставались такими же влажными и эластичными, как в тот день, когда их изготовили. За это время наше терпение вконец истощилось. Мы терпеливо ждали конца дождей, чтобы углубиться в неизведанные глубины леса и переселиться в

¹ Имеются в виду снятые и первично обработанные шкурки зверьков, набитые ватой или другим мягким материалом. Впоследствии из такой шкурки можно изготовить чучело для музея. Вместе с черепом тушка позволяет определить животное. (*Примеч. пер.*)

палатки. До сих пор нам приходилось довольствоваться наблюдением за самыми известными животными, и только за теми из них, кто сумел выжить или даже прижился на полуобработанной земле и во вторичных лесах возле человеческих поселений.

Сидя за рабочим столом на веранде, выходящей на площадь станции Мамфе, я видел перед собой ничем не заслоненное широкое пространство неба на западе. Солнце клонилось к закату, полыхая, как жерло печи, за ложным горизонтом из тяжелых черных туч, которые громоздились недвижными колоннами и башнями, словно чудовищный мираж величавого силуэта Нью-Йорка. Небо надо мной было хрустально-прозрачное и бездонное. Там, куда уходил дневной свет, оно было бледно-голубое между двумя широкими горизонтальными полосами неяркого нежного золота. Выше к зениту голубизна переходила в сияющий лиловый, сиреневый, фиалковый тона, а снижаясь к востоку, тонула в таинственном индиго наступающей тропической ночи.

Работать в такой обстановке было бы святотатством, да и просто невозможно. Почувывшие это африканцы растворились в сумерках — без разрешения и без шума. Я последовал их примеру и побрел по шелковистой высокой траве, глядя в бездонное небо с тоской, которая охватывает всех смертных под сенью вечернего неба, когда оно дышит вечным и нерушимым покоем. Я наткнулся на Бена, забравшегося на верхушку термитника и созерцающего закат; на его шоколадной коже играли отблески пламенеющего великолепия. Он молча сидел и смотрел, и я почувствовал себя счастливым.

Передо мной один из тех, кого брюзгливые европейцы сделали притчей во языцех, — африканец, слуга «белого человека», который вдобавок прошел через все гнусности и удушающую атмосферу миссионерской шко-

лы. И вот он тихо сидит, поглощенный зрелищем, которое в конце концов для него так же привычно, как для нас пляшущие огни рекламы.

— Да, это очень хорошо,— вот все, что он сказал.

Затем он неожиданно и таинственно заговорил на своем языке, описывая красоту того, что мы видели, как я узнал позже.

Под куполом неба мы сидели вдвоем в полном молчании, наблюдая и запоминая непрерывно меняющуюся игру красок. Воздух хранил безмолвие, только где-то вдалеке барабан отбивал ритм, точно совпадающий с биением наших сердец, да временами одинокая трель доносилась с ближнего болота, где было полно лягушек.

Нет, кажется, это еще не все... Иногда я скорее чувствовал, чем слышал непомерно тоненький звук. Понемногу необычные звуки стали чуть слышнее, и я понял, что они доносятся с неба. Я глядел вверх и ничего не видел. Чаще всего оттуда неслись еле слышные, но внятные пискливые «ти-ти-тррр». Тут Бен неожиданно взглянул вверх и показал мне на черную точку, порхающую и ныряющую в небе. Летучие мыши!

Ночь вступала в свои права, и воздух звенел — «ти-ти-тррр». Хлопотливые маленькие существа плавными кругами спускались ближе к земле. Первые экзотические летучих мышей нам удалось добыть только через несколько дней.

Это были крупные, сильные летучие мыши с относительно небольшими крыльями, простыми рыльцами, похожими на свиные пяточки, и голыми телами. Кожа блестела от маслянистого секрета с неприятным запахом, а мясо, плотное, на удивление тяжелое, и после смерти источало эту жидкость целыми часами. Поразительнее всего были карманы, или сумки, расположенные

под подбородком и открывавшиеся спереди. На коже в глубине сумки (то есть на коже горла) мы нашли сосок, соединенный с железой, и в нескольких случаях обнаружили уцепившуюся за сосок странную бескрылую паразитическую муху.

Мешкокрылы (*Saccolaimus pell*) принадлежали как раз к той раздражавшей нас группе, представители которой летали на открытых местах. Это были первые летучие мыши, увиденные нами.

Прошло уже несколько недель, как мы интенсивно «облавливали» местность вокруг лагеря, и стало ясно, что мы выловили или распугали большинство обитавших там животных. Линии ловушек были переставлены в другое место: при этом способе отлова животных применяют метод, который называется «замкнутый круг». Это значит, что вы очерчиваете круг и постепенно двигаете ловушки ближе к центру, то есть к лагерю, так что животным приходится или выбираться сквозь заслон из ловушек, или быть в конечном счете загнанными прямо в лагерь. Когда ловушки подходят к границам лагеря, появляются последние ряды отступающих зверушек. После того как их изловят — если им только не удалось убежать, — весь участок считается «отработанным».

Чтобы выбрать новый участок, я в одиночку вышел на поиски, собираясь осмотреть за день как можно большую площадь и спокойно оценить перспективы в меру своих знаний и способностей. Эти дни в полном одиночестве оказались необычайно плодотворными, и вовсе не потому, что мне хотелось под любым предлогом избавиться от общества. Просто, когда тебя никто не отвлекает разговорами и ты идешь куда глаза глядят,

можно, оказывается, сделать поразительное множество открытий.

В тот раз я отправился к обширному травяному «озеру», которое, как мне доложили, находится к юго-востоку от лагеря. Я решил начать с этого места, потому что мне совсем не хотелось заблудиться в лесу.

Углубившись в густой лес позади травянистой пустоши, я с удивлением увидел, что иду вниз по довольно крутому склону. Пройдя немного вперед, я заметил отблески солнца на воде, далеко внизу. Благодаря своеобразию местных геологических условий река Манью, которая была нам хорошо знакома, где-то повернула вспять, пробила извилистый путь сквозь лесные дебри и текла иногда как бы в противоположном направлении. Это мы узнали позже, пройдя до конца вниз по течению. Я тут же решил, что здесь и раскинутся наши новые счастливые охотничьи угодья и сюда будет перенесен наш лагерь.

Это ущелье когда-нибудь вызовет серьезный интерес геологов, так как представляет собой точную природную модель Великого африканского грабена в Восточной Африке. Из-за оползня или резкого сдвига подстилающих пород поверхность земли здесь просто просела вдоль центральной линии, по которой теперь течет река. Коренная скальная порода растрескалась вдоль и поперек на гигантские кубы, которые смещены провалом, так что их можно сравнить с кусками сахара в большой чашке. Между ними и под ними образовалось почти неисчислимое количество узких трещин и проходов, которые углубляются в стены ущелья, идут вдоль них и снова выходят наружу.

Вся эта местность покрыта густым лесом. Когда я принялся исследовать ровное песчаное дно проходов, напоминающих узкие улочки среди высоких кубических скал, свет начал понемногу меркнуть. Поверхность скал

практически нигде не обнажалась; повсюду, куда проникал хоть лучик света, скала была одета шелковистым, мягким, ярко-зеленым мхом. Я очутился словно в погребенном городе — безмолвном, таинственном, немного жутком.

Я круто завернул за угол и вышел к широкому гроту, над которым нависала высокая скала. В сумрачной полутьме под этим природным порталом я увидел бесконечный поток летучих мышей, снующих туда и обратно — от устья пещеры к громадной горизонтальной расщелине в ее глубине. Свод портала был сплошь покрыт плотной массой спящих рукокрылых; они висели тесными рядами вниз головой. Земля более чем на фут была выстлана их экскрементами, которые выветрились под воздействием стихий и представляли собой массу слежавшихся останков бесчисленных миллионов насекомых. В этом слое гуано летучих мышей я нашел много своеобразных насекомых и маленькую ярко-красную многоножку, какие никогда не попадались в других местах.

К счастью, в сумке оказался электрический фонарь; с его помощью я углубился в пещеру. Вход был довольно узким, и я едва в него протиснулся, но дальше путь расширялся, а потолок уходил далеко вверх. На стенах по обе стороны, куда только достигал луч фонаря, висели и ползали летучие мыши. Воздух буквально кишел ими. А пол здесь был покрыт слоем гуано такой мощности, что я не мог докопаться до дна даже с помощью «друга траппера»!

Я был так поражен, околдован этим местом и его обитателями, что начисто позабыл о времени и пробирался вперед, в глубину, следуя за непрекращающимся потоком летучих мышей, которые неслись, огибая углы, как поток мчащихся наперегонки машин в большом городе в часы пик.

За следующим поворотом передо мной выросла сплошная стена. Все летучие мыши устремлялись вверх и скрывались за небольшой скалой. Я не без труда вскарабкался наверх и оказался на ребре одного из громадных обломков скалы. Над ним громоздился другой обломок, опиравшийся на третий где-то далеко справа. Между ними оставался ход, похожий на галерею. Далеко впереди, в конце хода, я разглядел большую пещеру. В нее я и проник в конце концов с ружьем и всем прочим снаряжением, пережив несколько пренеприятных минут, пока протискивался ползком через узкий проход: меня все время преследовала мысль, что потолок того и гляди осядет и придавит меня, но не насмерть, и тогда мне придется долго погибать в дыре, где никто и ни при каких обстоятельствах не сможет меня отыскать.

Пещера, в которой я оказался, была гораздо больше предыдущих. Она была размером примерно с один из гигантских обломков и почти точной кубической формы. Воздух был сух, как в пустыне во время самума; может быть, от этого или от едкого зловония летучих мышей губы у меня поразительно быстро высохли и потрескались, а глаза непрерывно слезились. На потолке не было ни одной спящей летучей мыши, но на стенах, как мне показалось, они висели в громадном количестве. Некоторые были совсем близко. Положив на землю ружье и коллекторскую сумку, я стал подбираться поближе, вооруженный только фонариком и сачком, намереваясь изловить несколько штук.

Но когда я подошел к стене, существа, которых я принял за летучих мышей, исчезли словно по волшебству. Сию секунду они были передо мной — и вот их не стало. Когда я подошел достаточно близко, чтобы разглядеть, что же это такое, там было пусто. Какая-то чертовщина!

Я решил, что их спугнул свет — если это не бесплотные тени,— и, выключив фонарик, подкрался к другой стене. Когда мне показалось, что до нее уже недалеко, я внезапно снова включил фонарь. Леденящее душу зрелище предстало моим глазам. Стена была сплошь покрыта гигантскими жгутоногими пауками: припав на брюхо, они сверлили меня неподвижными глазами. Они замерли всего на несколько секунд, а потом в мгновение ока метнулись кто куда и с отвратительным шуршанием скрылись в тонких, как паутина, трещинах.

Как я уже говорил раньше, их вид и поведение вызывают неодолимое отвращение, но необычные размеры и окраска заставили меня — только ради науки! — охотиться на них с примитивным хитроумием пещерного человека, промысляющего пропитание. В конце концов я поймал несколько тварей, хотя больше упустил, пережив сильное нервное потрясение, когда один из них, убегая из сачка, прополз прямо по моей голой руке.

После этого я решил, что наука получила достаточно материала, созерцанием которого она может наслаждаться, а мне пора обратить внимание на других беспозвоночных, которые могут оказаться на земле. Летучие мыши влетали тем же путем, каким проник сюда и я. Пролетев галерею по диагонали, они скрывались в одном из трех вертикальных колодцев, хотя большая часть их толклась у крайнего слева, который был пошире других. По полу, повторяя линию их полета, поднималась грядка, образованная их пометом,— доказательство, что они испражняются на лету. Пол кругом был покрыт серебристым песком и идеально чист. Только в одном уголке пещеры, в стороне от трассы летучих мышей, скопилась кучка мелкого, похожего на шарики, помета.

Рассматривая его, я сразу заметил, что в нем нет мелких остатков насекомых, как в помете других летучих мышей. Он скорее напоминал помет кролика, хотя кое-где торчало несколько мелких косточек. Это заставило меня осмотреть потолок в поисках животного, ронявшего этот помет. Но я ничего не смог разглядеть, кроме небольшой трещины под потолком. Тогда, прихватив ружье, я кое-как взгромоздился наверх, опираясь на сходящиеся под острым углом стены, и наконец заглянул в трещину через край карниза.

Стоило мне включить фонарик, как я похолодел с головы до ног. Мне казалось, что вся моя кожа съезжается, вот-вот лопнет и спадет с меня словно кожа. Оставалось одно из двух: или заглянуть в трещину снова, или навзничь валиться вниз. Выбора не было. Собрав все свое мужество, я снова зажег фонарь и заглянул туда вторично. Это было ужасно.

Из темной норы, не дальше полуметра от моего лица, на меня смотрели четыре больших, желтых с прозеленью, немигающих глаза. Их величина невольно натолкнула меня на мысль о мертвом человеке, но это впечатление быстро рассеялось, потому что передо мной было не лицо, а морда животного. Эту физиономию описать невозможно. Для полноты впечатления представьте себе длинные влажные пальцы, цеплявшиеся за край норы и окутанные бесконечными складками морщинистой голой перепонки. Я наудачу затолкал в щель сачок и попытался зацепить это существо, но поскользнулся и шлепнулся на дно пещеры.

К счастью, ружье упало на мягкий песок, а я не выпустил из рук сачок с бьющимся в нем громадным молотоголовым крыланом (*Hypsignathus monstrosus*). Мою левую ногу острыми иголками пронзала боль, а кисти рук совершенно онемели. Затем последовали

ужасные минуты, когда я старался прикончить добычу прямо в сачке, одновременно растирая ногу и руки и производя при этом массу лишнего шума. Наконец, крепко зажав животное в руке, я усыпил его в «морилке» с хлороформом, после чего занялся сбором разлетевшегося во все стороны снаряжения. Когда я поднимал ружье, мои руки все еще плохо слушались, но мне не терпелось убедиться в том, что стволы не забиты песком, и я глупейшим образом попытался переломить ружье и заглянуть в ствол с казенной части. Я так и не понял, что произошло, только оба ствола грянули почти одновременно, а ружье едва не вырвалось у меня из рук.

В ту же минуту погас фонарик.

Некоторое время гремело гулкое эхо, а потом мне показалось, что весь подземный мир, оползая с легким шорохом, переходящим в сокрушительный грохот, рушится мне на голову. Со всех сторон вокруг меня что-то валилось; воздух наполнился удушающей пылью; пока я шарил в поисках фонаря, тысячи летучих мышей с визгом и свистом кружились вокруг моего лица.

Фонарик не загорался: по какой-то неизвестной причине в проклятой штуке разошлись контакты. Мне пришлось вынимать батарейки в полнейшей тьме. Я отогнул металлические полосочки по краям, и свет на минуту вспыхнул, пока я придерживал рукой навинчивающийся колпачок сзади корпуса. Но я был настолько выведен из равновесия, что никак — даже ради сохранения жизни — не мог завинтить колпачок: не попадал в нарезку. Пришлось в конце концов зажечь спичку, но я не успел ничего разглядеть, как огонек стал зеленовато-голубым и тут же погас. Остальные зажженные спички постигла та же судьба.

Едва я сделал открытие, что спички горят тем лучше, чем выше над полом их зажигаешь, как справа от меня со страшным шумом рухнул целый земляной обвал, который засыпал мои ноги и большую часть снаряжения, лежащего на полу. Я стал энергично выбираться и спасать свое имущество, но стоило мне наклониться, как спичка сразу гасла. Вблизи от пола явно был какой-то газ или не хватало кислорода, из-за этого огонек и гас. Пришлось направить все усилия на починку фонарика. Спустя некоторое время он наконец загорелся.

Но пользы от него было не больше, чем от фар машины в густом тумане — воздух был наполнен клубящейся пылью, из которой время от времени вылетала сильно перепуганная летучая мышь. Я на ощупь пробирался вперед, обвешанный снаряжением: ружьем, коллекторской сумкой, сачком и фонариком, пытаясь отыскать ту стенку, где была расщелина, через которую я вошел, но вскоре совсем потерял ориентировку. Потом я запнулся о грядку помета летучих мышей. По ней я и пошел, пока она не привела к высокой осыпи сухой земли, которая все еще понемногу сыпалась сверху. Продолжая двигаться ощупью, я нашел наконец расщелину; пыль была так густа, что видно было только на несколько футов в глубину хода. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы встревожить меня.

Вся расщелина была забита землей и осколками камня. Понемногу до меня дошло, что сотрясение от выстрелов вызвало обвал всех непрочно державшихся камней, а может быть, и сдвинуло «крышу» пещеры.

Постепенно пыль стала оседать, гул в недрах пещеры прекратился, с потолка больше ничего не сыпалось. Я пробрался обратно к дальней стене пещеры и обследовал

поочередно три хода. Самый широкий, на который я возлагал все свои надежды, резко суживался и круто обрывался вниз, в трещину, очень малопривлекательную на вид. Во второй я не смог даже просунуть голову, а третий, хотя и очень узкий, казался бесконечно длинным. Однако и здесь пол круто уходил вниз, и вскоре я понял, что несколькими футами ниже скопился очень вредный воздух — спички в нем едва загорались. Поэтому мне пришлось вернуться обратно в центральную пещеру, хотя я был твердо уверен, что других выходов из нее нет. Но пыль к тому времени совсем улеглась, и я решил еще раз сделать круговой обход, на всякий случай.

Оказалось, что в одном углу есть вертикальный ход, вселивший в меня надежду, но, как я ни пытался, моя левая нога упорно не желала помогать мне карабкаться вверх! И это было тем более досадно, что клочок зажженной бумаги немедленно подхватило и безвозвратно унесло куда-то вверх, что означало лишь одно — колодец связан с внешним миром. Затем я подносил горящие листки из записной книжки ко всем трем ходам по очереди. В одном листок сразу же потух, в другом едва теплился, зато в третьем уплыл вдаль, весело полыхая. Естественно, этот результат можно было предвидеть заранее!

Затем меня вдруг осенила мысль, что ход может быть засыпан только частично, и я, пробираясь вдоль карниза, образованного горизонтальной нижней частью коридора, стал совать горящие клочки бумаги в каждое отверстие, не засыпанное до конца. Я прошел примерно две трети расстояния направо, когда бумажка вырвалась из пальцев и порхнула прямо мне в лицо. Я ощутил легкий сквознячок. Дыра находилась очень низко и вела вправо и вниз, а та часть гигантской расселины, по которой я сюда пробрался, определенно поднималась

вверх по отношению к кубической пещере. Оттуда поступал свежий воздух, и, если расщелина не окажется слишком узкой, я, очевидно, получу последний шанс выбраться отсюда. Я запихнул все имущество, в том числе ружейное ложе, в свою сумку, стволы обернул муслиновым мешочком сачка, чтобы не поцарапать, поглубже надвинул на голову фетровую шляпу — из тех же соображений, сжал покрепче фонарик в правой руке и, положившись на волю Аллаха, углубился в неведомый ход.

Двигался я медленно, а в одном месте с громадным трудом и болью — потолок, образованный нижней гранью гигантского косо стоящего куба, все снижался и снижался, пока не осталась узкая щель, через которую я должен был протиснуться во что бы то ни стало. Мне нужно было сделать последнее усилие — протянув руку, нащупать угол куба, образующего потолок. Угол был острый, как у маленькой пачки сигарет, хотя каменная громада надо мной весила, должно быть, тысячи тонн. Я должен был пролезть в эту щель, и моя отчаянная борьба была нисколько не легче оттого, что левая нога отказывалась мне повиноваться, а набитую сумку нужно было протащить вперед над головой, чтобы вытолкнуть наружу.

И завидовал же я этим мерзким жгутоногим паукам!

Выбравшись, я очутился в длинном и широком коридоре, выстланном чистейшим ковром серебристого песка. К тому времени я абсолютно потерял чувство направления, пошел наугад влево и очень скоро оказался в лабиринте громадных глыб. Карабкаться через них вверх мне было не под силу, и я решил нырнуть в завал и попробовать выйти на другую сторону. Передо мной открылся лаз, откуда несло сильным и смутно знакомым запахом. Но не успел я поразмыслить, чем бы это могло пахнуть, как из темной глубины донеслось

хриплое рычание. Я мгновенно сообразил, что забрел в личные апартаменты леопарда, и без малейшего промедления ретировался сквозь каменный завал, будто с рождения привык к подобным трюкам, как какой-нибудь земляной червяк. Оставалось только попробовать выйти в другую сторону: мне как-то не хотелось встретиться с леопардом и еще меньше — стрелять в него из ружья в недрах земли, памятуя, чем кончился последний «торжественный салют».

С другой стороны была совершенно гладкая глухая стена. Я уже начинал приходить в отчаяние, а это как раз то, что не полагается чувствовать в нормальном, хорошо спланированном приключении. Мне захотелось немедленно закурить. Как я благословлял все на свете — в том числе и себя самого — за то, что со мной были сигареты!

Сидя на песке, покуривая, жалея себя и вспоминая множество дел, которые так и не успел сделать, я водил лучом фонарика по стене напротив, как вдруг заметил, что прямо перед моими глазами торчат большие пучки зеленого мха. Но прошло немало времени, пока я перекладывал свое снаряжение, бинтовал больное колено и курил вторую сигарету, и тут в мой оступевший мозг вдруг проникла простая мысль — зеленый мох означает солнечный свет. Когда же это открытие озарило мою глупую голову, я сообразил, что так и не взглянул вверх. Я направил фонарик к потолку и увидел бахрому зеленых ветвей, свисавших в расщелину. Пока я блуждал под землей, наверху настала ночь. Оказалось, что я просто-напросто выбрался на поверхность.

Я примкнул стволы ружья, зарядил его на случай встречи с обитателем каменного лабиринта и двинулся в его владения. Не без усилий я преодолел кучу ка-

менных глыб и оказался у подножия деревьев, растущих на дне ущелья.

Спустя два часа я вернулся в лагерь — весь в ссадинах, хромой и умирающий от жажды.

Пока что я рассказал о нашем знакомстве всего с пятью видами западноафриканских летучих мышей. За время пребывания в Мамфе мы собрали ни много ни мало — двадцать пять видов, хотя большинство было представлено всего одним-двумя экземплярами.

Когда мы «подкуривали» деревья в лесу, первыми появлялись летучие мыши. Они вылетали у верхушки, кружились некоторое время, норовя попасть обратно, затем решали, что становится слишком жарко, и со скоростью ракет уносились в соседний лес. Когда удалось подстрелить некоторых из них, оказалось, что это представители трех видов: два из них были близкими к тем, что мы ловили в гостинице в Мамфе, а третий (*Hipposideros cyclops*) представлял собой нечто совершенно новое.

Это было плотно сбитое животное средней величины, покрытое густым, длинным, довольно пушистым пестрым мехом, серебристо-серым с более темными буровато-серыми пятнами. Глаза, глядящие с уродливой морды — страшнее некуда! — были довольно велики для летучей мыши, носовая лопасть — плоская, почти правильной круглой формы нащепка, а рот — с плотно прилегающими губами и торчащими из-под них острыми зубами. Но самой странной чертой удивительного облика животного были уши, по длине почти равные телу, сужающиеся к острым кончикам и вдобавок гофрированные по всей длине.

Мы держали в неволе нескольких представительниц этого вида: они свалились в сеть полузадохшиеся от

дыма. Днем они висели себе вниз головой, как положено всякой порядочной летучей мыши, вечером оживали и сползали вниз по стенке клетки. Потом начинали разгуливать по клетке, опираясь на пальцы, согнутые назад и торчащие вверх. Собираясь взлететь — с пола или со стенки клетки, — они вытягивали шею вперед и принимались хлопать ушами будто запасной парой крыльев. Затем в ритм движения включались «руки», и животное взлетало.

Эти летучие мыши, проводившие целый день на деревьях, чаще других оказывались в зоне выстрела.

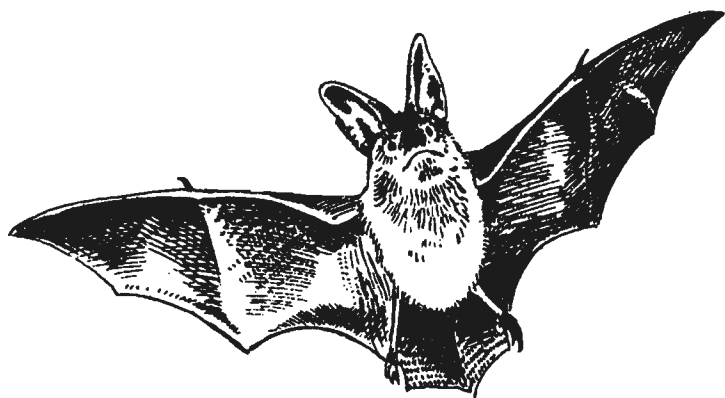
Один из двух видов, добытых нами прямо в гостинице Мамфе (*Hipposideros caffer*), — маленькое серое существо с небольшими, мягко заостренными ушками. Другая разновидность этого вида населяла пещеры в ущелье Манью, а еще одна гнездилась в дуплах деревьев в лесу. Когда мы останавливались в Икоме, ниже по реке, мы превращали дом в импровизированную ловушку для летучих мышей. Там же мы и выловили

новую разновидность. Зверек был необычайно красив, с иссиня-черными перепонками на крыльях и хвостике и ушами. Тело было покрыто длинной шелковистой шерстью насыщенного красновато-оранжевого цвета. Это единственная побывавшая в моих руках летучая мышь, которая издавала протяжный свист, о чем я не нашел ни одного упоминания в специальной литературе.

Еще одна разновидность попалась нам при довольно странных обстоятельствах.

Во всем округе Мамфе, по размерам равном целому острову Ямайка, имеется одна-единственная дорога. Длинной она около двадцати миль и ведет от станции на восток, где прекрасный стальной мост в три пролета, перемахнув через реку, упирается в сплошную стену девственного леса, не нарушенную ничем — нет даже тропки, протоптанной африканцами. Дорога вместе с мостом была построена Управлением общественного строительства и должна была стать первым отрезком магистрали из дальней Баменды к британским портам в Южной Нигерии. Финансовая депрессия, желтая лихорадка, расправившаяся с дюжиной европейцев, множество текущих с севера на юг больших рек, оставшихся незамеченными при проектировании, — вот причины безвременной гибели этого проекта, который начали осуществлять почему-то с середины. Единственная польза от дороги — возможность воспользоваться двумя грузовичками марки «форд» и иногда стареньким «ос-тином», которые были завезены сюда на «барке» в период дождей, и провести с комфортом первый день путешествия к востоку от Мамфе.

Мы заметили, что этот пробитый человеком туннель в лесу оказался великолепным местом для ловли летучих мышей. Едва смеркалось, они начинали кружить высоко в воздухе (как, должно быть, и над остальным лесом, где их невозможно было увидеть) или перелетали

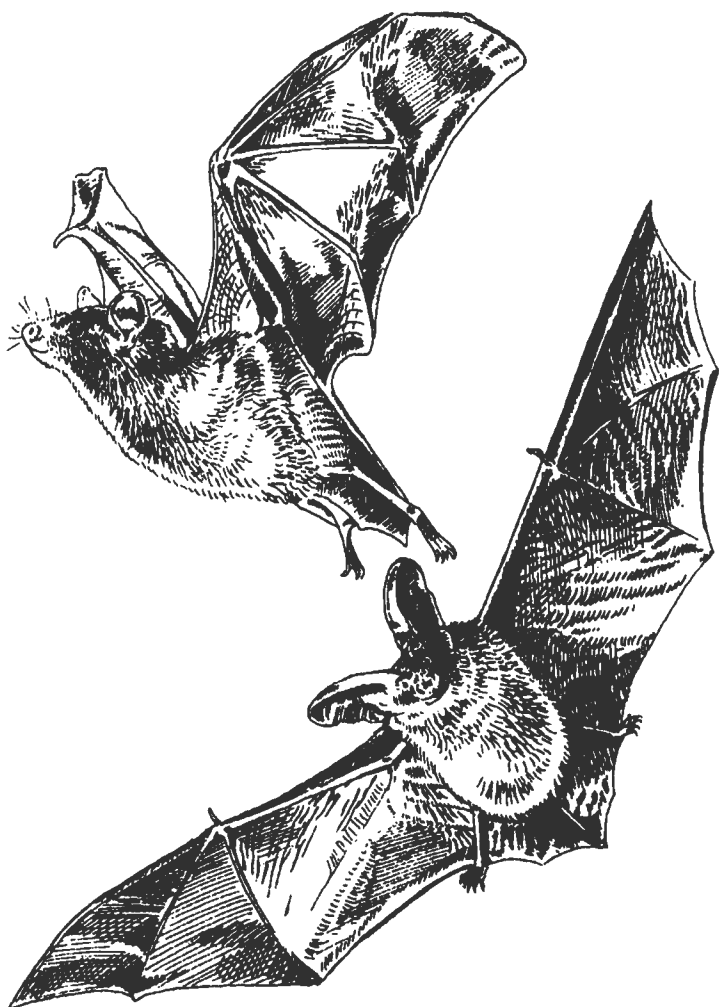

из тени деревьев на одной стороне дороги в такую же тень на другой стороне. Более пристальные наблюдения позволили сделать вывод — летучие мыши здесь проявлялись значительно раньше, чем где бы то ни было. Очевидно, это объяснялось тем, что дорога через равные расстояния пересекалась подземными дренажными канавами. И летучие мыши пользовались «темными переходами», перелетая из тени в тень по обеим сторонам дороги.

На основе этих наблюдений мы разработали план ловли летучих мышей. Так как мы провели некоторое время в лесной глухомани, а вдобавок приближался день рождения одного из нас, мы решили, что небольшое развлечение вполне оправданно и никому не повредит.

В разработке планов большой энтузиазм проявили и остальные двое белых обитателей Мамфе. Было решено устроить бал-маскарад с охотой на летучих мышей.

После чаепития, в пять часов, к порогу дома управителя округа был подан старенький «форд». Участники маскарада уже собрались, одетые в сногшибательные по разнообразию импровизированные костюмы: «чисто

галльский охотник-спортсмен», «доблестное подражание генералу Герингу, снарядившемуся для охоты на кабана в Польше», «янки в тропиках» и «далекий от спорта английский сквайр». Шофер-африканец нарядился в пи-

лотку и рубашку небесно-голубого цвета, так что мы даже не могли сообразить, то ли он участвует в общем маскараде, то ли вырядился в местный «выходной костюм», или его поступок в некотором смысле нарушает субординацию и потому заслуживает нарекания. Единственными нормальными членами экспедиции были пятеро наших препараторов, которые явились в своей обычной форме — в серых рубашках и белых шортах, неся ружья и сачки.

Компания отправилась по дороге мили на три в глубь леса, а затем рассредоточилась, и каждый занял свой номер над какой-нибудь из дренажных канав. Летучие мыши не заставили себя долго ждать. Началась непрерывная пальба, но мелкие зверьки метались так быстро, что просто мелькали перед глазами, пересекая пространство между отверстием канавы и стеной близкого леса. Никто не попал в цель, хотя мистер Горрес, начальник округа, дважды прицелился настолько точно, что сбил летучую мышь с курса. Животные порхали кругами, потеряв направление, и Басси, стоявший у ближнего конца своей канавы, нырнул в нее и изловил добычу сачком. Но во второй раз добыча влетела в дренажную трубу, и Басси полез за ней. Когда он скрылся из виду, с другого конца забил настоящий фонтан из летучих мышей. Я подбежал к мистеру Горресу, и мы попытались подстрелить, кто сколько сможет. Мы весело падали в темное отверстие канавы, как вдруг среди мечущихся крылатых мишеней возникла коричневая, как каленый орех, голова Басси. По счастливой случайности мы в ту минуту перестали стрелять. Оказывается, он прополз всю канаву насквозь.

Это навело нас на новую мысль. Мы спустились в канаву и залегли лицом к противоположному отверстию. Как только достаточное количество летучих мышей влетело в туннель, приблизилось к нам и почуяло

нас, мы выпалили. Нам так и не удалось попасть ни в одну из них, однако, оглушенные грохотом выстрела и воздушной волной, животные, чтобы «перевести дух», прицепились к потолку, и тут их живьем собрали посланные нами африканцы.

В результате у нас оказалось очень много представителей второй разновидности *Hipposideros caffer*. Все они были с буроватым оттенком и гораздо мельче особей из других мест.

Такой метод коллекционирования — просто детская игра по сравнению с хитроумными техническими приемами и величайшим терпением, которые Джордж проявил, чтобы подстрелить зверька другого вида. Речь идет о самых мелких летучих мышах, каких мне только случалось видеть: по размерам тела они, вероятно, заняли бы первое место среди мельчайших млекопитающих (хотя на эту честь претендует еще белка-крошка — *Nannosciurus*). Тушка крошечной летучей мыши в освежеванном виде размером не больше шмеля.

Как я уже упоминал, Джордж применял в лесной чаще свой метод — он скрывался в засаде и подстерегал животных на переходах. Однажды вечером, затаившись, по обыкновению, в засаде, он увидел высоко в небе несколько очень мелких существ, полет которых резко отличался от обычного полета летучих мышей, и Джордж принял их за ласточек. Решив выяснить, что это такое, он с более чем похвальным честолюбием задумал подстрелить парочку — задача, от которой я бы заранее отказался как от совершенно безнадежного дела. Тем не менее он отыскал наконец место, откуда открывался вид поверх крон деревьев. Там он и просидел несколько вечеров в терпеливом ожидании, пока одна зверюшка не подлетела случайно на расстояние выстрела. Таким трудоемким методом он добыл два эк-

земпляра летучей мыши редчайшего вида (*Glauconictoris beatrix*). Они были темного серо-стального цвета, с простыми носами, как у собак.

Мы поймали и представителей вида, оказавшегося очень редким, — подковоносов (*Rhinolophus landeri*) в количестве четырех штук. Когда мы жили среди приветливых племен в северных горах, у нас был заключен своего рода трудовой контракт с охотником по имени Афа, о чем я уже упоминал. Однажды я спросил его о летучих мышах, показав для наглядности набитую тушку.

— А! — ответил он на своем языке. — Я знаю, где такой спит.

Это замечание настолько меня поразило, что я усомнился: не подвело ли меня весьма слабое знание языка? Однако Афа куда-то исчез и вернулся только перед самыми сумерками. Он извлек живую летучую мышь из своего мешочка для пороха и показал нам тот самый вид — с шелковистой серой шерсткой, пучками рыжих щетинок под мышками и распятием, вылепленным из живой плоти, на носу.

Оказалось, что Афа ходил, а точнее, лазал за девять миль, в крохотную пещерку, которую и я потом посетил (он заметил там это животное, висевшее на потолке, несколько дней назад, когда прятался от дождя).

Еще два редких вида, один из которых оказался новым для науки, попались совершенно случайно. По окраске и размерам этих летучих мышей нельзя отличить друг от друга — оба вида голубовато-серые и небольших размеров. Только носовые лопасти и уши указывают на то, что виды различные. Одну из представительниц нового вида (рода *Hipposideros*) начальник округа подстрелил в собственном доме. Другая — ганский подковонос (*Rhinolophus alcyone*) — опустилась к моим ногам, когда я подстрелил белку на дереве возле план-

тации. Шальная дробишка пробила ей голову навывлет. Такой летучей мышью я еще не видел.

Перед тем как вернуться домой, мы посетили Нко — большую деревню вниз по течению Поперечной реки. Нас ожидало неслыханное гостеприимство местных жителей. Они до тех пор видели «белых людей» только поодиночке, в жизни не слышали граммофона и, как я подозреваю, не могли даже вообразить, что на свете существуют охотники на жуков, да еще в сопровождении свиты из сорока без малого человек (к тому времени наш штат препараторов, трапперов, коллекторов и домашней прислуги разросся именно до таких размеров).

Когда мы объявили, что нам нужны все здешние животные и мы за них заплатим, местное население, как один человек, скрылось в ближайших зарослях и вскоре потянулось к нам, неся бесконечное количество животных.

Позднее, к вечеру, в нашу честь были устроены ритуальные танцы. В головных уборах разных идолов джу-джу я заметил высохшие останки неизвестной мне летучей мыши. Я спросил вождя, не сможет ли он достать мне несколько живых животных. Он помрачнел. После долгих и настойчивых усилий мне едва удалось выяснить, что это животное пользуется большим уважением, связанным с джу-джу плодородия. Однако денежный взнос в личную казну вождя, а также наша быстро подмеченная вождем неприязнь к миссионерам, почти равная по силе его собственной, смягчили его, и он послал в лес стайку мальчишек.

Те вернулись довольно скоро, неся пригоршни бьющихся маленьких кожанов (один из видов рода *Eptesicus*), среди которых был даже альбинос. Потом я набрал на «жилу», из которой добывали зверьков. Это оказалось маленькое святилище джу-джу не больше чем в двух сотнях ярдов от хижины, где мы поселились.

Под крышей святилища спало бесчисленное множество летучих мышей, обильно покрывающих алтарь своим гуано, но его аккуратно сметали, оставляя посередине пятно в форме гигантской летучей мыши с распростертыми крыльями.

Плодоядные рукокрылые, или мегахироптера, обычно крупнее плотоядных, и на Востоке многие из них имеют размах крыльев до четырех футов (1,20 м). Мы добыли восемь видов этой группы, но четыре вида оказались довольно мелкими. У них нет носовых лопастей, а уши самые обычные. И тем не менее головы их поразительно разнообразны по виду: у одних она точь-в-точь как у теленка, у других смахивает на мастифа, а у молотоглава голова похожа на лошадиную больше, чем у любого другого животного.

Как-то раз мы раскинули лагерь в горах Ассумбо, на небольшом клинышке покрытой травянистым ковром земли, врезавшемся в полосу горного леса. Это был третий лагерь, из которого мы делали вылазки, знакомясь с жизнью животных этого дикого горного района. Место было пустынное. Отделенное от всего вокруг милями чистого, непо потревоженного воздуха и высоко вознесенное над суетливой жизнью тропических лесов, оно казалось совершенно отрезанным от остального мира. Насколько хватал глаз, повсюду высокие травы колыхались под вздо-хами ветра, мерцающие волны блеска прокатывались по ним снова и снова, как прибой у широкого берега. Наша небольшая стоянка приютилась в долинке, обрамленной странными исклооченными деревьями, забравшимися на небывалую высоту, а сквозь них пробивался, звонко журча, широкий, кристально чистый ручей.

Пробраться сквозь горные леса можно было только двумя способами: или по необычайно узким тропкам, проложенным крупными копытными, или двигаясь вброд по руслам ручьев и речушек. Мы проходили и

теми и другими путями, хотя вечерами, как правило, использовали русло главного ручья.

Это не такой уж легкий путь. Попытаюсь вам объяснить. Прозрачная вода течет по руслу, то узкому и глубокому, то широкому и мелкому, но повсеместно загроможденному и усыпанному валунами всевозможных размеров. Временами русло расширяется, образуя тихую глубокую заводь среди отвесных каменных стен, где ледяная вода кажется маслянистой и темной. Но чаще встречаются бесчисленные стремнины; вода бьет каскадами между глыбами с дом величиной, а дальше простираются широкие, длинные, усыпанные валунами отмели, где ручей почти исчезает, разбегаясь сотнями тысяч крохотных струек. Поэтому спускаться вниз по руслу такой речки — дело нелегкое. И все же приходилось из двух зол выбирать меньшее. По берегам неприступной зеленой стеной поднималась растительность. Даже те, кто знаком с тропическими лесами и мангровыми зарослями крупных дельт, отступят перед настоящим экваториальным горным лесом.

Кажется, что здесь деревья и высота ведут нескончаемую борьбу за власть. Как правило, высота одерживает верх, и деревья уступают место травам, гигантскому кустарнику или еще какой-то поросли. Но иногда деревья побеждают и отыгрываются за потерянные земли. Они разрастаются во всех направлениях — вверх, в стороны, вниз, перепутываясь в сплошную непробиваемую упругую массу. Человек может пробиться через чащу терновника, но никогда не сделает и шагу в этой африканской нерукотворной плетенке. Идти вдоль берега реки было невозможно.

Первые несколько дней после переезда в те места я круглые сутки был занят делами в лагере и вблизи него. Почва была неровная; откуда-то налетали ураганы; дома для персонала возводились неимоверно долго,

потому что не оказалось в достаточном количестве прямых молодых деревьев; охотники шли бесконечной чередой; нога у меня болела. А тем временем нагромождались горы всякой писанины. Герцога, как я уже говорил, мы отослали обратно в лагерь, потому что ноги у него сплошь покрылись гноящимися двухдюймовыми ранами, которые называются «тропическими язвами». Его сопровождали и обслуживали один препаратор и один слуга, не говоря уже о шестерых носильщиках — главной опоре нашей крохотной империи, — которых пришлось послать с ним.

У нас не хватало рабочих рук, работы было невпроворот, еду доставать было негде, а постройка лагеря выматывала нас до отказа. Так что времени бродить по окрестностям у меня не было.

Может быть, потому, что Джордж быстрее меня справился со своей половиной работы, а может быть, потому, что он занимался лягушками и змеями, а времени устраивать вылазки за ними у нас пока не было, так или иначе, но он сумел вырваться на свободу в первые несколько вечеров и прогуляться с ружьем по окрестным местам.

Он вернулся, рассказывая чудеса о том, что видел, а о плодоядных крыланах поведал подробности, сильно смахивавшие на охотничьи небылицы. Как только наш дом был приведен в жилой вид, я поступил в распоряжение Джорджа, и он повел меня к реке, которую я еще не видел.

Вечер был какой-то странный. Небо — не обложенное тучами, но и не чистое. Солнце светило на западе, среди гор, но небо не отражало ни лучика пламенного заката, простираясь бледным, бесцветным пологом у нас над головой. Стало сумрачно задолго до настоящих сумерек.

Мы вошли под арку, образованную деревьями над узким руслом реки, и несколько минут брели вниз по

течению. Вода доходила до пояса, валуны были не крупнее человеческой головы. Наконец мы вышли из лесного туннеля. Река стала шире, и над ее струящейся поверхностью поднялись высокие скалы. Джордж предложил мне устроить там засаду.

Не успели мы притаиться, как множество крыланов стали шнырять вокруг, совершая разведочные полеты над деревьями вдоль обоих берегов. Можно было подумать, что они все время летают там под прикрытием стены леса и время от времени выглядывают, чтобы подсмотреть, что мы собираемся делать. Рядом с нами росли деревья, на вид совершенно не имеющие съедобных частей, но оказалось, что они как раз полны необъяснимой привлекательности для крыланов, которые стали перелетать к нам с противоположного берега. Об их присутствии нам возвестили звуки — сочное почмокивание и аппетитное чавканье, доносившиеся прямо сверху. Мы не двигались, и новые стаи потянулись вдоль реки, присоединяясь к соплеменникам.

Мы стали стрелять, осыпая дробью летящих животных. Одно из них упало на сухую полосу речного русла. Мы сбегали за ним: оказалось, что это очень крупный экземпляр молотоголового крылана, сородичей которого я видел спящими в пещерах ущелья Манью. Второе животное выглядело совсем иначе. Его, наверное, следовало бы по праву назвать летучей лисицей, хотя шерсть у него была негустая, жесткая и блестящая, как начищенная медь. Третья жертва свалилась в воду почти к моим ногам.

Положив ружье на камень, я спустился в воду, пытаясь поймать добычу, прежде чем ее смоеет в главное русло и унесет прочь. Я наступил на что-то твердое и прочное, но не успел сообразить, что это такое, как оно внезапно ожило и рванулось вперед. Я полетел в сторону, в главное русло. Вода здесь казалась спокойной, но на глубине течение было очень сильное. Крокодилов

в реке не водилось, и я подумал, что наступил на черепяху. Вода понесла меня и бросила на перекат среди гигантских валунов. Летучая мышь исчезла. Мне пришлось сосредоточить все свои силы на том, чтобы то вплавь, то вброд выбраться обратно к нашей засаде.

Вдруг Джордж завопил: «Берегись!», и я оглянулся.

Сам я тоже заорал и мигом нырнул с головой в воду: прямо на меня, в нескольких футах над водой, несло черное чудище размером с орла. Я видел его морду только мельком, но мне и этого хватило, потому что его отвисшая нижняя челюсть была вооружена полукругом острых белых зубов с промежутками между ними примерно такой же ширины.

Когда я вынырнул, оно уже исчезло. Джордж смотрел ему вслед и стрелял уже из второго ствола. Мокрый до нитки, я выкарабкался на камень, и мы уставились друг на друга.

— Вернется или нет? — сказали мы одновременно.

И перед самым наступлением непроглядной тьмы оно вернулось, ныряя в бреющем полете над рекой, щелкая зубами, с громким шорохом рассекая воздух широкими, черными, как у мифического вампира, крыльями. Обоих нас это застало врасплох, у меня даже ружье не было заряжено, а зверюга неслась прямо на Джорджа. Джордж моментально пригнулся. Страшилище пронеслось над ним и сразу же исчезло в темноте ночи.

Мы спустились обратно в русло реки и пошли вброд домой, в лагерь, где нас уже поджидали местные охотники, разложившие свой товар на продажу. Они прошли многие мили от своих охотничьих угодий ради этого дела.

— Какой это крылан? — спросил я. — Вот с такими крыльями, — я развел руки в стороны, — и весь черный?

— Олитау! — вырвалось у кого-то громкое восклицание, а затем последовало оживленное обсуждение столпившихся ассумбо.

— Где вы видеть это мясо? — спросил старый охотник среди гробового молчания.

— Там, — ответил я через переводчика, показывая в сторону реки.

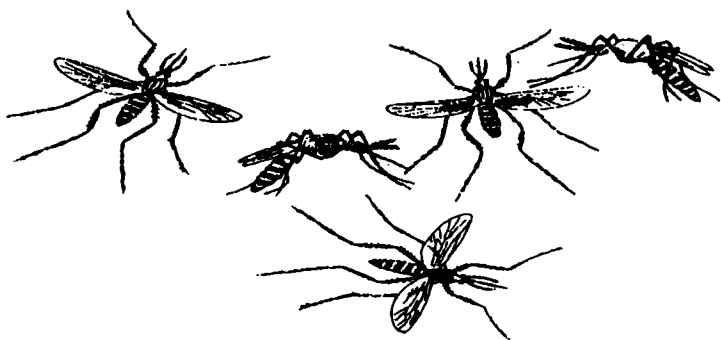
Охотники все, как один, схватили свои ружья и ушли из лагеря, не разбирая дороги, напрямик в родную деревню. Они даже бросили у нас так нелегко доставшийся им товар.

На другой день в лагерь неожиданно явился старый вождь в сопровождении деревенского совета в полном составе. Он прошел много миль из главной деревни. Вождь был озабочен. Он неуверенно спросил, нужно ли нам обязательно оставаться в этом месте, осведомился, не интересуют ли нас другие дальние холмы.

Нет, никакого другого места, кроме этого, нам не подходит, объяснили мы ему.

Вождь опечалился; старейшины явно были не в своей тарелке. Они ушли назад, в деревню. Мы остались в третьем лагере, но ни разу больше не видели это чудовище, и нам никто не принес ни одного охотничьего трофея.

Глава семнадцатая
**КОМАРЫ И ИМ ПОДОБНЫЕ.
НАСЕКОМЫЕ-ПАРАЗИТЫ. ХАМЕЛЕОНЫ.
ЛЯГУШКИ. ПОДОГОНА. ПТИЦЫ**

Должно быть, вас удивило, что, рассказывая о необычных «паразитах» в окрестностях станции Мамфе, я ни словом не упомянул о некоторых «заправских» вредителях, испокон веков досаждающих человеку. Те, кто побывал в тропиках, могли бы подсказать их названия.

Единственное, что я могу привести в оправдание, — тот факт, что список подобных вредных созданий мог бы занять всю книгу целиком. Практически он бесконечен. Те, о которых я решил рассказать, в основном переселились в новые места обитания из-за вырубki лесов и прочей человеческой деятельности или прямо

завезены сюда человеком. Остальные, может быть отчасти даже и более докучливые,— «уроженцы» описываемых нами мест. Вырубка деревьев просто-напросто лишила их прикрытия. Эти насекомые возникают в любом месте сразу же, как только появится пятнышко солнечного света, прорвавшееся сквозь лиственный океан, когда его потревожит человек. Они местные «дублеры» животных, описанных в первых главах. Самым выдающимся из них является комар. Впрочем, правильнее говорить «комары», чтобы не ввести читателя в заблуждение,— их превеликое множество видов. В Англии некоторых из них мы зовем «мошкой», но, к прискорбию, так называют подчас совершенно непохожих друг на друга насекомых. Старушка в Йоркшире назовет мошкой совсем не то, что молодой житель Корнуэлла. В Норвегии, за Полярным кругом, водятся комары (или, если угодно, мошки), которых любой уважающий себя англичанин назвал бы «долгоножками». И кусаются они соответственно своим размерам.

В Африке среди множества этих двукрылых выделяются три рода: *Culex* — насколько мы пока знаем, они безвредны, но кусаются здорово; *Anopheles*, который садится, задрал брюшко, и обменивает горсточку малярийных плазмодиев на обильную порцию вашей крови; *Stegomyia* — полосатый, как зебра,— страшный переносчик убийственного возбудителя желтой лихорадки, которой все боятся как огня.

В Мамфе все эти комары водились в изобилии. У каждого африканца — эндемическая желтая лихорадка. За год до нашего приезда один *Stegomyia* перепорхнул с руки африканца на руку европейца, который еще не болел, и в результате все «белые» жители станции, за исключением доктора, который уже успел заболеть, и еще одного человека, находившегося в отъезде, перемерли за одну неделю. Кроме того, «малярия с желту-

хой» (более осторожное название желтой лихорадки) одновременно унесла жизни сотен африканцев. Мы обнаружили нескольких *Stegomyia* и выследили место их выплода. Это оказалась старая консервная банка, заброшенная на крышу соседнего домика.

Что сказать об анофелесе? Он здесь водится и кусает всякого, кто только ступит на берег. Малярия обеспечена всем без исключения. Мы тоже не избежали общей участи. Кулекс также обитает повсюду, но одно место мне особенно запомнилось.

Обабра — главная станция одноименного района, граничащего с Мамфе, но находящегося уже в Нигерии. Ее домики разбросаны там и сям на пологом невысоком холме, одиноко торчащем на просторе бескрайних болот, среди которых извивается Поперечная река. Мы пробыли там несколько дней, когда наступило полнолуние. Выглянув из дома, можно было подумать, что по земле стелется густой белый туман высотой почти в полметра. Но это были комары. К счастью, все они относились к роду *Culex*. Кусались они непрерывно и с таким остервенением, что даже наши африканские рабочие явились к нам просить прибавки к жалованью — на покупку противомоскитных сеток.

Но есть более интересные и гораздо более неприятные насекомые, чем комары. Если вам случалось когда-нибудь стоять на лесной прогалине в Англии или в Америке, впрочем в какой угодно стране, то вы могли заметить оранжевых мух, зависающих в воздухе как вертолеты, притом крылышки их вибрируют с невероятной скоростью. Эти мухи-вертолеты наиболее часто относятся к роду золотоглазиков, *Chrisops*. Их африканские родичи — кровососы. Летучие кровопийцы обычно несут в своих головках микроскопических паразитических червей, которые внедряются в ваше тело, когда муха просекает кожу. Каждый из них прогрызает себе

ход и отправляется в зловещее путешествие по всем органам, неуклонно прибавляя в росте. Червь — он относится к филяриям (*Filaria*) — вызывает множество отвратительных заболеваний. Червь закупоривает лимфатические сосуды, вызывая слоновую болезнь (элефантиазис) или болезненную опухоль на тыльной стороне ладони (калабарскую опухоль), которая то пропадает, то снова возникает. Таким же путем проникает в тело и другая *Filaria*; она ухитряется внедриться в глаз между слизистой оболочкой (конъюнктивой) и роговицей.

В одно прекрасное утро в Ассумбо к нам пришел Афа и заявил, что у него «раздуло глаз». Он мог бы и не сообщать об этом, потому что на глазу у него вздулся волдырь, внутри которого извивалось волосовидное тело червя. Хирургических инструментов у нас с собой не было, и пришлось, не теряя времени, действовать подручными средствами.

Мы простерилизовали самый тонкий из препараторских скальпелей и пинцет. Затем подожгли кусок резины и окунули в расплавленный каучук заостренную палочку. Крепко ухватив лицо Афы, мы надрезали ему глаз, и из него вытекло столько жидкости, что казалось — все, глаз пропал. В тот жуткий момент мы сильно усомнились в своих анатомических познаниях. Но жидкость стекла, и червяк был перед нами. Подцепив его липкой резиной, мы стали тянуть как можно медленнее, насколько позволяли трясущиеся руки. Вначале червь выползал с двух концов, но затем только конец, расположенный ближе к наружному углу глаза, оказался привязанным и к палочке, и к многострадальному Афе. В моих запасах познаний по тропической медицине длина *Filaria* не значилась, и я был поражен тем, какое длинное тело намоталось на палочку. Несмотря на длину и чрезвычайную непрочность тела паразита, он вышел целиком — мы рассмотрели его в

сильную лупу и обнаружили, что оба конца не оборваны. Афа не шелохнулся ни разу за время операции. Через несколько дней у него, видимо, все прошло, по крайней мере ему ничто не помешало подстрелить мартышку.

Но давайте оставим неприятные истории — их можно прочитать в любом справочнике по тропической медицине — и вернемся к маленьким чудищам мира насекомых в их чистом, так сказать, виде.

В этой части Африки почти в любом доме, если он заслуживает такого названия, под крышей можно увидеть множество маленьких мешочков, похожих на бумажные; обычно они подвешены на тонких нитях длиной дюйма в два. Сидя внутри дома, вы временами слышите гудение пролетающего насекомого самой гротескной наружности. Это оса металлически-синего или черного с золотом цвета, с небольшим круглым брюшком, соединенным с грудным и головным отделами длинным стебельком не толще булавки. Некоторые из них — строители «бумажных» мешочков.

Другие строят небольшие плотные бастионы, выступающие у стен и по углам. Они вылеплены из приготовленного насекомыми глинистого материала, не уступающего по прочности бетону. Если вы внимательно присмотритесь к этим осоподобным существам, когда они пролетают над вами, то заметите, что они часто возвращаются с каким-то грузом в лапках. Изловите насекомое, и вы обнаружите, что оно тащит мертвого на вид паука. Если вы затем влезете наверх, собьете со стены глиняное гнездо и вскрыете его, то обнаружите внутри несколько ромбовидных камер. Одни из них уже запечатаны, другие набиты мрачным содержимым, но не запечатаны, третьи еще не достроены.

Эти ячейки наполнены пауками, находящимися в удивительном состоянии оцепенения, на грани между

жизнью и смертью; сверху оса помещает свое яичко и запечатывает ячейку. Эта жуткая трапеза заготовлена для молодого поколения славного осиного рода: личинка вылупляется, съедает живые припасы, прибавляя в весе, и окукливается.

Мы собирали такие гнезда: ведь осы — лучшие в мире коллекционеры пауков. Таким образом, мы раздобыли сотни пауков, в том числе виды, до тех пор совершенно неизвестные. Некоторые пауки частично оживали, освобожденные из своих смертных камер, но все были в отличной сохранности, как будто только что из холодильника. Как знать, быть может, жидкость, которой осы парализуют свою добычу, решит когда-нибудь для нас проблему продления жизни...

У нас была клетка, которую я сам сконструировал из остатков ящика и проволоочной сетки, — моя гордость.

Однажды нам принесли хамелеона в мрачно-буrom настроении, и мы поместили его в клетку. Это был самый первый хамелеон, попавшийся нам в Африке, и мы подвергли его целому ряду неприятных экспериментов, чтобы проверить, реагирует ли он на различные внешние воздействия сменой цвета или нет. Но он наотрез отказался демонстрировать нам цветовые трюки, если не считать зеленых пятен, которыми он брюзгливо покрылся. Это нас настолько разочаровало, что мы потеряли всякий интерес к глупой твари.

Мы было совсем про него забыли, пока однажды вдруг не заметили, что дверца клетки распахнута, а обитатель ее исчез. Джордж прочел нашим помощникам краткую проповедь на тему о преступной небрежности. На том дело и кончилось.

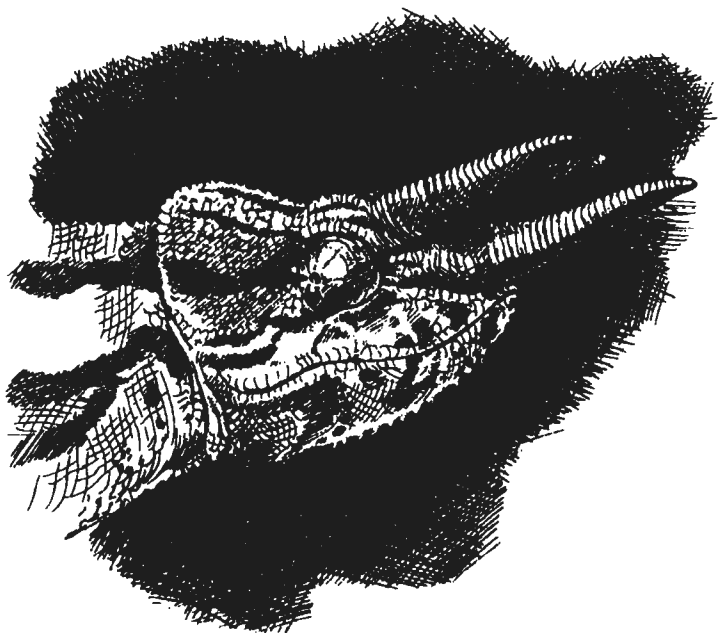
В опустевшей клетке потом жили разнообразные крысы, сменявшие друг друга, гигантский паук и не-

большая змея. Постепенно все они занимали свое место в коллекциях, и клетка несколько дней стояла пустой. Бродя с Басси по высокому лесу, мы наткнулись на прелюбопытное маленькое существо, шествовавшее навстречу нам по тропе. Оно было похоже на хамелеона, бежевого цвета, украшением его служил крохотный хвостик, а на мордочке застыло выражение крайней заносчивости, которое животному придавал маленький, мягкий, задранный вверх «рог» на кончике носа.

Новое существо мы и поместили в пустую клетку. Но когда мы напились чаю, оно в свою очередь исчезло. Ну, это уж слишком! Мы перенесли клетку на веранду и взгромодили ее на стол, чтобы удобнее было производить обыск. Поначалу мы не нашли ни одной живой души, но, вывалив из клетки на стол все листья и прутики, к своему великому удивлению, обнаружили не задаваку, а первого нашего хамелеона! Теперь он был цвета зеленого яблока и страшно похудел — не только от голода, но и потому, что старался стать как можно незаметнее.

Здесь мы обшарили клетку в поисках малыша и в конце концов нашли его — он забился между краем «крыши» и досками, немного отставшими от стены.

Животное как нельзя лучше продемонстрировало нам свои привычки. Общеизвестно, что хамелеоны меняют цвет, чтобы слиться с окружающим фоном, но немногие знают, как трудно заставить их это сделать. Они и вправду меняют общую окраску и даже узор на коже, приспосабливаясь к цвету предмета, на который их посадили, но я считаю, что главную роль в смене цветов играют внутренние изменения тонуса, сродни нашим эмоциям и чувствам. Эти изменения можно назвать сменой температуры, влажности и освещенности, но их вызывают также раздражение, скука, страх или подавленность. Быстрые смены цвета рассерженного ось-

минога — вещь обычная для моллюска, гораздо более умелого цветового трюкача, чем какой бы то ни было хамелеон. У пресмыкающихся почти все перемены наступают медленно, но быстрее всего происходят перемены от эмоций.

Хамелеон, неожиданно возвратившийся к нам из царства теней и духов, — гребенчатый хамелеон, обычный в тех местах вид (*Chameleo cristatus*). Его дальнейшее поведение едва не свело нас с ума. Сначала он попытался притвориться, что его до сих пор нет на месте. Он зацепился за тонкую веточку, и, стоило нам взглянуть на него, как он соскальзывал на противоположную сторону и уплощался до такой тонкости, что на виду оставались только два выпученных глаза по бокам его хрупкого укрытия. Наконец, сообразив, что

его обнаружили, он заковылял прочь с большой скоростью и вышел на середину стола. Здесь он стал красться медленно — воплощенная осторожность. Он не шел, а поднимал одновременно правую ногу и левую руку, нерешительно протягивал их вперед и, уже почти сделав шаг, поспешно отдергивал лапки. И так повторялось несколько раз подряд, прежде чем он решился наконец сделать шаг вперед. Животное раскачивалось взад-вперед, держа тело параллельно столу, на одной высоте, словно танцуя вальс-бостон, только без поворотов.

Выражение чрезвычайной подозрительности у хамелеона усиливалось еще и тем, что он непрерывно вращал глазами, так что мог одновременно одним глазом следить за Джорджем, который стоял впереди него, другим — за мной, а я был у него за спиной. Это ему удавалось потому, что глаза сплошь покрывала кожа, оставляя лишь круглую дырочку в центре.

Мы взяли и посадили странное существо на веревку, на которой сушилась коллекция черепов. Это место, над которым, как я уже говорил, стоял гул от множества мух, оказалось настоящим хамелеоньим раем.

Маленький Альфред, как мы его называли, очевидно, разделял это мнение. Он просто сидел и постреливал в мух своим длиннющим языком, пока не раздулся от обжорства настолько, что, как ни грустно об этом сообщать, отдал Богу свою маленькую душу, которая, без

сомнения,
унеслась в
рай, еще
более изобилующий мухами.

После этого нашим вниманием безраздельно завладел более мелкий рогатый хамелеон брукезия (*Brookesia spectrum*). Он оказался более уравновешенным существом и, что бы мы с ним ни творили, сохранял высокомерный и презрительный вид. Более того, он упрямо отказывался менять цвет — разве что немного приглушал свою окраску под воздействием повышенной влажности. Боюсь, что это животное представляет интерес только для специалистов.

Но нас ожидали еще более удивительные сюрпризы. Мы поймали крупное животное с двумя длинными, слегка изогнутыми вверх рогами на морде. Это создание демонстрировало целые серии цветов; мы даже не могли понять, какой же из них преобладает. Обычно оно умудрялось украсить себя широкими полосами, вокруг туловища и хвоста. Как правило, чередовались темные и светлые тона, но в некоторые «фазы», особенно зеленых тонов, светлые участки превращались в гороши-

ны или даже крапинки. Однако величайшим шедевром хамелеоньего мастерства мы были награждены несколько недель спустя, когда Джордж откопал трехрогого хамелеона. Он оказался еще более раздражительным, закатывал розовые, коричневые и черные истерики, которые сменялись лимонными, желтыми или серыми цветами мрачного уныния, притворялся воплощенной невинностью в ослепительно белом наряде и зеленел не от зависти, а от перемены освещения. Рога у него торчали над обоими глазами и на кончике носа.

Таким образом, у нас побывали хамелеоны безрогие (*Chameleo cristatus*), но зато украшенные короной — мелкими выпуклыми шариками бледно-голубого цвета, обрамляющими ромбовидную ямку на верхней части головы; хамелеоны с одним рогом на носу (*Rhampholeon spectrum*), с двумя (*Chameleo montium*) и с тремя рогами (*Chameleo owenii*). И все они — диковинные, похожие на привидения существа с несносным характером и странными привычками.

Во время нашей экспедиции в Африку много сил, как я уже упоминал, мы отдали ловле лягушек. Это может показаться довольно странным занятием, и вы вправе спросить, для чего понадобилась подобная коллекция. Все, кто в юности жил в деревне, возможно, собирали головастиков и следили, как они растут, а затем погибают в тесных стеклянных банках. В детстве подобные наблюдения кажутся интересными, но в сознании взрослых они как-то больше связываются со всякой охотой за жуками и бабочками и поэтому всецело отдаются на откуп пожилым, странно одетым, заросшим бородами чудакам. Но обычно о лягушках вспоминают случайно, и считается, что они просто-напросто скользкие существа, обитающие в канавах, и все.

Тем не менее именно коллекционеры и специалисты по лягушкам сделали множество замечательных открытий, имеющих немаловажное экономическое значение. Но они до сих пор не получили достойной оценки, и не только потому, что коллекционеры составляют незначительную часть ученых-практиков, но главным образом потому, что монополию в области прикладной зоологии захватили энтомологи. Пестологи, то есть люди, изучающие разного рода вредителей, как правило, глубоко погружены в море разнообразных насекомых или в сильнейшей степени «укушены крысами», как кто-то очень метко выразился. Они изучают насекомых, вредных для человека или для производимой им продукции.

Лягушки — существа безвредные, более того, они явно полезные животные. Но этот факт все еще не находит признания. Очень внимательный наблюдатель, мистер Г.-В. Котт, экспериментировавший с пищей лягушек и изучавший плотность популяции лягушек на ограниченных участках, опубликовал некоторые поразительные сведения о количестве и общей массе поедаемых лягушками насекомых. Изучение этих цифр показывает, что большинство, если не все без исключения, вредные насекомые, которых люди так стремятся истребить, поедаются лягушками. Соединяя данные Котта с нашими выводами, сделанными на основе громадного материала, собранного в полевых условиях, а именно что все ландшафты разделяются между громадным разнообразием видов лягушек, каждый из которых держится своего специфического местообитания, — можно прийти к поразительному заключению.

Вот оно: лягушки — один из величайших природных методов борьбы с вредными насекомыми. Когда человек приходит и нарушает баланс растительности целых районов, особенно в тропиках, путем вырубке де-

ревьев, осушения болот и т. д., он разрушает местобитание множества лягушек, которые просто исчезают с лица земли. Насекомые, которых те раньше поедали буквально тоннами на акр земли, теперь оказываются освобожденными от своих природных врагов и дают гигантские вспышки размножения.

Возьмите, к примеру, тех же комаров. Они откладывают яйца и проводят часть жизни в воде. А там, при естественных условиях, обитает множество лягушек, таких, как *Rana occipitalls*, которые питаются, особенно на ранних стадиях развития, личинками комаров. Если исчезает тень, необходимая для *Rana occipitalls*, лягушки вымирают, а комары процветают. В результате малярия и желтая лихорадка начинают свирепствовать повсюду, если только люди не разыскивают все стоячие лужи и колдобины вплоть до самых мелких и не заливают их нефтью. Может быть, это и очень хитро придумано, но было бы лучше, если бы люди научились помогать своим соседкам-лягушкам, избавляя таким образом себя от множества забот.

Предположим, что владельцы чайных плантаций в Индии и на Цейлоне¹ создали бы условия для жизни и размножения местных лягушек — представьте себе, насколько пышнее стала бы зелень на окружающих склонах!

Подобные выводы можно окончательно сделать только после возвращения из экспедиции и изучения коллекций в целом с учетом полученных на месте данных. В полевых условиях забота была одна — добыть как можно больше лягушек, притом самых разнообразных. Но эта цель сама по себе привела нас к открытиям, которые имеют уже более специальный зоологический интерес.

¹ Ныне Шри-Ланка.

Везде, где росла трава, за исключением необычных горных лугов, водились и лягушки очень своеобразного вида. За неимением лучшего названия их называют «лягушки-пульки». Их тело веретенообразной формы, а задние ноги очень длинные; возможно, это помогает им прыгать среди высоких стеблей травы. Их бывает великое множество, особенно молодых особей длиной в один или два дюйма.

В густых лесах возле Мамфе встречались травяные поляны почти без почвы. Проплешины на голых скалах раскалялись в полдень под солнцем так, что на них можно было жарить яичницу. По трещинам, прорезывающим эти плоские скалы, струились ручейки шириной в три дюйма, в них-то и размножались лягушки-пульки. Их икра была погружена в горячую воду, примерно такую же, какую мы напускаем в ванну; отсюда крохотная лягушечья молодежь выскакивала на камни, до которых невозможно было дотронуться. Просто непостижимо, как это им удается!

В этом смысле и то, о чем я сейчас расскажу, столь же необъяснимо.

Все двенадцать наших носильщиков-намчи постепенно стали еще и коллекторами по совместительству. Это неудивительно: мы всегда были вместе и хорошо узнали друг друга; короче, мало-помалу они включились в нашу общую работу. Они стали нашими общими хранителями! Джордж предложил солидные деньги за новых шпорцевых лягушек. Намчи ухитрились наловить их во множестве, чем сильно повысили свои заработки. Когда же цена на шпорцевых лягушек упала ниже экономически выгодного уровня, они переключились на поиски других лягушек в надежде найти новый ходовой товар и немного порастрасти наши замороженные средства, которые, с их точки зрения, были неисчерпаемы.

И это удалось им как нельзя лучше. Они обнаружили на банановых деревьях маленьких древесных лягушек, которых и стали приносить пригоршнями замученному Джорджу. Один вид, представители которого были нам доставлены в подавляющем количестве, ученые наградили именем *Hyperolius sordidus*. Заметьте: *sordidus*!¹

Это животное, несомненно, было впервые окрещено неким достопочтенным ученым мужем, закопавшимся в музейных фондах где-нибудь очень далеко от Африки и получившим лягушку уже в «маринованном» виде. В то же время ученый мог быть и человеком со специфическим чувством биологического юмора; он постарался наречь животное именем, максимально удаленным от действительности. В заспиртованном состоянии лягушка имеет и вправду тусклый вид, но в жизни ее окраска ни с чем не сравнима и не поддается описанию. Хотя по форме эти лягушки не отличаются от прочих, окраска их необычайно варьирует: просто не верится, что они относятся к одному и тому же виду, пока не отыщутся все переходные формы.

Единственным постоянным признаком является окраска передних и задних лапок, точнее, их внутренних и нижних поверхностей. Они вишневого цвета, но и тут мы нашли исключение — у одной самочки эти отметины вместо ярко-вишневых были оранжевыми. Самой обычной окраски у того и другого пола были спинка — ярко-зеленая и брюшко — шафраново-желтое. Но одна самка была сверху металлически-синего цвета, а спинки самцов иногда расцвечены то чистым золотом, то буровато-коричневым (попадались и бурые с черными крапинками, обведенными белым кантиком, оливково-зеленые и розовато-сиреневые). На брюшке расцвет-

¹ Тусклый, неинтересный (англ.). (Примеч. пер.)

ка от белоснежной переходила к разнообразной пятнистой: то лиловые пятнышки на желтом фоне, то бурый крап на белом фоне, а то и мраморная — коричневая с белым. Спинки их тоже могли быть окрашены в любой из перечисленных цветов, в бурых пятнах, в крапе и «в яблоках». Все это вместе производило фантастическое впечатление.

Но только в тот день, когда я сидел с ружьем в засаде, поджидая белок, и увидел цветущее банановое дерево, я понял, что все цвета и оттенки, встречающиеся у *Hyperollus*, примерно в тех же соотношениях встречаются на дереве. Ярко-зеленый — обычный цвет листвы. Отмершие листья отливают золотом, а высохшие их участки буреют. Когда дерево заражено грибами или иными растительными паразитами, на листьях появляются бурые пятна и крапинки. И наконец, самое поразительное заключалось в том, что громадные цветки оказались лилового цвета с красноватыми кончиками и металлически-синими основаниями лепестков! Передо мной предстал полный набор красок, которые лягушка могла выбирать для своего маскировочного костюма.

Быть может, самой замечательной из всех попавшихся нам лягушек была очень неприглядная с виду мраморная лягушка — *Hemtsus marmoratum*. Наука явно обязана извиниться перед вами за ее название — в среднем роде. Но это еще не все.

Hemtsus (род лягушек-поросят) — маленькие, кругленькие существа с короткими лапками и заостренной мордочкой. Они умеют копать и, собственно говоря, ведут подземный образ жизни. Мы находили их в застойных протоках и тихих лужах. Когда таких лягушек брали в руки, они с перепугу, от возмущения или ради самозащиты начинали раздуваться, намного увеличивая свой прежний объем. Надувшись, они уменьшались по-

немногу и постепенно. Очевидно, «сравливать воздух» было для них нелегким делом.

Когда нам хотелось заставить лягушку раздуться, мы слегка постукивали ее тоненьким стебельком травы, и она тут же реагировала, а через несколько дней достаточно было прикоснуться к ней травинкой, чтобы она начала энергично надуваться.

Этих лягушек местные африканцы высоко ценят с точки зрения культа джу-джу. Трудно было узнать, какую роль они играют, но, судя по всему, их едят (предполагается, что плодovitость этой лягушки при этом передается человеку).

— Сэр, пришел вождь и другой вождь.

Мы переехали на новое место, и переводчик тоже был новый, как вы можете заметить по замене слова «хозяин» на «сэр». Он был придворным посланником, а мы находились на территории Нигерии, где церемонии и неподражаемые приветствия вполне в порядке вещей.

— Проводи их сюда, — ответил я. Мне хотелось повидать вождя, который мне нравился, но в глубине души я невольно ощутил в ту минуту странную грусть. Будь на его месте старик Икумо, после этого объявления я увидел бы совсем другое.

Придворный посланник не преувеличивал, более того, «другой вождь» оказался во множественном числе — человек двадцать. Мы жили в просторном местном доме: чтобы принять и рассадить всех гостей, пришлось принести отовсюду стулья и скамейки. Прибывшие преподнесли нам «даш»: это был ямс, который все единодушно избрали в качестве подарка, чтобы не соперничать. Его складывали на полу у двери. Торжественно провозглашались имена дарителей, а куча у дверей все росла и достигла наконец внушительных размеров. По мере воз-

возможности я отмечал местонахождение деревень этих вождей красным карандашом на карте и старался запомнить их лица. Это были великолепные лица!

Когда все вошли, комната оказалась набита битком. В ней были две двери, одна напротив другой, а между ними был расчищен проход в толпе. С одной стороны полукругом расселись вожди с главным вождем посередине. Позади выстроилась живописная и роскошно одетая свита. Напротив, за столом, сидели мы: посередине — я, по правую руку от меня — Джордж, по левую — Герцог. За нашей спиной и по бокам стоял наш личный персонал, то есть препараторы, облаченные в свои лучшие и самые чистые костюмы. В пустом проходе между нами стоял придворный посланник в темно-синей форме с красным поясом, а напротив него — человек, превосходивший роскошью наряда всех присутствующих, кроме меня. Точное назначение его мы так и не поняли, но кажется, он переводил с одного африканского языка на другой.

Двери, окна и остальные отверстия были до отказа заполнены зрителями.

Это торжественное посольство застало нас врасплох. Джордж, как всегда, оказался одетым в безукоризненно белые брюки и ослепительно чистую рубашку. Герцог тоже был в полной форме, а рубашка цвета хаки подчеркивала его вид бравого англичанина. Я же, со стыдом приходится признаться, был в одеянии, совершенно несовместимом с «престижем белого человека».

Я был облачен в нежно-розовую пижаму из искусственного шелка сногшибательного покроя: брюки с широчайшими клешами, а сверху нечто вроде просторной жилетки. Как я уже упоминал, все мы отрастили бороды, но у меня к тому же были еще и длинные волосы, которые приходилось запрягивать под берет, чтобы они не лезли в лицо. Переодеться я не успел: толпа ворвалась в дом, не дав нам даже опомниться.

Так я и восседал, подобный яркому апрельскому цветочку, под пронизывающими взорами двух десятков необычайно величественных и разряженных по всей форме африканских вождей. Ничего хорошего ждать не приходилось.

Наступило всеобщее молчание. Придворный посланник выступил вперед и заговорил.

— Большой вождь принес привет,— провозгласил он.— Все другой вождь тоже приветствуют и хотя знать, как вам нравится их страна.

— Скажите вождю и вождям,— отвечал я,— что нам очень нравится их страна и мы благодарим от всей души за щедрые подарки.

Мои слова были переведены и встречены с одобрением. Я всегда внимательно смотрю на лица африканцев, слушающих переводчика, который передает мои слова: мне хочется проверить, произвели ли они должное впечатление, хотя лица африканцев — самые непроницаемые из всех когда-либо виденных мной на белом свете. На этот раз меня слегка встревожило то, что некоторые из них уставились на меня с чересчур пристальным вниманием.

Затем последовали обычные переговоры: мы обменялись комплиментами, поговорили о видах на урожай и единодушно сошлись во мнениях о христианстве — бедствии современной Африки. Младшие вожди продолжали пожирать меня глазами в грозном безмолвии. Затем их «король» предложил им высказать личные замечания по поводу сегодняшнего совета. Придворный посланник повернулся к крайнему в ряду престарелому джентльмену, окутанному многими метрами веселенького батика. Настала пауза, пока старик собирался с мыслями, затем он обратился к переводчику.

— Вождь говорит,— сообщил мне переводчик,— он думает, ваш костюм очень хорош.

Он повернулся к следующему.

— Вождь говори,— последовал перевод,— что одежда главного начальника очень хорошая.

Старый вождь сиял, слушая своих подчиненных. Придворный посланник обратился к следующему. Тот уже успел подготовиться и разразился длинной тирадой на родном языке. Переводчик начал посмеиваться. Потом он повернулся ко мне:

— Вождь говори: как так никто не может купи в Африке такая материя, какая хозяин достал для свой костюм? Раз белый люди в лавке у реки покупать наше пальмовое масло, как так они продают одну плохую материю?

Экономика — скользкая тема, но я был счастлив, что моя, как я полагал, непоправимая бестактность получила такую неожиданную оценку, и позволил событиям идти своим чередом. Гости единодушно расхваливали мою розовую пижаму, но каждый не преминул осудить черные деяния Единой африканской компании (ЕАК). Кстати, они и пришли, чтобы поговорить об экономике.

Наконец мы добрались до сути дела. Оказалось, что до наступления депрессии и до того, как ЕАК, как ее называют, захватила монополию на торговлю в Западной Африке, местные жители получали за бочонок нерафинированного пальмового масла в полтора раза больше, чем сейчас. И это их глубоко обижает. Они чувствуют, что их «провели».

Главный вождь обратил наше внимание на то, что почти вся сумма, полученная от продажи компании бочонка нерафинированного пальмового масла, уходит на транспортные расходы по доставке этого продукта на берег большой реки. Он хотел бы знать, не придет ли нам в голову какой-нибудь более дешевый способ перевозки товара? Вождь прибавил, что рядом протекает

небольшая река, которую, как говорят, можно превратить в канал. Он добавил, что вожди собрались и пришли все вместе, чтобы просить нас объяснить, как это делается, и назвать примерную стоимость работ.

Я начал с разъяснения, что мы приехали сюда за животными, но, по счастью, среди нас есть инженер. Герцог раскланялся, и мы договорились об экспедиции на эту реку при условии, что вождь обеспечивает лодки и надежных людей, которые будут запоминать все, что скажет Герцог. Поход был назначен на завтрашний день. После очередного обмена комплиментами, послушав граммофон и почтительно пощупав мою пижаму, все удалились. Мы вернулись к своей обычной работе.

На следующее утро мы растолкали беднягу Герцога с первыми проблесками рассвета. Он отправился на лодке вниз по реке и выяснил, что понадобятся большие взрывные работы и установка шлюзов. Не торопясь, Герцог возвратился домой, кое-что собирая дорогой для нашей коллекции. Ему это было нетрудно, так как он занимался беспозвоночными, а их можно найти повсюду и рассовать по мелким баночкам и пробиркам.

Он вернулся домой уже затемно и в изнеможении упал на свой стул. Мы поговорили о канале, потом пообедали. После обеда снова принялись за работу.

Царила полнейшая тишина.

Я на минуту отвлекся и взглянул через стол на ряд пробирок, которые Герцог вынул из своей сумки и поставил на столе. При ярком свете лампы было видно, как там копошатся какие-то мелкие существа. Сначала я просто взглянул, потом пригляделся, и тут у меня чуть глаза не выскочили из орбит.

— Герцог,— сказал я, едва сдерживая волнение,— что это у тебя в пробирке?

— А, какие-то мелкие пауки, по-моему.

— Ты уверен?

— Ну да, можешь посмотреть.— И он подтолкнул ко мне одну из пробирок. Она подкатилась ко мне. Я еще раз посмотрел на нее.

— Ты понимаешь, что там такое? — спросил я Герцога.

— Нет,— ответил он, слегка настороженный моим странным тоном.

— Дай сюда кювету, быстро.

— Да что там у вас? — вмешался Джордж.

— Этот идиот, этот Первейший из Червяков, поймал *Podogona* и сам об этом не догадывается!

Оба они наклонились над столом, созерцая, как маленькое существо с растопыренными ножками выбирается из пробирки в кювету.

Это была *Podogona*.

Так была решена последняя наша задача. После многих месяцев неустанных поисков в самых разных типах почв, в гнилых стволах, в дуплистых и в живых деревьях, в тине и даже в глубинах рек мы совершенно случайно натолкнулись на ценнейший из наших трофеев. Год назад, почти день в день, меня попросили попытаться найти несколько этих таинственных существ, похожих на клещей, потому что во всех музеях и коллекциях мира была всего горсточка экземпляров. Известно несколько видов из Западной Африки и Южной Америки, но каждый из них представлен одним-двумя экземплярами. Теперь мы изловили еще один вид.

Я взревел так, что проснулась, наверное, вся деревня. Наши помощники ввалились всем скопом в дом.

— Смотрите, смотрите! — кричал я, держа кювету в поднятой руке.— Новый хозяин нашел *Podogona*!

Несмотря на странное и сложное имя, все сразу же поняли, что произошло, потому что мы много говорили об этом животном и непрестанно рассматривали его изображение все время, пока были в Африке.

— Зовите намчи,— сказал я.— Слушайте все! Завтра вы все идете с этим новым хозяином, ложитесь на живот в лесу и не возвращаетесь, пока не соберете много-много этого мелкого мяса. Все люди получают свой «даш» сейчас, и каждый еще больший «даш» завтра, по числу пойманного мяса. А кто вернется с пустыми руками, может убираться домой, к черту, вон!

Можете мне поверить, мы получили много «мяса» — пятьсот штук. Они жили и плодились под лиственной подстилкой в перегное, на клочке заброшенной пашни. Мы получили крупных темных взрослых особей и неполовозрелых — красного цвета. Мы нашли самку, несущую на себе единственное прозрачное розовое яйцо и крохотного потомка всего с тремя парами ног — это значило, что он еще на очень ранней стадии развития. Мы заспиртовали всю добычу, кроме двадцати штук, которых поместили в жестянку из-под печенья, хотя понятия не имели о том, что они едят. Подогона приехали с нами в Англию и жили там еще целый год, хотя никто так и не узнал, чем же они питались. Они присутствовали на заседании Королевского общества, были представлены его светлости архиепископу Кентерберийскому и совету директоров Музея естественной истории. В них тыкали пальцем и заглядывали к ним в банку ученые всех национальностей, но никому до сих пор не удалось получить срезы мертвой особи для микроскопического исследования. Панцирь у них такой прочности, что об него тупятся любые скальпели. Поистине непробиваемые существа.

На пути в Лондон из Плимута, куда прибыла экспедиция, я всю дорогу в поезде держал грязную жестянку с нашими драгоценными зверюшками у себя под боком. Да, привычки охотников за жуками поистине необычны, зато их жизнь полна внезапных радостей и

странных удовольствий. Мы возвращались со всеми на-
меченными заранее трофеями, а сверх того собрали
множество других ценных животных.

— Хозяин, человек принеси мясо!

Старый, давно знакомый крик прозвучал в тысячу
который-то раз.

— Бен,— откликнулся я, не поднимая головы от
работы.— Веди их сюда.

Бен молча выскользнул из дома; послышался доволь-
но долгий разговор. Затем Бен вернулся и сообщил, что
ни человек, ни «мясо» «не хочет идти сюда». Он до-
бавил, что человек, похоже, слегка помешанный, и
спросил, не выйду ли я рассудить это дело. Я вышел.

Передо мной стоял унылый субъект, зажав в руках
два небольших мешочка. Он не говорил ни на одном
из известных нам языков и вдобавок, кажется, был глух
как пробка. Я попытался договориться с ним на языке
жестов и хотел отобрать у него мешки, но он отскочил
назад и принялся угрожающе размахивать руками. Мы
были в полной растерянности.

Пришлось позвать придворного посланника. Ему то-
же перепал «даш» в день поимки *Podogona*, просто по
той причине, что я еще не пришел в себя от радости
и волнения, а он примчался со всех ног. Он, как видно,
понял меланхоличного джентльмена и доложил нам, что
тот принес пару диких и ужасных животных.

— Давай пусть он их покажет, и мы будем говори-
тели о цене.

Человек открыл один мешок и вытряхнул крохотного
котенка с ярко-голубыми глазами. Я равнодушен к
кошкам, и котенок мне сразу понравился. Я нагнулся,
чтобы взять его на руки.

К счастью, не успел я к нему прикоснуться, как он
сделал пируэт, припал к земле и разразился рычанием

и шипением, скаля на меня зубы с ужасно кровожадным видом. Сообщение придворного посланника, что перед нами дикая кошка, оказалось излишним. Это был юный представитель местной породы диких кошек (*Felis ocreata*). Идут споры о том, являются ли они окончательно одичавшими потомками полуприрученных кошек, или, наоборот, это дикое племя, от которого произошли местные полудикие кошки. Позднее нам удалось застрелить двух таких кошек высоко в кронах деревьев. Обе они, как и остальные кошки тропического леса, были голубоглазые (а у деревенских кошек глаза самые разнообразные, как и у наших домашних). Поразительна разница в характере между дикими и одомашненными породами: думаю, что настоящие дикие лесные кошки так же не поддаются приручению, как наша дикая шотландская кошка.

Считается, что кошку одомашнили на заре цивилизации в Египте. И местная дикая кошка (*Felis ocreata*), очевидно, была домашним крысоловом, а из Египта расселилась уже по всему свету, иногда смешиваясь, давая новые разновидности с местными кошками вроде нашей шотландской *Felis cattus*. Однако вполне возможно, что одомашнивание диких кошек произошло в разных странах и в разное время независимо друг от друга. Одна из таких кошек — *Felis ocreata* — распространена в Западной Африке.

Пока что человек явно дурачил нас. Теперь он без предупреждения вывернул второй мешок. Мы были поражены.

У самых наших ног на земле лежала поразительная змея; она не только была необычной окраски — от кончика носа до хвоста вся в продольных, а не поперечных полосах, черных и ярко-алых, — она еще и норовила буквально поразить своего хозяина, бросившись прямо на него, когда он нагнулся за своим мешком. Длинные передние зубы пресмыкающегося впились в большой палец охотника.

Странный малый хрюкнул и отскочил назад, стараясь страхнуть с руки вцепившуюся гадину, но она держалась так крепко, что совсем оторвалась от земли и хлестнула нас с Беном по рукам. Мы завопили и отскочили. Змея упала на землю. Подоспели Фауги и Басси, и змея оказалась окруженной. Она то и дело бросалась на всех по очереди.

Тем временем я схватил охотника и втащил его в дом. Я спросил у придворного посланника, опасен ли укус змеи, и он ответил, что смертельно опасен, но человек не умрет. Мечась в поисках инструментов и лекарств, я поинтересовался, почему же он не умрет, и получил ответ: «Потому что вы ему не дадите умереть». Это меня встревожило. Хотя африканцы считают, что можно умереть от укуса любого пресмыкающегося, боевая раскраска змеи наводила на мысль, что она-то как раз и может оказаться ядовитой.

Человек стоял, не двигаясь, сжимая запястье здоровой рукой. Я отхватил солидный кусок подушечки большого пальца и втер в рану несколько сухих кристалликов марганцовки. Вам может показаться, что это пара пустяков, но вы себе не представляете, какой прочности может достигать кожа на руках африканца. Скальпель у меня был острый как бритва, и все же мне пришлось надавить на него изо всех сил. Человек не произнес ни слова, не издал ни звука, пока я выдавливал кровь из раны и перевязывал руку. Затем он произнес короткую речь на своем странном языке.

Посланник обратился ко мне.

— Человек хочет знать, нужно ли вам это мясо, — сказал он. — А если нужно, сколько дадите за каждое?

Я был настолько ошарашен его хладнокровием, что справился с записями в маленьком ценнике, который мы составили в процессе приобретения животных, и назвал цены, которые был готов дать. Человек бросил одно слово.

— Человек говорит, он согласен,— сказал наш переводчик.

Я отсчитал деньги. Человек взял их, сунул за пояс два пустых мешочка и бодрым шагом вышел из дома, оставив у нас на пороге двух фурий, шипящих и плюющих от злости.

— Эй, спроси его, куда он пошел,— сказал я.— Может, он еще умрет от укуса змеи.

— Человек пошел в свою страну,— последовал поразительно простой ответ.

Последней нашей остановкой в настоящей Африке на обратном пути из «Страны подогоня» была Икури. Оттуда мы спустились по реке в Калабар, в полудикое и сверхсовременное убожество Африки белого человека.

То печальное утро в Икури никогда не изгладится из моей памяти, и мне кажется, что оно навсегда запомнилось также почти тридцати другим людям, которых с тех пор разбросало Бог весть куда по нашей планете.

Рассвет был туманный, как почти все африканские рассветы. Мне удалось ускользнуть и остаться одному. Стояла тишина, только стайки серых попугаев пролетали повыше полога тумана с многозвучным, не поддающимся описанию шумом. Они тянулись к местам привычной кормежки, пересвистываясь, перекликаясь, переговариваясь друг с другом. Это был последний африканский совет, на котором я имел честь присутствовать. Попугаи говорили на неизвестном мне языке, и все же я понимал смысл их знакомых речей и полностью соглашался с ними.

Туман понемногу рассеивался; из него выступали высокие валы зелени и перистые силуэты пальм. Когда лучи солнца достигли земли, невероятное множество птиц и зверюшек ожило и пробудилось.

Когда чувствуешь себя бесконечно несчастным и впадаешь в сентиментальность, все приобретает символический оттенок, но на этот раз, я уверен, во всем, что я видел в то утро, и вправду был какой-то ужасный символический смысл.

Передо мной высились три прекрасные пальмы — или скорее то, во что превратились три некогда одетые в перистые листья горделивые красавицы. Жалкие остатки бывшего великолепия были увешаны гирляндами круглых висячих гнезд кошмарных птиц-ткачиков, которые тучами с визгом и щебетом носились вокруг. Зеленые листья были ободраны с черешков почти до последнего волокнца. Суетливые, деятельные пичуги-самцы в кричаще-оранжевых манишках вместе со своими серенькими замарашками самками показались мне символом. С великолепных зеленеющих деревьев во всей их красе и славе зеленый ореол был начисто ободран этими снующими, пронирыливыми существами, которые надеются только на свою многочисленность и везде, где удастся, готовы понатыкать свои уродливые бесчисленные гнезда. Их гнезда похожи друг на друга — точь-в-точь как неуютные дома и мрачные фабрики унылых европейцев, которые «колонизировали» Африку — так они это называют, — чтобы было удобнее жить самим.

Когда туман окончательно рассеялся, открылись новые символические картины. Множество черно-белых ворон прыгало вокруг, разыскивая всякую съедобную мелочь. Я увидел в них двойников наших неприкаянных душ — думаю, что спокойно могу включить в их число Джорджа и Герцога. Эти вороны — ни черные, ни белые, хотя с виду самые настоящие вороны. Несчастные птицы живут между девственными лесами и расчищенными угодьями колонизаторов, отчасти радуясь новым и изобильным источникам пропитания на возделанных землях, но безутешно оплакивая исчезновение родных

лесов. И наши души, похоже, тоже были черно-пегими, как вороньи перья: отчасти мы признавали пользу своей дьявольской цивилизации, а отчасти глубоко сожалели, даже скорбели, о безвозвратно исчезающей прелести дикой природы.

Мне пришлось оторваться от всего этого, чтобы перейти к душераздирающей церемонии прощания с нами. Мы отправились в маленькую местную лавку молчаливой, тесной толпой. Каждому из африканцев я подобрал рубашку и сверток материи: они сами выбрали себе такой прощальный подарок. Возле нашего упакованного имущества мы в последний раз пожали друг другу руки. Затем печальная небольшая вереница потянулась в лес. Я слышал их стенания еще некоторое время после того, как они скрылись из глаз.

Подошел пароходик; мы взгромоздились на него со всем нашим имуществом.

Мы молча обернулись, глядя на место своей последней стоянки. Свисток залился горестной, одинокой жалобой; несколько белых птиц взмыли над прибрежной гладью и плавно проплыли над травянистым берегом. Одна из них попыталась приземлиться на остатки нашего рабочего стола. Конечно, она промахнулась, как это свойственно белым цаплям. Врезавшись в забор, она закачалась, будто пьяная, взад-вперед. Ослепительно белая птица сверкала на темной зелени леса.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

АЙВЕН Т. САНДЕРСОН по происхождению шотландец. Он родился в Эдинбурге и в семнадцать лет, воодушевленный мечтами о необыкновенных приключениях в тропических лесах, покинул Европу на целый год ради путешествия в Юго-Восточную Азию — в Малайю (ныне Малайзию) и на острова Индонезии.

Почувствовав недостаточность школьных знаний, он проделал обратный путь в тысячи миль и поступил в Кембриджский университет. Позже, в качестве зоолога, он совершил много научных экспедиций, в основном в экваториальные страны.

Через некоторое время Сандерсон, уже известный ученый, переселяется в Соединенные Штаты Америки и посвящает свою деятельность поискам «таинственных» животных, сохранившихся якобы с древнейших времен, — южноамериканских гигантских муравьедов и африканских хищных «ящеров».

Со времени экспедиций Айвена Т. Сандерсона прошло более полувека, но можно с уверенностью сказать, что он и его спутники внесли важную лепту в современную науку о животном мире, причем, по мнению доктора биологических наук В. Е. Флинта, гораздо более значительную, чем «сенсации» последующих лет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная глава	5
-------------------------------	---

Часть первая

НЕОБЫЧНЫЕ ВРЕДИТЕЛИ

<i>Глава первая.</i> Птицы. Землеройки и змеи в траве	19
<i>Глава вторая.</i> Крабы. Их враги. Мангусты. Лягушки и жабы. Крысы. Ящерицы	33

Часть вторая

ВЕЛИКИЕ ЛЕСА

<i>Глава третья.</i> Первое столкновение с дикой природой (дрилы). Второе столкновение (скорпионы). Дикобразы в норах. Встречи с леопардами. Еще одна крупная кошка (Profelis)	55
<i>Глава четвертая.</i> Встреча с кистеухими свиньями. Зеленая мамба. Муравьи. Другие кусающие твари (слепни и оводы) . .	85
<i>Глава пятая.</i> Крысы и лесные лягушки	100

<i>Глава шестая.</i> Крупная дичь (буйволы и антилопы). Стран- ные существа под упавшими стволами. Малые представи- тели кошачьего рода	116
---	-----

Часть третья ВОЗДУШНЫЙ КОНТИНЕНТ

<i>Глава седьмая.</i> Лягушки «на верхушке». Обезьяны. Летучая белка. Галаго. Еще одна охота на галаго	137
<i>Глава восьмая.</i> Население дуплистых стволов	160
<i>Глава девятая.</i> На самом верху. Потто и ангвантибо. Гала- го Демидова. Окраска обитателей крон	180

Часть четвертая ТУМАННЫЕ ГОРЫ

<i>Глава десятая.</i> Гориллы и шимпанзе	209
<i>Глава одиннадцатая.</i> Обитатели трав и горных лесов (обезьяны и лягушки)	231
<i>Глава двенадцатая.</i> «Подземные» животные	253
<i>Глава тринадцатая.</i> Гигантская водяная землеройка	273

Часть пятая ВЕЛИКИЕ ВОДЫ

<i>Глава четырнадцатая.</i> Гиппопотамы. Гигантский скат. Шпор- цевые лягушки и путешествие вверх по реке	293
<i>Глава пятнадцатая.</i> Крокодил берет за дело. Манати	310

Часть шестая ВЕЗДЕ И ПОВСЮДУ

<i>Глава шестнадцатая.</i> Летучие мыши	325
<i>Глава семнадцатая.</i> Комары и им подобные. Насекомые-па- разиты. Хамелеоны. Лягушки. Подогона. Птицы	366
Коротко об авторе	395

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой сериш»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Сандерсон А. Т.

- С 18 Сокровища животного мира / Пер. с англ. М. Ковалевой; Худож. А. Сичкаръ. — М.: АРМАДА, 1996. — 397 с.: ил. — (Зеленая серия).
ISBN 5-7632-0187-6**

Решать загадки природы — дело всей жизни известного американского натуралиста-исследователя Айвена Сандерсона. Его книга, необычайно занимательная и предназначенная для массового читателя, пронизана пытливым желанием автора проникнуть в тайны тропических лесов, познакомиться с удивительными обитателями джунглей Западной Африки.

С 4703010100-98
9С3(03)-96 Без объявл.

ББК 84.7США

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**АЙВЕН Т. САНДЕРСОН
СОКРОВИЩА
ЖИВОТНОГО МИРА**

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Художественный редактор

В. В. Голубева

Технический редактор

И. В. Слепцова

Корректоры

Т. А. Чернышева, Г. А. Голубкова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 01.02.96.
Подписано в печать 17.04.96. Формат 84×108 ¹/₃₂. Бум. кн.-
журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 25000 экз. Заказ № 2391

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ДЭВИД ЭТТЕНБОРО

В поисках дракона

Книга известного британского биолога, популярного ведущего телепрограмм о загадках живой природы, посвящена его экспедициям в тропические страны Южной Америки и Индонезию.

Уникальные исследования, проведенные натуралистом, рассказывают читателю о редких представителях животного мира экзотических стран, например, драконах острова Комодо или реликтовых броненосцах Парагвая. Помимо красочных описаний необычных представителей растительного и животного мира джунглей и пампасов вы познакомитесь с интересными этнографическими наблюдениями ученого. Богатый фактический материал, преподносимый в увлекательной форме, сопровождается выразительными графическими иллюстрациями, а тонкая английская ирония, характерная для манеры изложения автора, придает книге дополнительный шарм.

Книга, несомненно, понравится как взрослым читателям, так и детям, станет настоящим подарком для всех, кто интересуется жизнью и тайнами живой природы.

АЙВЕН
САНДЕРСОН

*Сокровища
животного мира*